

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

М о н а х и н я.

П о в ѣ с т ь.

П Р Е Д И С Л О В І Е.

Кшо не согласишя со мною въ помъ, что первыя впечатленія, получаемыя нами въ ребячествъ, какъ бы ни ослабъвали ошь развитія ума и поняшя, всегда оспавляютъ въ насъ слъды своего влїянїя. — Будучи воспитанъ въ нѣгѣ и роскоши, я подобно многимъ другимъ былъ предоспавленъ исключительному попеченію мамъ и нянекъ; избалованный ими еще въ колыбели, я едва спалъ оперяшья, какъ давалъ уже чувспво-вашь моимъ попечительницамъ, что человекъ родился съ волею. — Съ каждымъ днемъ увеличивалось мое своенравіе; угрозы были щещны, и даже столь извѣстное средсшво усмирять дѣшей, пу-

гая ихъ букою и подобными нещепостями, оставалось безъ дѣйствія. — Няни мои, испуганные сами, учредили совѣтъ, и въ полномъ засѣданіи опредѣлили по большинству голосовъ переменить образъ правленія и замѣнить угрозы хипростію. — Ребенокъ ли скроешь свою слабость, когда и совершенный человекъ со всею своею опытностію такъ часто ее обнаруживаетъ? — Женщины лукавы! Это опредѣлительное ихъ свойство: няни мои скоро добрались до моей слабой струны къ рассказамъ сверхестественныхъ вещей и всегда съ успѣхомъ укрощали мое буйство — общаніемъ побаски о привидѣніяхъ или мершвецахъ. — Смиренно проводилъ я полъ день и съ неперпнїемъ ожидалъ вечера: обыкновенное время для повѣствованій; съ жадностію слушала ихъ рассказы, и рѣдко могъ заснуть прежде разсвѣта; но какъ бы страхъ ни былъ великъ, любопытство беретъ верхъ. И такъ не смотря на то, что я съ ужасомъ проходилъ чрезъ темную комнату, что малѣйшій стукъ приводилъ меня въ трепетъ, что я боялся собственной тѣни, заря разгоняла страхъ и я новыми проказами упрочивала себѣ на вечеръ удовольствіе новаго рассказа. — Прошелъ золотой вѣкъ безопасности; страсти закипѣли; открылся новый свѣтъ, процвѣла новая жизнь. . . Миръ праху вашему, добрыя мои няни! привидѣнія меня болѣе не пугаютъ; напротивъ съ восторгомъ провожу ночи въ ихъ объятіяхъ и часто досаду на поспѣшность упренней зари. — Но все покорно времени; скоро и милыя чародѣйки не будутъ волновать души; скоро, скоро завѣетъ зима. Ахъ! для чего эतोшь мигъ очаровательной жизни — одинъ только мигъ? — Но такъ и все пройдетъ; останешся лишь пепель сто-

рѣвшихъ спраспей... Если между нами щастливцы, въ которыхъ долго длился ихъ горячая зала; но, увы! она болѣе не вспыхнешь, не загорится!... И я уже не шопъ, что прежде былъ; мечта не лешаетъ уже на курьерскихъ съ шяжелымъ вьюкомъ пріятныхъ и грустныхъ воспоминаній; обозъ мой шашится на долгихъ къ вѣчному начлегу; но баловень нянюшекъ сохранилъ еще веселость духа, игривость воображенія и все еще любитъ привидѣнія, хотя рѣже прежняго ихъ видитъ; не совсѣмъ испребилось впечатленіе молодости: до сихъ поръ въ память моихъ нянюшекъ съ удовольствіемъ слушаю рассказы о чародѣяхъ. — Проведши лучшія лѣта жизни въ пушешествіяхъ, я довольно помыкался по свѣшу, много видѣлъ проказъ людскихъ, много слышалъ былей и небылицъ: изъ сихъ послѣднихъ передаю здѣсь одну чипашелямъ; я слышалъ ее отъ сполѣшняго спарика, который увѣрялъ меня, что дѣдъ его былъ очевиднымъ свидѣтелемъ сего происшествія, и я за что купилъ, за то и продаю.

К. А. Долгорукой.

Г Л А В А I.

*Une pioche, une pelle! il faut ouvrir la terre,
Et rendre avec honneur ce corps à la poussière.*

Shakespeare.

Лѣтъ двѣсти шому, какъ просвѣщеніе не такъ еще сильно распроспраняло лучи свои, и наша могущественная Россія едва выходила изъ нѣдръ сумрака; суевѣріе шакъ сильно господствовало въ народѣ, что многіе еще вѣрили старинному преданію, будто душа, опягченная преступленіемъ, опвергалась землею и осужда-

лась въ вѣчныхъ мученіяхъ скипашься по - свѣту на страхъ и зло человѣческому роду.

Въ верспахъ 80 отъ Кіева на высокой скалѣ, омываемой съ одной стороны быспрымъ Днѣпромъ, а съ другой рукавомъ его, могущественно возносился замокъ знамениаго Боярина Петра Борисовича Крушицкаго. — Огромныя стѣны и башни зámка, окруженныя густымъ, сумрачнымъ лѣсомъ, придавали ему видъ дикій и угрюмый. Издалека открывалось пупешественникамъ сіе могущественное зданіе, гордо сопрошивляющееся полюсу вѣковъ. — Красный флагъ съ фамильнымъ гербомъ на угольной сѣверной башнѣ возвычалъ незнакомцу знанность рода и присущствіе Боярина. — Узкая пропика, извивающаяся по скалѣ, вела съ Днѣпровскаго берега къ боковымъ воротамъ зámка; главной входъ въ него былъ со спороны рукава, на которомъ широкой подъемной мостъ охранялъ замокъ отъ внезапнаго нападенія; на прошивулежащемъ берегѣ и безпредѣльной для глазъ равнинѣ находились многочисленныя помѣстья Боярина Крушицкаго; самый берегъ былъ усыпанъ хижинами рыбаковъ. Рыбныя ловли — единственныя промыслы всѣхъ береговыхъ жителей Днѣпра. Съ другой спороны зámка за Днѣпромъ среди горъ и утесовъ были видны ошашки древняго женскаго монастыря, какъ говоришь преданіе; еще донынѣ сохранившіяся развалины свидѣтельствуютъ величіе и значительность сей обители. Спращенъ былъ слухъ въ народѣ объ оной; многіе были очевидцами ужасныхъ привидѣній, бродящихъ по вершинамъ развалинъ, откуда бросались они съ прескомъ косшей въ неизмѣримыя пропасти и помной гуль спона и вопля долго носился въ воз-

духъ и поражалъ слухъ. — Были безстрашные жипели той спраны, которыя осмѣливались сходить въ подземелья монаспыря; но ни одинъ изъ нихъ не возвратился; всѣ содѣлались жерпвою своего любопытства. — Съ ужасомъ проходили мимо сихъ мѣстъ и шворили молитву среди дня. Горе тому, кого заспигала ночь; не одинъ уже спранникъ заплапиль жизнью за неоспорожность свою; почти на каждомъ шагѣ вспрѣчались шакія провалы и пропасти, копорыя грозили неизбѣжною смерпю даже самому знакомому съ шѣми мѣстами. — Было время, что и шайка разбойниковъ — сихъ всечасныхъ поварищей смерпи, для копорыхъ препеть и ужась составляютъ всю цѣну жизни — думая найпи убѣжище въ развалинахъ, бѣжала отъ шихъ мѣстъ.

Било полночь; мрачная ночь набросила покровъ свой на всю природу; все упихло въ замкъ Боярина Крупицкаго; съ одной шолько восточной стороны мерцалъ блѣдный огонекъ. Посреди комнашы, обипой чернымъ сукномъ, подъ пышнымъ бархатнымъ балдахиномъ споялъ гробъ съ шлѣнными оспашками супруги Боярина Петра Борисовича. — Юлія, единственная дочь его, въ шихой молитвѣ у гроба матери соединялась съ нею въ вѣчности; швердый духомъ, но болѣзнующій сердцемъ, вдовець благословлялъ дочь свою именемъ усопшей. Священникъ предъ иконою Спасителя молился обо всѣхъ, испрашивая у Всемогущаго прощєніе, миръ, спасєніе. — Не вопли пришворства, не слезы лицемѣрія были данью въ память покойницы; она еще на землѣ была избранницей благодати небесной; еще среди людей была уже въ обители непорочности; каждый изъ ближнихъ ея скорбѣлъ душой; каж-

дый подданный благодариль за милость, за добро; каждый взысканный пришлец оплакивалъ ее — всѣ молились объ ней, всѣ ее благословляли. Сама смерть не смѣла похитить ангельской улыбки, оставшейся на устахъ ея; всѣ черты лица, казалось, были одушевлены воспоргомъ, побѣдою, но не земною. — Долго не могъ Крущицкій свести глазъ съ охладѣвшаго пѣла жены своей: онъ не вѣрилъ своему несчастію, искалъ еще во взорахъ ея увѣреніе той любви, копорая осьмнадцать лѣтъ составляла безоблачное блаженство его жизни; ожидалъ той привѣтливой, ласковой рѣчи, копорая шакъ часпо услаждала его; мечталъ о соучастіи любимаго предмета; но для него все было кончено! — Свершился законъ природы; маяшникъ жизни канулъ въ вѣчность. За предѣломъ гроба все чуждо человѣку! . . . Могильная пишина царствовала въ обители горести и слезъ; вдругъ раздался звукъ шрубы, обыкновенный знакъ, копорымъ часовой на средней башни извѣщалъ о прѣзжающихъ въ замокъ. Невольно содрогнулись предстоящіе у гроба. О какъ бы шаспеливы были отецъ и дочь, если бы эшопъ звукъ былъ изъ горняго селенія знаменіемъ соединенія; но каждому положень свой предѣлъ, каждому своя скорбь. Когда, шпропшивый человѣкъ, покоришься шы вошь Промысла? когда убѣдишься въ Его благости и перешанешъ ропшашъ?

Со шкрыпомъ и звукомъ цѣпей опушился подъемной мостъ. Молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, какъ вихрь промчался по немъ и влешѣлъ въ замокъ; едва успѣлъ сойти съ коня, какъ сей вѣрный слуга палъ къ ногамъ своего господина; но не шѣмъ были заняпы мысли юноши: онъ пошѣнно бросился во внушренность замка; долго

блуждалъ подѣ темными сводами, пока шускый огонекъ въ концѣ одного изъ нихъ не указаль ему пуши. — Трепешно наложилъ онѣ руку на замѣкъ; сердце замерло; онѣ вступилъ въ комнату и упалъ безъ чувствъ у подножія гроба.

Чеспѣ шебѣ, добрый юноша! шы не забылъ шѣхъ попеченій, копорыя имѣла о шебѣ съ самыхъ дѣшскихъ лѣшъ швоя добродѣшельная благошворительница; шы не забылъ благодѣянія вшорой мапери; шы согрѣлъ въ сердцѣ шу любовь, шу признашельность, копорыя свойшвенны душѣ высокой, душѣ благородной! Прими же досшойное вознагражденіе за добродѣшель, покойница на смершномъ одрѣ благословила шебя, на краю гроба молилась о шебѣ; мысленно прижимала шебя къ сердцу своему; грушила по шебѣ, цѣнила швое сердце, швою душу, предузнала скорбѣ швою и скорбѣла о шебѣ, любила шебя до послѣдняго біенія сердца, думала о шебѣ до послѣдняго дыханія. — Чеспѣ вамѣ, добрыя чада, ушлаждающія жизнь родителей!

Владиміръ (имя молодаго человѣка) почувшвовался въ объшпяхъ Боярина Пешра; крѣпко прижалъ онѣ его къ груди своей и долго рѣчь обоихъ была закована на ушлахъ ихъ. Кшо любилъ, кшо шерялъ любимое, шому знакомо эшо чувштво. „Гнѣвъ Божій надо мною!“ сказаль Бояринъ Пешръ: „шпяжелое послаль Онѣ мнѣ испшшаніе!“ Да будешъ воля Его! — ошвѣчаль Владиміръ. — „И да исполншся воля покойницы!“ сказаль Крушицкой: „Владиміръ! прими залогъ любви вшорой швоей мапери; шебѣ ввѣряешъ она учашъ и шчасіе дочери своей; приближшесь, дѣши! примите ее и мое благословеніе; я соединяю васъ въ чашъ горештной разлуки; но шѣмъ да будешъ шеснѣе и швещеннѣе вашъ союзъ; послѣдуйте ее добродѣтели и Богѣ

васъ благословишь.“ Клянусь — воскликнулъ Владиміръ — священнымъ прахомъ матери быть вѣрнымъ до гроба Юліи и добродѣтели. —

Владиміръ, сынъ бѣднаго, но достойнаго Боярина Хицкаго, былъ году, когда лишился отца своего, погибшаго на полѣ чести за вѣру и опечесство. Бѣдная мать его не на долго пережила свое несчастіе: горе, этою вѣрный переводитель къ преждевременной могилѣ скоро опверзъ ей двери гроба; чувствуя приближеніе конца, она поручила единственнаго своего сына добродѣтельной Боярынь Намальѣ Федоровнѣ Крупицкой. — Владиміру было тогда 4 года; его щасливья способности успѣшно развернулись неусыпными стараніями благодѣтелей; онъ оправдалъ ихъ милости, любилъ Крупицкихъ, какъ роднаго отца и мать и въ полной мѣрѣ былъ достоинъ названія сына. Онъ воспитывался подъ одной кровлей съ Юліей, и первое ощущеніе сердца, первой воспоргъ любви, первый вздохъ спѣсненной груди — все принадлежало Юліи; весь міръ для Владиміра заключался въ ней. Взаимность чувствъ еще болѣе усилила сію склонность. — Родители Юліи съ удовольствіемъ взирали на возрастающую надежду будущаго своего утѣшенія, на подпору своей старости; добро ихъ не оспалось въ шунѣ. Юлія, совершенное изображеніе матери своей, съ необыкновенной красотою соединяла крошость души, чувствительность сердца — однимъ словомъ, всѣ очаровательныя качества женщины. Правильныя черты лица ея одушевлялись ангельскою улыбкой; голубые какъ незабудки глаза на долго оставляли впечатленіе очаровательнаго взора; черные волосы, заплетенные въ двѣ косы, ниспадая на плеча, еще болѣе возвышали бѣлиз-

ну ея; стройность спана довершала совершенство красоты. Владиміръ съ пылкой душою, съ неуспрашимымъ сердцемъ еще въ ребячествѣ показывалъ нѣ свойства, съ которыми человекъ достигаетъ безпрепятственно своей высокой цѣли; врагъ несправедливости и насилія, онъ пвердъ былъ въ бѣдствіяхъ, сострадателенъ къ несчастію и не поколебимъ въ добродѣтели. Храбрость уже была начертана на юномъ челѣ достойнаго сына Хицкаго; одна любовь могла смягчить строгость взгляда и лица юноши; но во всѣхъ чертахъ его сіяло мужество и благородство. — Ему минуло осьмнадцать лѣтъ, когда воззваніе гибнущаго отечества вооружило его местию за родину. Въ первой разъ еще покидалъ онъ своихъ благодѣтелей, въ первый разъ разлучался съ Юліей... Какое перо выразитъ ихъ разлуку! — Проводивши Владиміра до берега, долго еще жилили замка глядѣли въ слѣдъ удаляющемуся воину и грустно возвратились домой. — Скоро молва о доблестныхъ подвигахъ Владиміра достигла до Крушицкихъ. Съ чѣмъ сравнишь удовольствіе родителей при доброй вѣсти о дѣтяхъ своихъ? — Какъ передать чувство Юліи? Однѣ слезы — вѣспницы сердечной скорби. Уже истекалъ другой годъ отсутствію Владиміра, когда горестное событіе кончины Напальи Федоровны поразило семейство ея. Еще во время ея болѣзни былъ отправленъ гонецъ къ Владиміру; но не смотря на всю его поспѣшность, онъ не заспалъ ее въ живыхъ.

Наспалъ день похоронъ — часъ вѣчной разлуки. Неизъяснимы ощущенія человека! Доколь не преданы еще землѣ оспашки любимаго нами предмета, — непонятное чувство волнуешь нашу грудь; какое + то лживое утѣшеніе, обман-

чивая надежда еще обольщаютъ насъ.... Не все ли уже кончено? Но чувства льстятъ воображенію и мы охотно предаемся ихъ обманчивому влеченію. — Свершился обрядъ церковный, сокрылся милый образъ въ жилищѣ вѣчной ночи: миръ праху своему, примѣрная жена, чадолюбивая мать, незабвенная благошворительница! — Долго, долго ты будешь жить въ памяти и сердцѣ ближнихъ своихъ.

Бракъ Юліи и Владиміра не могъ совершиться прежде года; въ погдашнее время не смѣли бы и помыслишь о шомъ; такой поступокъ противъ правилъ былъ бы спрашнымъ грѣхомъ и наравнѣ съ преступленіемъ; тогда еще не было введено въ обыкновеніе оплакивать мать среди многолюднаго общесства и забавъ свѣша; нынѣ эпо дѣлается — для утѣшенія въ печали; но чего не дѣлается нынѣ, благодаря просвѣщенію! — Между шѣмъ честь и долгъ призывали Владиміра въ ряды сражающихся соотечественниковъ; онъ снова долженъ былъ выѣхать изъ зѣмка; но на кого оставишь онъ пеперь свою Юлію? Болѣе чѣмъ когда-либо чувствовалъ онъ свою потерю. Бояринъ Крушицкой, человекъ добродушный, но слабый и легковѣрный, не имѣлъ шѣхъ швердыхъ свойствъ душевныхъ, которыя могли быть для Владиміра залогомъ спокойствія Юліи. — Долго боролся онъ самъ съ собою; но заглушалъ чувство любви обязанностію гражданина, шо съ новой силой вполне предавался спраши своей; но спыдъ измѣнить чести все побѣдилъ. Владиміръ разстался съ Юліей, поручивъ ее попеченіямъ старой, преданной вскормившей ее няни и защитѣ храбраго своего, испытаннаго въ вѣрности, оруженосца Димитрія; благополучно прибылъ подѣ знамена

единовѣрцовъ и снова былъ на страхъ и смерть врагамъ. — Оставимъ юнаго героя спяжашъ новые лавры и украшашъ ими гордое чело свое, и обратимся въ замокъ Боярина Крупицкаго.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ь .

Раскройте Журналь: *Сѣверная Минерва*, на 256й страницѣ въ 4 Но, и прочтите *Двѣ выпуски*, а попомъ *Примѣчаніе Переводчика* на стран. 261й. Пламенное негодование добродѣтельнаго спарца дастъ вамъ почувствовать наиживѣйшимъ образомъ гибельное заблужденіе умовъ и талантовъ, нынѣ господствующее въ несчастной Франціи! . . . и вы безъ сомнѣнія, какъ и онъ, *бросите въ огонь* *Reau de Chagrin*, ежели имѣете ее, и повторише за нимъ съ неизъяснимымъ движеніемъ души: „Гори, окаянная! . . . Поди, и въ адъ улѣтай чертей; рассказывай имъ съ веселоспію и краснорѣчіемъ, какъ люди сами себя убиваютъ, какъ молодыя женщины бросаются съ моста въ рѣку, какъ дѣши сажаютъ опцовъ въ шюргу, какъ мужья бросаютъ женъ и дѣтей своихъ, и называй все это *высокими поэмами!* . . .“ Горе тому, кто, по крайней мѣрѣ, не содрогнется при чтеніи вышесказаннаго *Примѣчанія*, изливагося изъ сердца, любящаго человечество! „Давно вопіяли: *о времена!* *о нравы!* а нынѣ надобно еще прибавить: *о разумы!*“

Такъ заключаетъ добродѣтельный спарець переводъ двухъ совершенно - противоположныхъ спашей, возврапившихъ юность его таланту...

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Въ день имяннѣ В. Н. Н.

Не блещишь луна въ пошокъ ;
 Ушро гонишь ночи тѣнь —
 И на розовомъ воспокъ
 Засвѣтился яркій день,
 День завѣтный, день прелестной !
 Гость великій — Ангель швой —
 Озарилъ тебя святой
 Благодатию небесной.
 Вошь малюпки вновь и вновь
 Собираясь, поздравляюшь ;
 Въ ихъ очахъ огнемъ сіяюшь
 Благодарность и любовь.
 Въ даръ, въ залогъ судьбы прекрасной
 Получивъ ошь неба ихъ,
 Встрѣпишь жизни западъ ясной
 Ты въ надеждахъ золошыхъ.
 Наслаждайся въ непорочномъ
 Ты сліяніи сердець !
 Пусть въ величіи непорочномъ
 Дышетъ гордостью глупецъ.
 Ты составилъ, сердцемъ правый,
 Міръ семейства, — рай земной.
 Не купишь его цѣной
 Злата, почестей и славы !

А. Никитинъ.

Р о м а н с ъ.

Шуми, шуми, о Днѣпръ широкой!
 Умчи печаль мою съ собой!
 А я, какъ путникъ одинокой,
 Брожу въ семь міръ сиротой.

*

Взойдетъ ли солнце, — день настанетъ:
 Я съ новымъ днемъ лишь слезы лью;
 Луна ли на небѣ проглянетъ:
 Съ унылой арфою пою.

*

Шуми, шуми, о Днѣпръ широкой!
 Умчи печаль мою съ собой!
 А я, какъ путникъ одинокой,
 Брожу въ семь міръ сиротой.

*

Не выходи, о мѣсяцъ ясный!
 Ты изъ чертоговъ золошыхъ:
 Твои лучи опниюдъ невластны
 Для непробудныхъ чувствъ моихъ.

*

Не вѣйте, вѣтры легкокрылы!
 Вы не несете отъ страны —
 Страны прелестной — пѣсенъ милыхъ:
 Онѣ въ душѣ погребены.

*

Хошь и окована шоскою
 Душа моя въ чужой странѣ;
 Но, можеть бышь, еще судьбою
 Назначена отрада мнѣ.

*

Шуми-жь , шуми , о Днѣпръ широкой!
 Умчи печаль мою съ собой!
 А я опъ родины далекой
 Живу здѣсь пламенной мечшой.

И. За — нь.

6 Января , 1830.

Москва.

КЪ ПОРТРЕТУ

А. В. К. . . . й.

И красота лица , и прелестъ туалета —
 Все вдохновенье для поэта!

С М Ъ С Ъ.

К о н ц е р т ы.

Послѣ перваго концерша въ Благородномъ Собраніи , длинный рядъ ихъ открышь госпемъ и короткимъ знакомцемъ нашимъ , г-мъ Този , котораго паланшъ и метода въ нашей *Столицѣ искусствъ* , п. е. С. - Пешербургъ , усовершенствовались еще болѣе , и Московскіе *дилеттанты* не могли наслушаться его превосходныхъ голосу и пѣнью.

Вшорой концершъ данъ г-мъ Палемъ , первымъ гобоисшомъ Императорскихъ Московскихъ Теашровъ , и конечно не послѣднимъ изъ виршуозовъ на своемъ необыкновенномъ инструменшъ , Англійскомъ рожкѣ.

Наконецъ предспали на судъ филармонической публики прївзжіе молодые аршисшты , Да-

видъ и Ромбергъ. — Миръ искусствъ есть именно тошъ, въ которомъ не могутъ быть поставлены столпы Геркулесовы. Послѣ того, какъ явились Бальйо, Роде, Лафонъ, Липинскій, казалось, можно было сказать: *Nec plus ultra!* Но явился новый завоеватель на скрипичномъ поприщѣ, и столпы Геркулесовы опрошены! . . . Кто же, нынѣ, поручится за то, чтобы и *Паганини* когда-либо не уступилъ славы друга *Александра Великаго*? . . .

Подобныя идеи не мѣшали наслаждаться игрою скрипача Давида и виолончелиста Ромберга, цвѣтущую какъ лѣта ихъ; и, продолжая сравненіе, можно и должно сказать, что разнообразныя звуки, извлекаемые сими юными чадами Аполлона изъ магическихъ инструментовъ своихъ, то же для слуха, что *розы* для обонянія. Все, что ни читали мы о Давидѣ и Ромбергѣ, все то узнали собственнымъ чувствомъ. — Чего еще не лзя ожидать отъ подобныхъ талантовъ *современнѣ*? Оба артиста играли большею частію свои сочиненія, доказывающія талантъ ихъ и въ семь отношеніи.

Первый солистъ Императорскихъ Московскихъ Театровъ, г-нъ Грасси, бросилъ перчатку г-ну Давиду; и на другой день далъ концертъ, въ которомъ приобрѣлъ блестящій вѣнокъ славнаго состязанія. Быстрый, пламенный смычокъ нашего артиста приводилъ въ движеніе *патріотическія* чувства наши, сопровождавшіяся громкимъ рукоплесканіемъ. Прилѣжный, неушомимый Грасси играетъ еще лучше, нежели какъ игралъ прошлаго года.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

П а р и ж с к і я м о д ы .

Бѣлыя креповыя платья , вышитыя бѣлымъ шелкомъ и золотомъ , отменно щеголеваты . Узоры сего шитья чрезвычайно красивы , когда они идутъ въ видѣ колоннъ , расширяясь къ низу .

— Цвѣты и ленты служатъ большимъ украшеніемъ для рукавовъ , которые часто дѣлаются двойными беретами .

— Дикій цвѣтъ въ большомъ употребленіи у щеголихъ для дульетъ и ушренныхъ шляпокъ .

— Въ *полу - нарядѣ* часто надѣвають на шею цвѣтную ленту , которая завязывается спереди , обвившись вокругъ шеи . Бѣлому кисейному платью пунцовая лента , расположенная такимъ образомъ , придаетъ большое украшеніе ; иногда такіе же бантики прикалываются къ короткимъ рукавамъ .

— Чтобы сдѣлать бархашныя платья , нынѣ столь модныя , нѣсколько *легге* , по къ нимъ надѣваются короткіе бѣлые апласные рукава съ газовыми баншами .

И з љ а с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ѣ № .

Креповое платье , отдѣланное шюлевымъ рюшемъ . Прическа украшена гирляндой и спѣлами .

О П Е Ч А Т К А .

Въ предыдущемъ № на стран. 204 , строка 6 , напечатано : гиніями , вмѣсто : гинеями .

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы , по опечатаніи , были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра . Москва . Марша 28-го дня , 1832 г .
Ценсоръ , Заслуженный Профессоръ , Статскій Советникъ и Кавалеръ Иванъ Двиугубскій .

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П р о з а.

М о н а х и н я.

П о в ѣ с т ь.

(Продолженіе.)

Г Л А В А II.

Le vice souvent pour mieux nous tromper
Se pare des couleurs de la vertu.

Juvenal.

Съ кончиною Боярыни Напальи Феодоровны все измѣнилось въ замкѣ Крупицкаго; исчезли радость и веселіе; уныніе овладѣло всѣми, какъ будто щаспіе каждаго было схоронено съ нею. Но кто изъ насъ не ощутилъ шогоже измѣненія при потеріи милаго намъ человѣка? Та же богашая очаровательная природа, шо же ясное небо, шѣ же приманчи-

выя мѣста; но безъ той, которая одушевляла все, которая красила собою каждой мигъ нашей жизни; все, что прежде ни было мило, перьятъ цѣну свою въ глазахъ нашихъ. — Одиночество спановилось ежедневно тягостнѣе Боярину Крупицкому; любовь дочери не могла возвратишь ему потерю его, не могла замѣнишь ту утрату чувствъ, безъ которыхъ жизнь для него была мученіемъ. Тщешно старалась Юлія развлечь отца своего: ни ласки, ни привѣтливости, ни что не успѣло въ томъ. — Уже прошло полгода, какъ скончалась супруга его и никто еще изъ жителей замка не видалъ Боярина, никто кромѣ Юліи не имѣлъ къ нему доступа; казалось, что грусть его будетъ вѣчною. Но время — эпохъ цѣлишель самыхъ глубокихъ язвъ, укротило наконецъ опчаяніе Крупицкаго; онъ возвратился въ общество и скоро не осталось слѣда прежней печали. Одно жилище его хотя рѣдко напоминало ему прошедшую скорбь. Онъ рѣшился оставишь замокъ свой на нѣкоторое время и переселишься съ дочерью въ Кіевъ; тамъ намѣренъ былъ провести остальные пять мѣсяцовъ до испеченія года и возвратишься къ назначенному времени для свадьбы Юліи. Путешествіе, перемѣна мѣста, новые предметы, живость Кіева — все довершило его изцѣленіе. Не такъ успѣшно дѣйствовало время на Юлію; каждый день вспоминала она мать свою, каждый день была на ея могилѣ и оплакивала усопшую. Можетъ быть, и надъ Юліею изощришь время власъ свою; можетъ быть, охладѣюшь и ея чувства; но вѣрно никогда не будетъ оно въ силахъ осушишь слезы умиленія, слезы благодарности. Грустно было Юліи оставишь замокъ, гдѣ все такъ живо напоминало ей щасп-

ливья лѣта юности, добродѣтельную мать, любезнаго Владимира; но чѣмъ бы не пожертвовала ея ангельская душа для спокойствія родителя!

Едва узнали въ Кіевѣ о прибытіи Боярина Крущицкаго, какъ всѣ поспѣшили къ нему; не доставало мѣста для помѣщенія прїѣзжающихъ; всѣ имѣли право на дружбу, на ласку, на услуги его: кто причисался ему родственникомъ; кто назывался другомъ, кто старымъ прїятелемъ, кто просто знакомцомъ; но никто не подумалъ бы, чтобъ пошъ самой Крущицкой, коюрой семь мѣсяцовъ тому какъ ни кѣмъ не былъ взысканъ въ несчастіи, имѣлъ такое множество друзей и преданныхъ ему людей! Правду сказалъ одинъ изъ нашихъ стихотворцовъ: „Всѣ вѣрны, всѣ прїятели до чернаго лишь дня!“ — Но таково нашъ свѣтъ; и какъ бы ни увѣряли меня почтенныя спольшнія бабушки, что люди прошедшаго вѣка были добродѣтельныѣе и лучше; я рѣшительно не вѣрю: старушки кривяшъ душою; мы всѣ одинаковы въ подобныхъ случаяхъ; прошедшее для насъ прекрасно, а настоящее почти всегда или дурно, или безъ всякой цѣны.

Знашность и богатство Боярина Крущицкаго скоро содѣлали домъ его сборнымъ мѣстомъ для жителей Кіева: съ утра до ночи толпился у Крущицкаго народъ и всѣ душевно были бы преданы, какъ говорили сами; легковѣрный Крущицкой, твердо увѣренный въ искренности всѣхъ своихъ пошшителей, не зналъ, какъ и многіе другіе, что сущест्वительное въ человѣческомъ изображеніи есть самая ничтожная вещь безъ полезнаго для другихъ прилагательнаго; всѣ хвалили, всѣ величали, всѣ превозноси-

ли Боярина Крупицкаго. Кто же не соблазнишься? Одинъ ли Крупицкой угорель опъ чада высоко-мѣрія? Какъ много ему подобныхъ, копорые полношой звонкаго кошелька замѣняють пустошу головы и души: я охотно бы назвалъ нѣкопрыхъ; перо мое неперпѣливо ждепъ, чпобы черкнула рука. Но что скажущъ нѣкопорые вельможи и богачи? что скажущъ ихъ идолопоклонники? а пуще всего — что скажущъ наши Московскія аффериспы? Успокойшесь, господа! я молчу и швердо убѣжденъ, что для равновѣсія должно бытъ *такъ*. — Но что поспоянно въ мѣрѣ? Справедливо отвѣчалъ Эзопъ, когда спросили у него: куда идешь? *не знаю!* То же самое могъ сказать Крупицкой: шумная жизнь скоро надобла ему; онъ снова искалъ уединенія; часпо въ прогулкахъ своихъ выходилъ изъ Кіева, перялъ его изъ вида и до глубокой ночи сиживалъ на берегу Днѣпра; подобно волнамъ его, вздымалась грудь Крупицкаго: онъ перялся въ мысляхъ, не умѣлъ дать себѣ опчета въ чувспвахъ, помился; пустоша сердца содѣлывала его равнодушнымъ ко всему; даже все было ему въ пятгоспъ: онъ бѣжалъ уединенія, искалъ людей, и снова покидалъ ихъ; но куда уйдешъ человекъ опъ самого себя! . . .

Бѣдная Юлія была въ спрадашельномъ положеніи. Воспитанная въ уединеніи, далеко опъ шумнаго свѣпа, она въ первой разъ еще находилась между людьми, ей вовсе чуждыми, незнакомыми. Въ первый разъ вспушила она въ свѣспъ и въ общеспво; но не невѣждой явилась на ихъ поприщѣ; не все ей было дико и ново; давно уже покойная машь ознакомила ее съ симъ вершепомъ спраспей и предразсудковъ, зла и ухищренія; если не могла Юлія собспвенною опышноспію дать надлежащей цѣны свѣшу, по

благодаря наставленіямъ прозорливости, была въ немъ предусмотрительна и оспорожна. Тяжело и скучно было ей видѣть себя непрестанно посреди людей, съ копорыми не имѣла ничего общаго. — Напрасно утверждающъ многіе, что приманчивое веселіе свѣша можетъ развлечь уныніе сердца: истинное чувство горести ищешъ облегченія среди забавъ; оно не чувствительнѣе къ радостямъ, не внимательнѣе къ вошпоргу и самое веселіе удвоиваетъ мученіе ноющаго сердца. Грустно проводила Юлія дни свои; единственною ея опрадою было уединеніе; часто подъ предлогомъ нездоровья проводила она цѣлыя сущки въ комнатѣ своей, гдѣ безпрепятственно предавалась мыслямъ, чувствамъ и воспоминаніямъ своимъ, грустила по машери и вздыхала по Владимірѣ.

Однажды Крушицкой, болѣе мрачный чѣмъ обыкновенно, вышелъ изъ города и долго въ задумчивости слѣдовалъ взорами за теченіемъ Днѣпра; ничто не развлекало мыслей его; все вокругъ него было тихо и безмолвно; вся природа спокойствіемъ своимъ, казалось, соучаствуетъ въ его мечтаніяхъ. — Внезапной крикъ поразилъ слухъ Крушицкаго; онъ пришелъ въ себя и увидѣлъ женщину, ищущую спасенія отъ преслѣдующей ее змѣи; поспѣшно бросился къ испуганной на встрѣчу, удачно поразилъ палкой змѣю и спасъ незнакомку. Кто находился въ опасности, кѣмъ испытанъ страхъ, отъ кошораго замираешъ душа; тошъ знаешъ цѣну жизни и знаешъ, сколько челоувѣкъ дорожитъ ею. Чѣмъ не пожертвуешъ онъ въ минушу бѣдствія; чего не обѣщашъ за искупленіе, чего не сдѣлаешъ въ опчаяніи? но едва миновалась опасность, едва исчезъ страхъ, коварство снова овладеетъ душой его; все забыто

и за сдѣланное добро часто онъ плашить зломъ. О несчастной человекъ! на то ли дано тебѣ могущество и сила, чтобы покорствовать слабости? на то ли дано тебѣ чувство, чтобы любить одного себя? Съ замѣшательствомъ принявъ Крушицкой признательность Ольги (имя незнакомки); онъ былъ въ изумленіи отъ ея красоты; онъ не встрѣчалъ подобной! Какъ очарованный споялъ онъ передъ незнакомкою и не могъ свести глазъ съ нея. Какъ часто одинъ мигъ рѣшаетъ участь цѣлой жизни! Давно-ль Крушицкой, равнодушный ко всему, бѣжалъ людей и не зналъ, гдѣ укрыться отъ самого себя? Теперь забилось сердце, вспыхнула кровь, загорѣлись чувства; все перемѣнилось; жизнь получила новую цѣну и стала мила пому, копорой шакъ недавно еще готовъ былъ жертвовать ею безъ всякаго разбора!

Не болѣе какъ во сна шарахъ отъ мѣста, гдѣ случилось сіе происшествіе, на вышинѣ берега былъ не большой, но приманчивый прекраснымъ мѣстоположеніемъ домикъ: это было жилище Ольги. Увлекаясь красотой природы и любясь очаровательной картиной заходящаго солнца, она непримѣтно удалилась отъ своего жилища, и если бы не помощь Крушицкаго, едва ли бы украшала еще семейство свое. Не лзя было Крушицкому отказатьсь проводить Ольгу; не лзя было не посѣтить ее; онъ принужденъ былъ предшать избавителемъ передъ семействомъ ея и слышать повторенія благодарности; но щепотно хошѣлъ передать ощущение сердца, излить душу свою; напрасно старался оказать свое участие: онъ былъ нѣтъ и не могъ покорить смущенія своего; въ сладкихъ мечтаніяхъ возвратился домой: очаровательной образъ Ольги

глубоко вѣзался въ сердце его и не покидалъ мыслей; онъ искалъ опдохновенія въ объятіяхъ сна; но не смотря на усталость, не могъ всю ночь сомкнуть глазъ, и едва свѣшило дня озарило небосклонъ, какъ уже былъ на пути къ уединенному жилищу Ольги.

Происхожденіе Ольги было неизвѣстно. Въ одинъ вечеръ купецъ Иванъ Кромовъ, жившій тогда въ Кіевѣ, возвращаясь домой, нашель у ворошь дома своего лежащаго въ корзинкѣ спеленушаго младенца: перекрестясь, поднялъ его, принесъ къ женѣ и сказалъ ей, отдавая корзинку: „Вопшь, Марѳа, негорюй! Богъ посылаетъ намъ дѣшнице; знашь не совѣмъ Онъ прогнѣвался нанасъ.“ У нихъ не было дѣшей. Марѳа съ восхищеніемъ приняла ребенка и на другой же день послѣ благодарнаго молебна младенецъ окрещенъ и названъ Ольгой. Нѣсколько лѣтъ спустя купецъ Иванъ Кромовъ умеръ; жена его купила загородной домикъ и переселилась въ него съ Ольгой, съ родной сестрою, еще прежде нея овдовѣвшею, и съ двумя ея дѣшми, составлявшими ея семейство. Еще недавно минуло Ольгѣ осьмнадцать лѣтъ; но не смотря на молодость, сердце ея было уже не чуждо спраспей. Рано приманчивое зѣркало открыло ей шайну, рано лживой языкъ ознакомилъ съ могущесивомъ красоты и скоро полпа обожашелей довершила погибель: легковѣріе вскружило голову, леспъ обольстила сердце, желанія замѣняли чувствво, спраспи заглушали совѣсть... Сколькихъ бѣдъ бывала виною обмачивая наружноспъ коварной женщины! сколько жерпвъ чистѣйшей любви, пламеннаго сердца!... Воспитанная въ чужомъ семействѣ, Ольга съ рожденія своего была лишена пѣхъ полезныхъ попеченій, пого

сердобольнаго участія , которыя только родная мать имѣть можетъ. Кто внушилъ ей первыя ощущенія ? — незнакомые. Кто воспиталъ сердце ея ? — посторонніе. Кто готовилъ ее къ жизни ? — равнодушные.

Изъ всѣхъ спрасей, волнующихъ человека, любовь, какъ извѣстно, наиболее ослѣпляетъ его и покоряетъ могущественному своему вліянію. Чего не дѣлаешь любовь ? чѣмъ не жертвуешь ей ? Престолы , царства , величіе , богатство , все повергается къ стопамъ ея ; она не знаетъ различія между людьми ; для нея Царь въ порфирѣ и нищій въ рубищѣ — все одно. Сердце каждаго ей равный подданный и плащитъ одинакую дань. Роковая стрѣла поразила Боярина Крупицкаго ; бѣдное состояніе Ольги ; неизвѣстность ея происхожденія , скудное воспитаніе : однимъ словомъ , ничто не могло удержатъ возгорѣвшаго пламени ; онъ слѣпо предался чувствамъ своимъ ; любовь его увеличивалась съ каждымъ днемъ и наконецъ перешла въ степень непреборимой спраси. Ольга не зная ни настоящаго имени , ни знашности новаго своего невольника , слѣдовала обыкновенному влеченію сердца ; ей не было знакомо истинное чувство привязанности ; она не испышала небснаго восторга любви , сладостныхъ мученій сердца , хотя умѣла пленять и упошребляла къ очарованію всѣ хитрости , споль свойственныя женщинѣ коварной ! Гордисья побѣдой , забавляясь слабостію обожашелей своихъ , и изощряешь надъ ними власть и приходъ свою : вопшь чшо замѣняло въ ней чувство любви. Такая же участь была и Крупицкаго ; но чего не дѣлаешь спрась и ослѣпленіе ? Онъ не могъ проникнуть съ сердце Ольги ; основалъ свое благополучіе на обманчивой наруж-

носпи и швердо былъ увѣренъ въ щасіи своемъ.

Внезапная перемѣна Боярина Крупицкаго сильно встревожила Юлію; онъ перемѣнилъ образъ жизни, часто ошлучался изъ дому и по супкамъ иногда не возвращался; спалъ сумраченъ, задумчивъ, молчаливъ; все обнаруживало въ немъ какое-то необыкновенное волненіе и борьбу; онъ не только убѣгалъ всѣхъ случаевъ бытъ наединѣ съ дочерью, но даже взглядъ ея приводилъ его въ замѣшательство. Юлія не смѣла спросить о причинѣ такой перемѣны; боялась не скромнымъ вопросомъ прогнѣвать отца своего, а болѣе всего неизъяснимый страхъ, злое предчувствіе беспокоило и оспанавливало ее; но кто избѣгнешь опредѣленнаго судьбою?...

Наступилъ уже пятый мѣсяць пребыванію Крупицкаго въ Кіевѣ, и подходилъ назначенный срокъ къ возвращенію въ замокъ. Скоро прошло для него это время; дорого бы онъ далъ оспановить его, но оно медленно печетъ для однихъ скорбныхъ. Бѣдная Юлія! швой каждый день, швой каждый часъ ропота казался тебѣ годомъ, тогда какъ для швоего отца въ радости и веселіи мѣсяцы проходили какъ мигъ. — Крупицкой не зналъ, на что рѣшился; одна мысль разстаться съ Ольгой была ему несстерпима; нѣсколько разъ хотѣлъ онъ все открытъ дочери своей; но страхъ укоризнъ и сопрошвленія оспанавливалъ его. Нещасный отецъ! шы самъ заградилъ себѣ путь къ единшвенному сердцу, испишно тебя любящему; шы не зналъ дочери своей: спрогая только къ себѣ самой, она соспрадательна къ ближнему. Наконецъ Крупицкой

рѣшился тайно обвиняться; обманушый въ чув-
ствахъ Ольги и думая, что любимъ, онъ не
имѣлъ уже нужды скрывать насоящаго сво-
его имени и объявилъ его вмѣстѣ съ предложе-
ніемъ руки своей. Съ прудомъ могла скрытъ
Ольга восхищеніе свое; имя Крущицкаго было
такъ извѣстно и знаменито, что она не могла
не знать его; столь щасливое для нея событіе
исполнило мѣру ея самолюбія; если бы она не
только была равнодушна къ нему, но даже бы
и ненавидѣла его, то и тогда бы съ восхищеніемъ
приняла его предложеніе. Щастіе Ольги каза-
лось невѣроятнымъ ея семейству: кто завиды-
валъ ей, кто извлекалъ свою пользу, кто моро-
чилъ себя будущимъ; но все вмѣстѣ прославля-
ли Крущицкаго, ухаживали за Ольгой и все го-
товилось къ вѣнцу.

Крущицкой довольно хорошо зналъ свѣтъ,
чтобы предохранить себя отъ ядовитыхъ на-
смѣшекъ; зналъ людскіе предразсудки и не воз-
можность испребишь ихъ, и пошому насоя-
тельно шребовалъ отъ Ольги и ближнихъ ея,
чтобы не разглашали о свадьбѣ его и чтобы ни-
кто изъ постороннихъ не былъ ей свидѣтелемъ;
и на другой же день свадьбы хотѣлъ выѣхать
изъ Кіева въ свои помѣстья. Въ прехъ вер-
стахъ отъ дома купчихи Кромовой было неболь-
шое село; тушь спуся недѣлю послѣ помолвки
Бояринъ Крущицкой снова принялъ и далъ предъ
небеснымъ Свидѣтелемъ кляшву въ вѣчной любви
и вѣрности; одинъ только преданный ему слуга
былъ свидѣтелемъ его брака, послѣ котораго
возвратился онъ съ Ольгой въ домъ купчихи
Кромовой, гдѣ и провелъ ночь. — Заря освѣтила

ложе новобрачныхъ; все пробудилось въ природѣ. Крупицкой вспомнилъ Юлію, шяжко вздохнулъ и грустно вспрѣшилъ зарю своего щасія.

Сбылось предчувствіе Юліи. — Сладокъ швой сонъ, юная дѣва! онъ живо изобразилъ тебѣ щасливую минушу швоего соединенія съ Владиміромъ; ты переходила изъ нѣжныхъ объятій мапери въ спраспныя объятія супруга; клялась ему въ вѣчной любви, въ вѣчной вѣрности; и сохранишь кляшву; но спи, спи, Юлія! пусть сладоспныя мечшы еще долѣ обворожаютъ швое сердце, пускай продлятъ швое очарованіе, швою безчувспенность. — Однимъ ушромъ едва успѣла Юлія вспашъ съ постели, какъ вошелъ къ ней отецъ; шакое необыкновенное посѣщеніе смушило ее; молча сѣлъ онъ подлѣ дочери, взялъ ея руку, крѣпко пожалъ ее и глаза его наполнились слезами; онъ хотѣлъ говорить, но не могъ; рѣчь замирала на устахъ его и смерпная блѣдность покрыла лице; видно было, что онъ боролся съ самимъ собою; наконецъ овладѣлъ смущеніемъ своимъ; робко бросилъ взглядъ на Юлію и прерывающимъ голосомъ сказалъ дочери своей: „Юлія! не обвиняй меня; я измѣнилъ кляшву: не сдержалъ даннаго слова тебѣ и мапери швоей посвяшишь остатокъ дней моихъ ея памяши; объшь мой былъ свыше силъ моихъ; я нарушилъ его... я женился; сегодня возвратимся въ замокъ.“ Трепешъ овладѣлъ Юліей; холодъ пробѣжалъ по жиламъ, сердце замерло, грудь стѣснилась, и долго Юлія не могла придши въ себя.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ъ .

Rira bien qui rira le dernier.

Въ 18 Но *Литтературныхъ Прибавленій* къ *Рускому Инвалиду* напечатана слѣдующая спашья: „Къ числу знаменитѣйшихъ людей, явившихся въ послѣднее десятилѣтіе на поприщѣ Руской Липперашуры, принадлежатъ безспорно двое: Н. А. *Полевой* и А. А. *Орловъ*. Первый, въ 1825 году, является вдругъ Журналистомъ, Критикомъ, Филологомъ, Философомъ, водочнымъ Заводчикомъ, попомъ Испорикомъ, Поэтомъ, Оріенталистомъ, наконецъ Романшикомъ, содержащемъ книжной лавки и Типографшикомъ! Въ 7-мъ лѣтъ имя его спало знакомо цѣлой Россіи — Европѣ, Азій, Америкѣ, Африкѣ. — Но еще замѣчательнѣе Александръ Анфимовичъ *Орловъ*. Вотъ геній! Этошъ приобрьлъ Европейскую извѣстность съ небольшимъ въ *три года!* и въ эти три года написалъ онъ XXXXII книги!“ etc., etc., etc.

Г-нъ Полевой въ 1825 году началъ издавать ученый Журналъ, слѣдовательно былъ обязанъ *вдругъ*, а не исподволь помѣщать въ ономъ спашьи, соотвѣтствующія духу программы, объявляющей о предполагаемомъ Журналѣ. Что г-нъ Полевой съ успѣхомъ сдержалъ обѣщанное сускрибентамъ своего Журнала, это доказывается *постояннымъ* множествомъ подписчиковъ на Телеграфъ. Какъ Журналистъ, г-нъ Полевой приобрьлъ уваженіе не только согражданъ своихъ, но и чужестранцевъ, опзывающихся о немъ съ похвалою; слѣдовательно г-нъ *Пересмѣшникъ* (*)

(*) На свой счетъ.

ставя на одну доску г-на Полеваго съ г-мъ Орловымъ, въ отношеніи къ *извѣстности* пого и другаго, разительнѣе доказываешь, что онъ, г-нъ *Пересмѣшникъ*, перомъ своимъ никогда не *познакомитъ* своего имени не только съ цѣлой Россіей, съ цѣлымъ свѣтомъ, но даже съ Московскимъ полкучимъ рынкомъ (*); ибо для доспигенія диллиерапурной извѣстности надлежитъ, по крайней мѣрѣ, не быть въ разладѣ съ здравымъ смысломъ, называемымъ логикою, имѣть болѣе эстетическаго вкуса и менѣе желчи, обыкновенной виновницы безобразно - уродливыхъ кришикъ, къ сожалѣнію нерѣдко наполняющихъ нѣкоторыя Журналы наши (не исключая, если угодно, и самаго Телеграфа). Дерзкая иронія, глупыя сравненія и ошсупствіе всякаго приличія составляютъ по большей части *душу* ихъ; отъ сего происходитъ, что у насъ, вопреки обыкновенію, кришики, а не кришикуемые содѣлываются жалкими, спранными и смѣшными — да, правду сказать, и по дѣломъ. . . .

А. А.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПОРТРЕТУ

Гр. Е. П. П. . . . й.

Ея лицо Востока сынъ
Сравнилъ бы съ сладостнымъ бананомъ;
И очарованный ея прелестнымъ станомъ,
Его бы съ пальмою сравнилъ своихъ долинъ!

(*) Гдѣ, какъ извѣстно, продаются разрозненныя книги.

П а р о е н у .

Пареень ! давно уж ты вздыхаешь ;
 Давно ты осужденъ спрадать !
 А все себя не укрощаешь , —
 Никакъ не можешь не роптать !

Повѣрь : покинь свой трудъ напрасный ;
 Тебѣ-ль о щастьи думать смѣшь ?
 Забылъ ты свой урокъ прекрасный :
 Молчать ты долженъ и терпѣть !

Что пользы въ томъ , что разсуждаешь ,
 Кого бы надо опличать ?
 Всѣхъ тайныхъ ты услугъ не знаешь .
 И такъ не лучше ли молчать .

Тебя напрасно удивляетъ ,
 Что долженъ бѣдный лишь спрадать ;
 Богатыхъ силу всякой знаетъ .
 И такъ не лучше ли молчать .

За нихъ стоишь весь мѣръ горою ,
 И судъ готовъ неправый дать ;
 Тебѣ-жь , Пареень , бѣда съ сумою .
 И такъ не лучше ли молчать .

Ты право сердишься напрасно ,
 Что не хопяшь уму внимать ;
 Умамъ дашь волю страхъ опасно .
 И такъ не лучше ли молчать .

За чѣмъ не лъзя , ты знашь желаешь ,
 Здѣсь правды иногда сказать ;
 Она глазъ колеть — понимаешь ?
 И такъ не худо помолчать .

И что находишь ты смѣшнова ,
 Что дураки выходятъ въ знашь ?
 Читалъ ли бритвы ты Крылова ? . . .
 Поймешь , что надобно молчать ?

Быть можешь, многихъ ты умѣе;
 Но что въ умѣ, коль бѣдень ты?
 Ума здѣсь деньги смышленѣе:
 Ихъ пересилишь — вздоръ, мечшы!

И такъ вторичнаго совѣта,
 Паренъ! послушайся, повѣрь;
 Держися стараго завѣта
 И буйну голову умѣрь.

К. А. Долгорукой.

5 го Марта 1832.

Ш А Р А Д А .

(*Посвящается М. С. Р. . . . й.*)

Мой *первый* слогъ увидите въ лѣсу,
 Или въ рукахъ дѣятельныхъ и мочныхъ;
 Съ *последнимъ* вспомните минувшихъ лѣшь красу;
 А *цѣлое* мое — чертогъ сокровищъ срочныхъ.

С М Ъ С Ь .

К о н ц е р т ы .

(*П р о д о л ж е н і е .*)

Г-нъ Фельцманъ, по обыкновенію Капельмейстеровъ при Императорскихъ Московскихъ Театрахъ, далъ 13 го Марта большую Орапорію, Сотвореніе Міра, сочиненіе знаменитаго Гайдена; въ 3 ч., съ большимъ хоромъ и двумя оркестрами. *Гавріила* представляла новая пѣвица здѣшняго Театра, г-жа Степанова, принадлежавшая Князю Юсупову, и одаренная очень хорошимъ голосомъ, но еще пребующимъ щательнаго образованія. Г-нъ Този былъ *Адамъ*, г-жа Савицкая — *Евою*. *Уриила* и *Рафаэля* представляли Лавровъ и Бантышевъ.

На другой день Примадонна Нѣмецкаго Театра, г-жа Споль, и Дирижёръ онаго, г-нъ Споль, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы, дали прекрасный концертъ, заславившій искренно сожалѣнь, что Столица наша лишается единственной *кантатрисы* (въ наспоющемъ значеніи сего шипла, à quelques défauts près), какую только имѣла.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

П а р и ж с к і я м о д ы .

Костюмъ для прогулки. — Большая часть дамъ надѣваетъ въ прогулкахъ шаль, около шеи боа и не рѣдко имѣетъ въ рукахъ муфту.

— Бархатныя платья съ высокимъ воротомъ все еще употребляются, но апласныя и объяринныя берутъ преимуществво.

Матерья. — Можно сказать утвердительно, что клѣтччатый гроденаплъ будетъ въ большой модѣ нынѣшнюю весну. Клѣтки дѣлаются всякой величины; но самыя мѣлкія, кажется, болѣе нравятся.

— Шали снова появилось съ прекрасными узорами, приличными времени года. Вообще эша матерья господствуетъ въ туалетахъ такъ же, какъ и прежде.

— Гроденаплевая платья, вышитыя *колоннками*, очень красивы. Мы видѣли одно дикое съ зелеными гирландами.

Головной уборъ. — Волосы гладкіе, по которымъ извивается жемчугъ, или золошая цѣпочка — вопъ какъ убираются по большой части въ ожиданіи Лоншанскихъ модъ.

И з ъ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е л ь Н о .

Прическа изобрѣшенія Круаза, украшенная перомъ и каменьями. Платье креповое съ накладными узорами изъ бархата (*application*). Эшарпъ блондовый.

П Е Ч А Т А Т ь д о з в о л я е т с я ,

съ шѣмъ чтобы, по оппечашаніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Марша 31 го дня, 1832 г.

Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Советникъ и Кавалеръ Иванъ Денубскій.

1832.

Парижская Мода.

N. 15.

Данский Журнал.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

МОНАХИНЯ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе.)

ГЛАВА III.

Qui peut voir sans effroi ces couches d'ossements,
Tous ces débris de l'homme abandonnés aux vents?
Ah! si du sort commun que ce lieu nous retrace,
Le spectacle fatal nous saisit et nous glace,
Qu'un retour plus cruel sur les pertes du coeur
Eveille en nous de peine et répand de douleur!

Lemière.

Развился красной флагъ надъ замкомъ Боярина Крупицкаго и возвѣспилъ окреснымъ жителямъ возвращеніе владѣльца; полной приходили къ нему облагодѣшельствованныя имъ семейства; каждый, помня его милосши, несъ ему въ даръ —

сердечное желаніе благословенія Божьяго. — Какая противуположностъ съ посьпителами въ Кіевъ! Тамъ лєсть и пришворство; здѣсь искренностъ и учаспіе. Какъ не убѣдишься въ помъ, что одно добро можешь скрасишь жизнь чело-вѣка? — О сладостная привязанностъ къ родимой сторонѣ! нѣшь, пы не мечта! пому порукой Юлія; она въ воспоргъ чувствъ своихъ не помнила себя; всякой предметъ приводилъ ей на мысль щаспливую минушу въ жизни, безпечную юностъ, первой вздохъ любви; самая гробница мапери, эпо могильное сокровище, услаждала душу Юлія; ей казалось, что послѣ долгой разлуки она опяшь соединилась съ нею. Житєли зѣмка съ воспоргомъ приняли Юлію; на каждомъ лицѣ сіяла радостъ; всѣ видѣли въ ней впоруую мапъ ея, свою благодѣтельницу; всѣ обожали Юлію.

Прошолъ первый воспоргъ; ушихли порывы чувствъ; все въ зѣмкѣ снова успокоилось; одинъ нещаспной Бояринъ Пєтръ Борисовичъ пошерялъ спокойшвіе. — Тщєшно искалъ онъ въ новой подругѣ своей пѣхъ любєзныхъ качєствъ, которыми шоль щєдро было одарєно сердце первой его жены. Тщєшно надѣялся онъ перевоспиташъ Ольгу, полагаясь на молодостъ ея; но зло было въ самомъ сердцѣ; себѣлюбіе основой нрава; гордостъ и шщєславіе — господствующими чувствами; самовластіе — единшвеннымъ пушеводитєлемъ въ жизни. Съ презрѣніємъ смопрѣла Ольга на всѣхъ, поставленныхъ Провидѣніємъ ниже ея; почиая соспраданіе слабостію, соучаспіе малодушіємъ, гнушаясь нищєпою, она съ низшими была высокомѣрна, къ равнымъ завєсплива, однимъ словомъ: имѣла всѣ пороки дурнаго сердца, коварной души. Исчєзло примѣрное донинѣ щаспіе

Крупицкаго; каждый день новое горе, новое неудовольствіе убивало его; наконецъ легко-вѣріе и слабость низринули его въ пропасть; онъ спалъ рабомъ жены своей; слѣпо повиновался ей во всемъ; не смѣлъ имѣть ни воли, ни мысли своей; все покорилося Ольгѣ и ея малѣйшее желаніе было для него закономъ.

Добродѣтельная Юлія изыскивала всѣ средства угождать мачихѣ своей; но всѣ усилія были напрасны; ихъ мысли, чувствва, правила, поступки — все было различно; молодость и красота Юліи, ея права, любовь и почтеніе, которое оказывали ей жипели зámка, содѣлали ее ненавистною для Ольги; но если что-либо могло раздражить Крупицкаго, это было оскорбленіе, нанесенное дочери его. Хитрая Ольга спокойно выжидала времени погубить столь опасную для себя соперницу и прикрывала поступки свои лицемѣріемъ.

Прекрашился звукъ мечей; сокрушенъ врагъ опечесства; уже не льется кровь — ее замѣнили слезами пережившіе падшихъ со славою героевъ, защитниковъ родины. Не похищенные смертію оруженосцы, обогранные кровію враговъ, покрытые вѣчной славой, возвращались подъ кровь родной въ мирныя семьи. — Едва завидѣлъ Владиміръ еще въ дали чѣрнѣющей зámокъ, какъ сердце забилося радоспно; онъ сошелъ съ коня, помолился Богу, припалъ къ землѣ, поцѣловалъ ее, закинулъ ногу въ стремя и какъ стрѣла пустился по дорогѣ, ведущей въ зámокъ; не въ дальнемъ отъ него разстояніи увидѣлъ онъ своего вѣрнаго Димитрія, высланнаго къ нему на встрѣчу Юліей. Давно уже она съ безпокойствомъ ждала Владиміра, не опходила цѣлой день отъ

оконъ и малѣйшій спухъ казался ей конскимъ попошомъ.

Димитрій увѣдомилъ Хицкаго о перемѣнѣ, происшедшей въ замкѣ. Она не удивила Владиміра: онъ почиталъ Крупицкаго за слабого и малодушнаго человѣка, но не менѣе того прискорбна была такая неожиданная вѣсть. Нахмурилось чело Владиміра; онъ погрузился въ задумчивость; но воспоминаніе объ Юліи скоро оживило его: она одна занимала его мысли, одна владела его сердцемъ; въ ней онъ былъ увѣренъ, а съ ней и въ будущемъ своемъ щастіи.

День пріѣзда Владимірова въ замокъ Боярина Крупицкаго былъ совершеннымъ праздникомъ для жителей замка; по мѣрѣ какъ Хицкій приближался къ нему и проѣзжалъ помѣстья Крупицкаго, всѣ поселяне зная и любя Владиміра съ дѣтства, бѣжали къ нему на встрѣчу и провожали его; онъ долженъ былъ спѣшиться и при радостныхъ восклицаніяхъ вошелъ съ толпой народа въ замокъ. Пуще всего пѣснились вокругъ Хицкаго бѣдные и неимущіе; они на опытъ знали доброшу его сердца и не разъ уже были взысканы великодушнымъ и сострадательнымъ молодымъ человѣкомъ. Юлія первая увидѣла его, первая была въ его объятіяхъ. Крупицкой съ примѣшнымъ замѣшательствомъ принялъ Владиміра; но благородный юноша лаской и привѣтливостію разсѣялъ укору совѣсти своего благодѣтеля: въ сердцѣ Хицкаго признательность заглушала всякое другое чувство; онъ привыкъ любить Крупицкаго какъ отца, и не просилъ бы себѣ даже и мысленной укоризны. — Бояринъ Пешръ самъ представилъ его Ольгѣ. Владиміръ просилъ ее не отказать ему въ шой благосклонности, которую заслужилъ почитаемъ священною обязанностію. Прямая душа его неспособна

была къ пришествію; онъ не умѣлъ говорить того, чего не чувствуешь; и конечно бы сдержалъ свое обѣщаніе, былъ бы современемъ преданъ душой и сердцемъ Ольгѣ, если бы она сама, какъ видно будешь въ послѣдствіи, не обратила его доброго намѣренія въ жестокую къ себѣ ненависть. — Не могъ однако же Хицкой скрыть того смущенія, которое почувствовалъ при свиданіи съ Ольгой; она слишкомъ живо напомнила ему пудобродѣтельную женщину, которая нѣкогда занимала ея мѣсто и была ему матерью. Хицкой не забылъ священнѣйшей изъ обязанностей: едва прошелъ первой воспоргъ свиданія, какъ онъ посѣдѣшилъ въ подземельную церковь замка, гдѣ было послѣднее жилище всѣхъ Крупицкихъ. Блеснула слеза въ очахъ героя; долго молился онъ, преклоня колѣна, надъ гробницей матери; отдавалъ ей отчетъ въ чувствахъ и поступкахъ своихъ; призывалъ ея благословеніе и мысленно переселялся въ другой міръ. Въ сладостномъ упоеніи чувствъ онъ не видалъ, онъ не чувствовалъ; что близъ него и вмѣстѣ съ нимъ молился ангель. . . . Юлія; ей не трудно было узнать, гдѣ найти Владиміра: сердце указывало путь. О! если бы за предѣломъ жизни не уничтожилось наше участіе въ земномъ; по минуша, въ которую предсали къ гробу матери два непорочныя сердца, соединенныя узами чистѣйшей любви, конечно бы увеличила даже блаженство небесное! . . . Величественна была пишина, царствовавшая въ обители смерти; длинный рядъ гробницъ съ обѣихъ сторонъ свода свидѣтельствовалъ давность сего кладбища и многочисленность жертвъ неумолимой смерти; помный свѣтъ лампы, слабо освящая предметы, казалось, умножалъ гробницы собственною тѣнію оныхъ, и опражаясь на развѣшенныхъ по

спѣнамъ рыцарскихъ доспѣхахъ, мерцаніемъ своимъ приводилъ въ движеніе ихъ шѣнь, подобную спрашнымъ исполинамъ. Все наводило невольной шрепещъ и ужасъ въ подземельномъ царствѣ мершвыхъ; но не причасненъ былъ спраху храбрый Хицкой, и нѣжная Юлія подѣ покровительствомъ Владиміра и близъ него не могла вмѣщашъ въ сердцѣ своемъ другаго чувспва, кромѣ любви. Оба предаваясь ей, снова дали кляшву другъ другу въ вѣчной вѣрности и соединили сердца и руки надъ прахомъ мапери. Въ сію торжеспвенную минушу Владиміръ воскликнулъ: »О Юлія! что кромѣ смерти можешъ на землѣ распоргнушь споль священной союзъ?« Коварство! — опъ вѣчалъ могильный спрашный голосъ — и шяжкій какъ будшо умирающаго вздохъ раздался по всему подземелью. — Юлія оцѣпенѣла, крѣпко прижалась къ Владиміру и едва дышала. Какъ ни безспрашенъ былъ Хицкой, но холодъ пробѣжалъ по жиламъ его: онъ смушился, но минушной спрахъ не помѣшалъ ему обойти всѣ гробницы, всѣ ущелья въ подземельи: никого не было; все пребывало шихо и мершво, какъ и прежде. Но оба слышали одно и то же, и пошому въ чрезвычайномъ недоумѣніи возврапились въ комнаты зѣмка.

Тщешно старался Владиміръ опыскашъ причину спраннаго происшеспвія въ подземельи; нѣсколько разъ сходилъ въ него одинъ, бралъ съ собою Димитрія и послѣ самыхъ спрогихъ розысканій долженъ былъ убѣдись, что слышанное имъ и Юліей было нѣчто необыкновенное. Хотя по погдашнему времени онъ менѣе прочихъ былъ суевѣренъ; но пророческой гласъ сильно его превожилъ, и безпечность, къ которой онъ съ дѣтспва привыкъ въ семействѣ Крущицкаго, обращалась въ ошорожность и

наблюденіе. Какъ ни старался онъ успокоить встревоженную Юлію; но мысль о неизбежномъ несчастіи не давало ей покоя.

Владиміръ разсказаль случившееся съ нимъ Боярину Крушицкому и едва не лишилъ его жизни; давно безъ чувствъ лежалъ онъ въ креслахъ своихъ, когда Хицкой думаль еще, что онъ слушаетъ его, и продолжалъ свое повѣствованіе. Скорая помощь спасла Боярина Пепра Борисовича; блѣдность лица, безпокойной взглядъ, судорожное содроганіе во всѣхъ членахъ ясно доказывали, какое сильное дѣйствіе произвело на него сказанное ему Владиміромъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, чувствуя себя лучше, Крушицкой призываль его къ себѣ и запершись съ нимъ наединѣ въ опдаленной комнатѣ замка, сообщилъ Владиміру слѣдующее:

„Ужасная шайна лежишь на сердцѣ моемъ и не даешь мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью; сколько ни старался я развлечь мысли свои, разсвѣявъ ихъ всѣми возможными средствами, но все донинѣ было безуспѣшно; онъ преслѣдуешь меня ежечасно, и подобно пѣни моей, всегда сопуществуютъ мнѣ; а что еще болѣе увеличиваетъ мои страданія, есть то, что никто не могъ раздѣлить ихъ со мною; мнѣ нѣкому было опкрыть души моей. Тебя, Владиміръ, я почишаю сыномъ; ты участіемъ своимъ во мнѣ имѣешь право на опкровенность мою; тебѣ доверяю ту шайну, которая стѣдись мнѣ двадцати лѣтъ щерзанія и безпокойства; можеть бышь, я опдалилъ бы еще на нѣкоторое время признаніе мое, но случившееся съ побою въ подземельной церкви заставляешь меня все опкрыть тебѣ.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ъ.

»Не правда ли,« сказала умная почтенная и любезная дама »что наши молодые люди и даже извѣстныхъ фамилій носятъ на себѣ нѣкоторые признаки хорошаго воспитанія, учтивы и вѣжливы только до тѣхъ поръ, пока не начнутъ перетѣзжашъ съ бала на балъ, въ слѣдъ за коншрабасами, которые переносятся изъ дому въ домъ, гдѣ нужна музыка. . . такъ же почто, какъ нужны и танцовщики?« Слушатель дамы, вмѣсто отвѣта, захохоталъ при неожиданномъ сравненіи молодыхъ людей съ коншрабасами. . .

Кто желаетъ позабавиться острою, забавною и *справедливою* шушкою библиографическою, пошъ да прочтешъ въ 57 Но Сѣверной Пчелы спашью: *Товарищи черной шали, Историческій романъ, извлеченный изъ Рускихъ лѣтописей Сенъ-Тома (?)*, *Переводчика Исторіи Государства Россійскаго, соч. Карамзина.*

Какой же *черный годъ* на Историческіе романы!

Холера возвратила *чудеснаго* Паганини Парижу, гдѣ безъ сомнѣнія *франками* замѣняшя *гиней*.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Къ похитительницъ писанныхъ ею ко мнѣ посланій.

Ты унесла свои посланья;
 Но для чего? узнаю-ль я!
 Уже-ль за тѣмъ, чтобъ вспоминанья
 Вдали не шрогали меня?
 Хошя-бъ я былъ изгнанникъ міра,
 Перенесенный въ міръ другой, —

Все будешь пѣшь поэта лира
 Прелестный, милый образъ твой!
 Быть можешь, ты свои посланья
 И сохранила. . . . ошь огня;
 Но прошлыхъ дней очарованья,
 Любовь и дружба жгутъ меня!
 Я помню, какъ въ болѣзни хладной
 Я безнадежный умираю,
 И взоръ твой ласковый, оспрадной
 Меня изъ гроба воскрешалъ.
 Но я-бъ еще желалъ мученья,
 Чтобъ только ты была со мной;
 Одинъ бы взоръ твой сожалѣнья
 Принесъ мнѣ радость и покой!

Между стихами вдохновеній
 Письмо твое я опыскалъ;
 Съ тридцатымъ Августомъ твой геній
 Меня такъ мило поздравлялъ!
 Оно шеперь передо мною,
 Какъ талисманъ любви, лежитъ;
 Я восхищенъ его мечтою:
 Она въ немъ пышетъ и горитъ.
 Проспи, мой другъ! но не прощаюсь
 Съ твоею ангельской душой;
 Я не клянусь, но общаюсь
 До гроба помнишь образъ твой.

А. Никитинъ.

Князю А. И. Долгорукому.

Опцовскаго таланта, духа
 Наслѣдникъ милый, и — какъ онъ —
 Для сердца, для ума, для слуха
 И для бесѣды — Аполлонъ!
 Прими мои стихотворенья:
 Они въ *щастливый вѣкъ* не разъ
 Плодомъ бывали вдохновенья,
 Когда летѣлъ я на Парнасъ

Вслѣдъ за любезнѣйшимъ Поэтомъ ;
 Котораго ты спалъ живымъ ,
 Живымъ во всѣхъ чертахъ портретомъ ! . . .
 Гордись наслѣдіемъ своимъ !

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо бывшаго моряка къ Издателю.

На дняхъ я прочелъ два романа : *Юрій Милославскій* и *Димитрій Самозванецъ*. Первый уже въ другой разъ побывалъ у меня въ рукахъ, а за вѣчеръ не пронусь впередъ и пальцомъ. Думаю, что многіе изъ Русскихъ поже сдѣлають, или сдѣлали. Вошь видите: и цеховые масшера, укравшіе довѣренность чашапелей, сшибаются съ *праваго пути*, не довѣривъ напередъ *склоненія компаса*? Тушь не долго припшкнущься къ *мѣли*, съспь на камень и — пойши ко дну. Особенно, когда *корыстолюбіе корабельщика* перегрузило судно такимъ грузомъ, съ копорымъ бы, при меньшей алчности, самонадѣянности, легко было распашься, заблаговременно бросивъ его *за борть*. Ну, шущка ли чешыре часши *ералажи*? — Сравните: *Митю* съ *Жирюшною*! Послѣ сего, я бы не желалъ изъ *заднихъ паловъ вытянутъ*ся за *гавань* и приугошвишься къ *походу по печатному морю*. — Было время, когда вахшенный *Лейшенантъ*, взявъ въ руки рупоръ, прокомандуешъ швердымъ голосомъ: *По мѣстамъ*! Вошь я, молоденькой мальчикъ, серною брошущь со всѣхъ ногъ, осмошрю все и всѣхъ, на мѣстѣ ли каждый? — Сіи дѣйствія, будучи основаны на почномъ математическомъ разсчешѣ, не подвергались измѣненію; слѣдовашельно не подвергались *прихотямъ*

вкуса — причудамъ. Но въ грамотейномъ дѣлѣ вовсе не такъ бываетъ; и если бы какой нибудь криптикъ вздумалъ прокричать: *„По мѣстамъ! почка, запятая, глаголы и междомѣсія!“* то многіе *суетливые* перемѣщали бы все въ кашу. Нашлись бы и шакіе, которые и у самого г-на криптика опрыли періоды безъ дѣйствительнаго глагола. Вопь шупь — того и гляди, что завяжешся жестокая, чернилопролишная брань, ошягошительная для чишашелей, выгодная для пипографъщиковъ. И такъ, давно уже сопричисливши себя къ сословію миролюбивыхъ гражданъ, я чуждаюсь, не люблю, боюсь всякой брани — письменной и словесной, а еще болѣе печашной. Князь! не введите меня во искушеніе, избавьте отъ лукаваго. На семь условій даю вамъ право; *изъ большой кучки вздора* — прошедшаго и грядущаго — извлечь что-либо дѣльное. Знаете ли, чему я приписываю вѣрный взглядъ вашъ на способности другихъ? Навыку вашего сердца. *Обучась, привыкнувъ* служить прекрасному полу, оно получило упонченное чувство — проникаетъ шуда, *куда комаръ носа не подточитъ* и куда дорога не всѣмъ открыта. — Ахъ! прекрасныя! — самъ бы я готовъ былъ воскурить предъ вами фиміамъ, но кадилница моя ушарѣла, посѣдѣла, обвешшала; а благовонныя маспики — выдохлись и вмѣсто того, чтобы *усладить, унѣжить* ваши чувства — онѣ произведутъ головокруженіе. Каково же тогда будетъ моему сердцу? Но, прекрасныя! вы сами виновны; вы не бросили ни одного ласковаго взгляда на меня, тогда какъ душа моя была способна умягчиться, а воображеніе развиться! Хотя шеперь удосойте — улыбку! хотя насмѣшливою! я приму ее за привѣтную; ручаюсь вамъ, что пятидесятилѣтній

глазь мой не озабоишься различить одну отъ другой. — *„Стопъ! Морякъ! Какъ это? Видно тебя девятымъ валомъ бросило изъ бурнаго моря на цвѣшущія долины? Завези съ кормы стоп-анкеръ! стягивайся скорѣе — въ море! держись круче; ставь всѣ паруса, бѣги безоглядки, возми крѣс-пелингъ, положи мѣсто свое на каршу и швердо помни, что лучше бороться съ бурливыми волнами разъяреннаго моря, нежели съ волнующимися — чернилами на фдкомъ, не всегда оспромъ перѣ писателя въ очкахъ, на 20мъ году соспарѣвшагося. Поспой, сѣдая, упрямая голова! или ты не знаешь, что значить спуденской дипломъ — въ рукъ, и очки на носу?“* — Знаю, знаю и. . . пресмыкаяся во прахъ, благоговѣю! . . . Но одно слово: пусть бы очки были въ рукъ, а дипломы. . . на носу. Но будешь съ васъ!

Д. Бунинъ.

10 Декабря 1831.

С М Ъ С Ъ.

К о н ц е р т ы.

(Окончаніе.)

Концертъ въ Благородномъ Собраніи, 15 Марта, былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ — и по себѣ, и по обществу, и по многолюдству.

Г-нъ Ромбергъ и Давидъ, г-жа Споль и г-нъ Този — все, что ни было тогда лучшаго для концершовъ — соспавляли оный. Но всего лучше былъ игранный двумя первыми арписшми дуэтъ собсѣвѣннаго сочиненія, не аккомпанируемый оркестромъ. — Кажется, и самую мрачную душу *Плутона* или *Прозерпины* пронули бы сіи Орфеи!

На другой день Карль Гедике далъ концертъ въ концертной залъ Большаго Театра. При опличномъ выборѣ музыки, въ семь концертъ участвовали г-жи Леманъ, Адамъ, Вертеръ, игравшія на чепырехъ форшепьяно; г-да Този, Трасси, Бекеръ, Гедике, Шролеръ и Пивко.

17 Марша, въ той же залъ, данъ концертъ прїѣхавшимъ въ сію столицу изъ Вѣны скрипачемъ Фейгерлемъ, игравшимъ концертъ Лафона и рондо съ Польскимъ, соч. Пегачека. Г-нъ Фейгерль играетъ прїятно, чисто, вѣрно, но не довольно сильно для концерта. — Г-нъ Столь прекрасно игралъ на гитарѣ Польскій, а г-жа Столь прекрасно пѣла арію изъ оперы *Сорока-воровка*.

Въ слѣдующій день и памъ же нашъ *Ромбергъ*, или *виртуозъ на віолончелѣ* (что все одно: ибо сіи два наименованія, говоря языкомъ риторики, суть метонимія), г-нъ Марку далъ свой, неперпѣливо ожидаемый концертъ — и далъ съ необыкновеннымъ шоржеспвомъ своего опличнаго паланша, копорымъ произвелъ особенное впечатлѣніе на душу въ *капризѣ* изъ національныхъ Польскихъ пѣсень *перваго* Ромберга. Кажешся, эшошъ Аполлонъ віолончеля самъ не сыгралъ бы лучше! — Г-жа Рѣпина, г-да Лавровъ и Баншышевъ, Паль и Лемохъ умножили своими паланшами занимательность сего концерта, окончившагося плѣнительнымъ дуэтомъ - концертантомъ, играннымъ нашими гостями-Орфеями.

Въ воскресенье, 20го Марша, другой Капельмейстеръ Императорскаго Московскаго Театра, г-нъ Варламовъ, далъ въ концертной залъ Петровскаго Театра большую орапорію Моцарта, изъспную подъ названіемъ: *Requiem*. Пѣли: г-жи Рѣпина и Савицкая, г-да Лавровъ и Баншышевъ. Первые арписы Императорскаго Москов-

скаго Театра участвовали въ оркестрѣ, которыми управлялъ самъ г-нъ Варламовъ.

Музыкальные Касторъ и Полюксъ, Ф. Давидъ и К. Ромбергъ, дали *прощальный* концертъ въ концертной залѣ Пешовскаго Театра 21го Марша, и безъ сомнѣнiя оставили продолжительное воспоминанiе о блестящихъ талантахъ своихъ между нашими *дилеттантами*. Г-нъ Давидъ игралъ концертъ Шпора, пошомъ варiаціи на тему своего сочиненiя. Г-мъ Ромбергомъ игранъ капризь на Шведскіе мопивы, соч. Бернара Ромберга. Наконецъ, по желанiю публики, сіи молодые виршуозы играли дуэпъ, безъ оркестра, на мопивы изъ оперы: *Нѣмая въ Портучи* — и все, что ни играли, было одно другаго лучше. Удовольствiе публики доходило до энтузіазма. — Г-нъ Този пѣлъ арію изъ оперы: *La gazza ladra*, и арію изъ оперы: *Севильскій цирюльникъ*.

Концертъ Благороднаго Собранiя, 22го Марша, былъ также очень блиспашелень. Послѣ прекрасной увершюры изъ оперы: *Демонтъ*, Бешговена, г-нъ Паль игралъ на габоѣ концертъ Ферлинга. Г-нъ Баншышевъ пѣлъ арію изъ Россиніевой оперы: *Осада Коринѳа*. Г-нъ Оспровскій игралъ на форшепьяно концертъ Вирфеля.

Во второй часши, за увершюрою, еще прекраснѣйшею, изъ Оберовой оперы: *Нѣмая въ Портучи*, г-нъ Паль игралъ на плѣнншельномъ Англійскомъ рожкѣ варiаціи Фельцмана. Г-нъ Този пѣлъ арію Паччини. Г-нъ Оспровскій игралъ на форшепьяно Шведскія народныя пѣсни съ варiаціями, соч. Рисса. Г-да Този и Баншышевъ пѣли: *Соловей* и *Вотъ мчится тройка удалая*, и оба казались соловьями, шолько одинъ южнымъ, другой сѣвернымъ, а на *тройкѣ удалой*

едвали послѣдній не быспрѣе мчался перваго.
Своя атмосфера — важное дѣло!

Г-нъ Лемохъ, опличнѣйшій фортепьянный учитель, обыкновенно дающій *черезъ три года* свой концертъ, далъ 23го Марша въ концертной залѣ Петровскаго Театра вокальный и инструментальный, въ которомъ г-жа Споль пѣла Россиніеву арію: *L'inganno felice*, и потомъ съ г-мъ Този дуэшь: *L'ultimo giorno de Pompei*, соч. Россини. Г-нъ Марку игралъ концертино Бодьйо. Г-нъ Грасси — вариации Берьйо.

Г-нъ Лемохъ заключилъ концертъ прекрасными вариациями Черни.

26го Марша данъ въ концертной залѣ Петровскаго Театра пріѣхавшимъ изъ Праги віолончелистомъ, Генрихомъ Шмидтомъ, концертъ, въ которомъ участвовали г-жа и г-нъ Споль; г-да Гренцбахъ, Іоаннисъ и Гюлень, игравшіе съ г-мъ Шмидтомъ на чепырехъ віолончеляхъ адажіо и рондо. — Мы не имѣли удовольствія бытъ въ семь концертъ.

27го Марша, г-да Лавровъ и Бантышевъ давали на Маломъ Театрѣ свой ежегодный концертъ, въ которомъ *участвовали* (какъ сказано аффишею) г-да *Лавровъ*, *Бантышевъ*, Марку, Тишовъ, Варламовъ и г-жа Степанова.

Длинный рядъ концертвовъ заключилъ данымъ въ залѣ Петровскаго Театра, 31го Марша, на прекраснѣйшемъ изъ духовыхъ инструментовъ, на кларнетѣ. Г-да Грасси, Коспинъ, Лангеръ, Лавровъ и Бантышевъ (наши поющіе близнецы) участвовали въ семь концертъ, который данъ первымъ кларнетистомъ Императорскихъ Московскихъ Театровъ, г-мъ Типовымъ.

Публика шакъ же не упомялась ежедневными концертами, какъ и балами.

П а р и ж с к і я л о д ы .

Мы видѣли много молодыхъ дамъ, на которыхъ были споль маленькія шляпки, что представляли видъ беретовъ; поля внутри приподняшы à la Henri IV.

— Розовое газовое платье, съ узенькими бѣлыми ашласными полосками, украшается внизу тремя букетами. Сіи букеты дѣлаются изъ розоваго съ бѣлымъ марабу; на головѣ такой же букетъ прикалывается съ боку такимъ образомъ, что одна часть мѣшается въ букляхъ, а другая нѣсколько наклонена въ противуположную сторону.

— Бѣлое креповое платье украшается тремя серебряными лентами, упадающими отъ пояса до колѣна, гдѣ каждая изъ нихъ оканчивается розою; на рукавахъ отъ розы, находящейся ночки въ срединѣ рукава, идетъ нѣсколько концовъ лентъ серебряныхъ же.

— Объяринное розовое платье ошдѣлывается двумя блондовыми воланами, приподнятыми съ боку газовымъ розовымъ бантомъ. Двойная блондовая маншилья окружаетъ лифъ.

И з љ а с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м љ N o .

Прическа à la ferronière. Пелерина подъ блонду. Вещи изъ агаша.

Шарада, напечатанная въ предыдущемъ No, значить: *Ломбардь*.

П Е Ч А Т А Т Ь Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ чѣобы, по ошпечатаиіи, были представлены въ Ценсур-Комитетъ три экземпляра. Москва. Апрѣля 8го дня, 1852 г.
Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

Дамскій Шуринъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

М о н а х и н я.

П о в ѣ с т ь.

(Продолженіе.)

Г Л А В А IV.

Que ne peut on distinguer et connaître
Les coeurs pervers à de difformes traits!

Gresset.

„Ты знаешь, Хицкой! какую память оставилъ по себѣ покойный отецъ мой, прозванный въ народѣ Кровавымъ. Еще донинѣ съ ужасомъ произносятъ его имя, съ препешомъ говорятъ объ немъ. Боже милосердый! проси мнѣ, чѣмъ произнесушь уста мои; но ты знаешь, причастенъ ли я хоть одному злодѣянію, повиненъ ли хоть въ одной капли крови, пролишой моимъ жестокосердымъ опцомъ. Еще донинѣ всеобщее прокля-

шіе гремитъ надъ его главой, еще донинѣ не забышы его пресупленія, и тысячи жертвъ его злобы и варварства клянутъ память его. Какъ могло столь величественная, столь благодѣтельная природа одушевить такое чудовище! Осмнадцать лѣтъ обогранный кровію отца своего, предспалъ онъ на поприще жизни. Чшо въ ней могло оспановить его опъ пресупленій послѣ столь ужаснаго злодѣянія? Онъ и чешырехъ-лѣшняя сеспра его, Ксенія, были единственными дѣтьми, оставшимися послѣ несчастнаго отца, погибшаго опъ руки сына, и злополучной матери, которой уже не было на свѣсѣ. — Вспуивши во владѣніе огромнаго имѣнія Крупицкихъ, люшый попомокъ ихъ удалилъ опъ себя малолѣшную сеспру свою, опдавъ ее на воспитаніе знакомой ему женщины низкаго происхожденія и способной на всякую услугу шому, кто щедро награждалъ ее. Такимъ образомъ спалъ онъ полнымъ власпелиномъ поступковъ своихъ и безпрепятственно предался своимъ разврашнымъ склонностямъ; провель два года въ буйствѣ и грабежѣ; наконецъ соскучившись одинокою жизнію, уѣхаль въ Польшу и пробывъ тамъ нѣсколько мѣсяцовъ, возвратился женатымъ.

„Крошость души и ангельской нравъ матери моей. . .“ шущъ Крупицкой не въ силахъ былъ продолжашъ. Ужасно было его воспоминаніе о матери; онъ залился слезами и далъ полную волю чувспвамъ своимъ; успокоившись, началъ снова шакъ: „казалось, чшо добродѣтель матери моей смягчила суровость ея мужа и возвратила его чеспи. Онъ удалился опъ шоварищей развраша, вель жизнь уединенную и скромную и десяшь лѣтъ былъ примѣрнымъ супругомъ и отцомъ. Богъ благословиль его няпью дѣтьми,

изъ копорыхъ я старшій и одинъ , къ несчастію моему, оспался живъ. Но непоспижимо сердце человеческое ! Мало помалу начала проспывашь привязанность опца моего къ матери ; старыя наклонности съ новою силою брали верхъ и наконецъ упушили возгорѣвшую въ немъ искру добродѣтели. Онъ опять началъ оплучаться изъ зámка и по мѣсяцамъ не возвращался домой. Каждой пріѣздъ его былъ озмаменованъ новою жестокостію и былъ предшешвенникомъ слезъ и несчастія. Спрахъ до того овладѣлъ матерью моею и жителями зámка, что они ежедневно молились о продолженіи его опсупствія.

»Вдругъ началъ опецъ мой пщательно скрывать поступки свои : въ окрестностяхъ неслыхать было, какъ прежде, вопля опцовъ и матерей , у копорыхъ развращалъ онъ дочерей ; жалобъ мужей, у копорыхъ похищалъ женъ, и спона бѣдныхъ поселянъ, копорыхъ грабилъ и жегъ. Одинъ вѣрный ему, по мнѣнію его, слуга сопущивовалъ ему всегда. Это былъ сынъ кормилицы сеспры его, Ксеніи; долго не зналъ никшо причины частыхъ и долгихъ его опсупствій; но какъ изъяснишь чувство бѣдной матери моею , когда она узнала новый коварный замыселъ опца моего!

»Ксеніи исполнилось семнадцать лѣтъ на погибель ея. Провидѣніе одарило Ксенію необыкновенною красотою; едва увидѣлъ ее опецъ мой, какъ возгорѣлась въ немъ прешупная спраспъ къ родной сеспрѣ. Его желанія не было ни обузданности, ни преграды; одно, что для него было свято , это была воля его и исполнение оной, чего бы то ни споио... Все къ несчастію способствовало ему къ произведенію въ дѣйство его адскаго намѣренія. Злополучная Ксенія, выросшая попеченіемъ женщины безъ правилъ и нрав-

спвенности, была не только безъ защиты и наставника, но еще подъ вліяніемъ порока и разврата. Отець мой, соединяя съ прекрасной наружношю умъ пылкой, языкъ краснорѣчивый, волю непоколебимую, явился къ сестрѣ своей подъ чужимъ именемъ; слишкомъ десятильпнее ошсупствіе брата изгладило изъ памяти Ксеніи черты его; онъ принимался ею какъ посторонній и скоро юное, неопытное, алчное къ любви сердце запылало пламенной любовію къ неистовому брату. Нескромный поварищъ отца моего все разсказалъ матери моей. Со слезами бросилась къ ногамъ Боярыни Крушицкой кормилица Ксеніи, заклиная именемъ Бога подати помощь погибающему дѣпищу; но что могла сдѣлать женщина, потерявши всѣ свои права надъ человекомъ столь жестокосердымъ, каковъ былъ отецъ мой! она знала, что ея просьбы и спаранія еще скорѣе погубяшь несчастную жертву преступной страсти; но благородная душа матери моей не могла отказать въ состраданіи ближнему: она рѣшилась спасти Ксенію, презирая всѣ опасности, даже жизнь, если цѣною жизни надлежало искупить столь неслыханное злодѣяніе. Священникъ замка былъ человекъ пресварѣлыхъ лѣтъ; но не столько время украсило чело его сѣдинами, сколько труды и подвиги, подъятые за вѣру. Онъ былъ мужъ кропкій и швердый; не страхомъ обращалъ Іоаннъ на путь истинный, но убѣжденіемъ добродѣтели; не наказаніемъ облегчалъ перзанія грѣшника, но упованіемъ прощенія водворялъ спокойствіе въ измученной груди. Его избрала мать моя оружіемъ къ спасенію Ксеніи; ему открыла преступный замыселъ отца моего и просила помощи. Съ ужасомъ выслушала мать мою достойный служитель святаго олша-

ря, и въ пошъ же день былъ на пуши къ жилищу Ксеніи. Опець мой въ это время занемогъ и долженъ былъ провести нѣсколько дней въ замкѣ. На претій день возвратился священникъ; онъ уже не могъ спасти Ксенію: пресупленіе было совершено!... Но Іоаннъ открылъ ей спрашную пайну и укрылъ несчастную отъ окружающихъ ея изверговъ.

„Никакая буря въ природѣ не сравнится съ тѣмъ ужасомъ, который прозведенъ въ жилищахъ замка опцомъ моимъ, когда онъ возвратился отъ Ксеніи, не нашедши ее! Женщина, коюрой была ввѣрена Ксенія, щещно надѣялась оправдаться, рассказавши всѣ подробности ея похищенія священникомъ, и спала первою жертвою мщенія: заколанная кинжаломъ, упала къ ногамъ опца моего. Описание наружности священника не могло оставить Крутицкаго въ недоумѣніи; онъ узналъ Іоанна, и тотчасъ по пріѣздѣ велѣлъ позвать его къ себѣ. Почтенный спарець явился къ нему; спокойствіе и швердосшь были начертаны на лицѣ священника.

Крутицкой. Давно ли, свяшой опець, принялъ ты на себя не приличное швоему званію ремесло похищашъ юныхъ дѣвъ?

Священникъ. Похищашъ невинность изъ коглей порока было всегда ремесломъ похвальнымъ и достойнымъ моего сана.

Крутицкой. Ты сознаешься въ похищеніи Ксеніи?

Священникъ. Сознаюсь; ложь никогда не оскверняла ушъ моихъ.

Крутицкой. Кто далъ тебѣ на это право?

Священникъ. Мой долгъ и соспраданіе.

Крутицкой. Отъ кого и какъ узналъ ты о Ксеніи?

Священникъ. Провидѣніе избрало меня орудіемъ ея спасенія.

Крутицкой. Кто указаль тебѣ путь къ ней?

Священникъ. Милосердіе Божіе.

Крутицкой. Будь ошкроденень, если жизнь тебѣ не въ шягосшь.

Священникъ. Она въ шягосшь злодѣямъ и пресшупникамъ.

Крутицкой. Чшо ты знаешь о Ксеніи?

Священникъ. Чшо она швоя сеспра и чшо родной брашь осудиль ее на вѣчный позоръ и на вѣчное раскаяніе.

Крутицкой. Укроди дерзосшь свою, если не хочешь умолкнуть навсегда.

Священникъ. Не меня, Бояринъ, должень шы спрашиться, но Бога и совѣспи своей!

Крутицкой. Гдѣ Ксенія?

Священникъ. На пуши испины и добродѣшли.

Крутицкой. Гдѣ она? куда скрыль шы ее?

Священникъ. Эшо моя шайна.

Крутицкой. Говори, нещасшный! или погибнешь.

Священникъ. Погибнешь шѣло, но духъ не умираешь.

Крутицкой. Ты презираешь власшь мою? Вспомни, чшо жизнь швоя въ рукахъ моихъ.

Священникъ. Велика власшь швоя на землѣ; но чшо она далѣе? — горсть пыли! . . . Не власшь швою презираю, но жизнь, покрывую безславіемъ; не слабосшь чловѣческая борисся во мнѣ съ шобою, но сила, данная свыше. Нѣшъ, Бояринъ! не куплю жизни цѣною пресшупленія; вошь грудь моя: рази ее, но не льспись содѣлать меня причасшнымъ пороку: въ эшомъ не успѣешь ни власшь швоя, ни спрашь, ни самая смершь.

„Умри же, упорной спаричишка!“ вскричалъ отецъ мой — и кинжалъ засверкалъ въ рукахъ его. Спокойно и безпрепетно ждалъ Іоаннъ удара. Съ шумомъ распворились двери; въ опчаяннн вбѣжала мать моя и бросилась между священникомъ и Крупицкимъ. „Остановись, безчеловѣчный!“ вскричала она: „кто далъ тебѣ право располагать жизнію ближняго? . . . Взгляни на сѣдины почтеннаго спарца; не уже ли вовсе заглохло сердце пвое и ничто не можешь привести его въ содроганіе! Приди въ себя, Крупицкой! вспомни, что даже самый закоренѣлый разбойникъ — и пошь щадитъ жизнь безоружнаго! а ты хочешь поразить беззащитнаго, слабого, преклоннаго спарца! Но если все въ природѣ потеряло права свои надъ шобою; если пошько мщенія и крови алчешь сердце пвое: то я одна должна быть предметомъ швоего озлобленія! . . . Знай, что я опкрыла священнику шайну швою, и просила его помощи; я спасла и укрыла Ксенію.“ Сильно поразило опца моего неожиданное признаніе жены; еще не совсѣмъ угасла въ немъ привязанность къ ней; онъ долго боролся съ самимъ собою; но злой духъ одержалъ побѣду: отецъ мой кликнулъ спражу и велѣлъ заключить священника и мать мою въ подземельную шемницу зámка. „Боже, прости ему!“ воскликнулъ Іоаннъ, удаляясь. И такъ ничто не можешь спасти тебя, несчастный! — сказала мать моя, окруженная воинами — я пишала еще надежду возврапшь тебѣ добродѣтели, но вижу, что все тщетно. Крупицкой! я знаю все; это послѣднее мое съ шобой свиданіе; уже ничего общаго не можешь быть между нами; ты забылъ Бога, потерялъ совѣсть; ты опягченъ ужаснымъ преступленіемъ; я удаляюсь опъ тебя, какъ опъ чудовища, какъ опъ изверга! гнушаюсь опцеубійцей и про-

клинаю топъ часъ, въ которой съединилась съ побою! —

Опець мой разослалъ преданныхъ ему слугъ во всѣ стороны для открытія Ксеніина убъжища; но всѣ возвратились безъ успѣха. Онъ рѣшился употребить хитрость и подъ видомъ раскаянія надѣялся все узнать отъ Іоанна, или жены своей: въ неперпѣннѣ спустился въ подземелье и вошелъ къ священнику. Сырость и холодъ темницы скоро лишили и послѣднихъ слабыхъ силъ дряхлаго старца: онъ былъ на смертномъ одрѣ. Тщешно Крупицкой вопрошала Іоанна: онъ едва дышалъ и лишился языка; умирающій взоръ добродѣтельнаго остановился на вошедшемъ къ нему преслупникѣ. По движенію рукъ священника видно было, что онъ молился; шихъ былъ конецъ Іоанна; казалось, онъ заснулъ; но душа его уже была въ вѣчности. Спрашенъ часъ смерти, но не праведному, не тому, кто съ терпѣніемъ перенесъ свой крестъ, кто мстилъ добромъ за зло, кто благословлялъ враговъ своихъ — нѣтъ! топъ спяжалъ вѣнецъ неплѣннѣ и радостно парилъ къ небесамъ. Опець мой вышелъ отъ умирающаго священника и велѣлъ оппереть темницу жены своей; дверь отворилась; яркой свѣтъ факела слабо освѣтилъ мрачный сводъ, подъ которымъ на соломѣ лежала несчастная жертва адской злобы. „Встань, Терезія!“ сказалъ Крупицкой: „я пришелъ къ тебѣ съ раскаяніемъ просить своего прощенія.“ Но все было тихо. „Терезія!“ вскричалъ опець мой — нѣтъ отвѣта; бросился къ ней и опспунилъ съ ужасомъ: матери моей не было уже на свѣтѣ; прое супокъ не принимала она пищи и кончила жизнь.“ Хицкой содрогнулся и Бояринъ Пешръ Борисовичъ долго не могъ продолжать своего повѣствованія.

„Всѣ окружающіе отца моего“ продолжалъ Бояринъ Пётръ, „пришли въ оцѣпенѣніе; ужасъ овладѣлъ всѣми сердцами; всѣ возненавидѣли Крушицкаго; но никто не смѣлъ оспановить варварства; всѣ боялись отца моего, всѣ дрожали передъ нимъ. Нѣсколько дней провелъ онъ въ уединеніи, какъ будто совѣсть пробуждалась въ немъ; но это было минутное чувство, и скоро, какъ ты услышишь, онъ новымъ преступленіемъ довершилъ свои злодѣянія. — Всѣ поиски касательно Ксеніи были безуспѣшны; онъ терялъ уже надежду отыскать ее, какъ однимъ днемъ предсталъ къ нему вѣрной его наперсникъ и достойной поварищъ жестокости. Онъ сообщилъ отцу моему, что провѣдалъ, гдѣ находишься Ксенія. Несчастная кормилица ея была пому невинною причиною: скрылась изъ замка съ сыномъ своимъ, знала убѣжище Ксеніи и навѣщала ее. Хайка, коварной слуга отца моего, провѣдалъ о жилищѣ кормилицы и наблюдая за всѣми ея поступками, скоро по слѣдамъ ея дошелъ до монастыря, въ которомъ, по догадкамъ его, должна была находишься Ксенія. Послѣ прехъ-лѣшнихъ тщетныхъ стараній Крушицкаго найти сестру свою, такое нечаянное извѣстіе восхипило его до чрезвычайности. Онъ въ тотъ же день, переодѣвшись спранспвующимъ инокомъ, явился у воротъ монастыря. День клонился къ вечеру; мнимый инокъ просилъ убѣжища отъ ночи и сосраданіе укрыло его подъ кровъ гостепріимной обихели.

„Раздался звукъ колокола. Отецъ мой поспѣшилъ въ церковь; при первомъ пѣніи, голосъ Ксеніи поразилъ слухъ его; сердце забилося въ лютой груди, мысль преступная овладѣла душой; все вокругъ благоговѣло, но ничто не могло

обратишь къ покаянію закоренѣлаго въ порокъ. Кончилась служба; всѣ вышли изъ церкви; одна Ксенія по обыкновенію своему оспалась въ ней на молищвѣ; каждый день въ горючихъ слезахъ приносила она чистое раскаяніе въ пресупленіи своемъ; опвергнувъ все земное, навсегда распалась со свѣпомъ и къ ушѣшенію своему начинала чувствоватъ по блаженству и спокойствію, которыя водворяются въ душѣ, примирившейся съ небомъ и совѣстію. Увидѣвши сестру свою, отецъ мой смутился; онъ не зналъ, что Ксенія произнесла объшъ и была посприжена; но красота ея, еще болѣе возвышавшаяся опъ чернаго одѣянія, снова ослѣпила глаза Крупицкому: онъ пошерялъ всякое уваженіе къ сану сестры своей и бросившись къ ногамъ ея, вскричалъ: „Ксенія! ты мнѣ возвращена, и ничто не въ силахъ насъ разлучить!“ Испуганная внезапностію монахиня съ ужасомъ опспушила, узнавъ брата. „Нещасный!“ воскликнула она: „какимъ новымъ коварствомъ проникъ ты въ нашу обитель? чего ты ищешь здѣсь? или не исполнилъ еще мѣру своего злодѣянія и пришелъ гордиться моею слабостію и ругаться моимъ пресупленіемъ? но я все прощаю тебѣ; удались опсюда, и общай мнѣ, что никогда взоръ мой не встрѣтитъ твоего.“ Охотно удалюсь — опшѣчалъ Крупицкой — если ты послѣдуешь за мною; иначе клянусь, что никакая сила не можетъ испоргнуть тебя изъ моихъ объашій. — При сихъ словахъ онъ бросился на сестру; но Ксенія, выхвотивши кинжалъ изъ-за пояса его, остановила предпринятіе брата. „Выслушай меня, Крупицкой!“ сказала Ксенія: „вошь орудіе, которымъ поразилъ ты отца своего; я вооружилась имъ не для опмщенія, но для защиты чесши своей и клянусь тебѣ предъ Спа-

сипелемъ: не промѣняю чести на жизнь при малѣйшемъ швоемъ покушеніи. Я уже не принадлежу свѣшу; у меня въ немъ нѣтъ уже ни родныхъ, ни ближнихъ; между нами нѣтъ болѣе связи; повторяю себѣ: я прощаю тебя; ежедневно молюсь о тебѣ; но видѣшь и слышашь тебя я не должна, я не могу, я не хочу.“ При сихъ словахъ Ксенія вышла изъ церкви и оставила отца моего въ ярости и бѣшенствѣ съ ужасной кляшвой въ сердцѣ опшмспилъ примѣрно. Онъ возвратился въ замокъ, и былъ мрачнѣе обыкновеннаго; неистовая любовь его къ сестрѣ обратилась въ ненависть, и предметомъ всѣхъ его мыслей было мщеніе. Каждый чиналъ на лицѣ Крушицкаго еще невиданную до того злобу и безпокойство; въ страхѣ ожидали всѣ чего-то необыкновеннаго и съ ужасомъ готовились къ новому бѣдствію. Отецъ мой нѣсколько ночей съ ряду оплучался изъ замка; наконецъ всеобщее предчувствіе сбылось: на седьмую ночь страшный шрескъ и грохотъ разбудилъ всѣхъ окрестныхъ жителей замка.

„Ужаснѣйшее зрѣлище представилось глазамъ: взорванный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на воздухъ монастырь пылалъ со всѣхъ сторонъ; вопль и стонъ погибающихъ сливался съ оглушающимъ шрескомъ взлетававшихъ огромныхъ обломковъ опъ стѣнъ и башенъ; съ шумомъ разсѣдалось гордое зданіе надъ Днѣпромъ и могущественные своды низвергались въ бездонныя пучины его; небо, покрытое багровымъ заревомъ, опрокаясь въ волнахъ Днѣпра, придавало ему видъ огненной рѣки; казалось, что наступило время разрушенію природы и что ударилъ послѣдній часъ вселенной. Между шѣмъ Крушицкой, посреди всѣхъ сихъ ужасовъ, презирая

страхъ, проходилъ сквозь пысячи смертей и въ ненасытномъ своемъ мщеніи искалъ несчастной жершвы своей. Среди дымящихся развалинъ той самой церкви, въ которой произнесъ отецъ мой клятву мщенія, онъ увидѣлъ Ксенію. Спасенная Провидѣніемъ, она молилась. Вооруженный кинжаломъ, обогранный кровію, покрытый пылью и пепломъ, въ обгорѣломъ, дымящемся рубищѣ предспалъ предъ нею брашъ. „Жизнь или смерть!“ вскричалъ Крупицкой! Смерть! — швердо отвѣчала Ксенія и шяжкой умирающей вздохъ пронесся по развалинамъ. Свершилъ отецъ мой свое послѣднее злодѣяніе... Удаляясь отъ мѣста преступленія, онъ не успѣлъ перешагнуть черезъ порогъ храма, какъ сводъ обрушился подъ нимъ и бездна поглотила отца моего.

„Съ шѣхъ поръ исчезло мое спокойствіе; шѣнь злощасной шешки моей преслѣдуетъ меня повсюду; уже нѣсколько разъ являлась она мнѣ въ своей монашеской одеждѣ съ вонзеннымъ въ сердце кинжаломъ и шребовала отъ меня, чшобы я предалъ землѣ непогребенное шѣло ея; но сколько разъ я ни покушался проникнуть въ мрачныя развалины монастыря, невольной ужасъ всегда заграждалъ мнѣ путь; я не въ силахъ былъ исполнить ея воли. Въ послѣдній разъ я видѣлъ ее на другой день моей свадьбы; шѣнь явилась мнѣ съ ужаснымъ предсказаніемъ. „Ты презріль мою просьбу, малодушный!“ сказала она: „и я уже не власшна спаси шебя! швой жребій долженъ исполниться: пы погибнешъ отъ руки коварной женщины.“

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ъ.

Нѣкогда на репетиціи актеръ, представляя кавалерійскаго офицера, расхаживалъ *ухарски* съ фуражкою на саблѣ. „Гдѣ ты, брашець, видѣлъ, чтобы фуражка моталась на саблѣ?“ спросилъ Директоръ Театра. Помилуйше! очень видѣлъ! — возразилъ актеръ. „Да гдѣ же?“ — Въ Цареградскомъ шракирѣ. —

Страшный Пересмѣшникъ въ 24 Но Литтературныхъ Прибавленій къ Рускому Инвалиду, описывая страшнаго офицера и глубокую шишину, перерываемую изрѣдка шолько скрыпомъ вороньяго пера, своимъ *воронимъ* перомъ *скрыпнулъ*, между прочимъ, слѣдующую диковинку: „За шремя большими сполами чершили планы 6 Офицеровъ.“ Бывало люди чершаютъ планы, а нынѣ — благодаря волшебству *страшнаго Пересмѣшника* (разумѣется, какъ онъ самъ о себѣ думаетъ) — планы чершаютъ людей! . . . Не подойдуть ли эти новомодные чершежи какъ-нибудь къ узорамъ бальныхъ плашьевъ для *прелестныхъ* каршинокъ, къ эшому *Пересмѣшнику* прикладываемыхъ? . . .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

С о н е т ъ М и ц к е в и т а.

Проста твоя поступь, рѣчь томно скромна;
 Лицо твое, очи не чары, не диво;
 Но зрѣть тебя, слышать такъ жаждуть ревниво!
 Въ одеждѣ пасшущи ты царски стройна.

Вчера — говоръ , пѣсни , бесѣда шумнѣ ;
 Вкругъ дѣвъ вѣселя юность привѣтливо , льстиво
 И нѣжишь хвалою , волнуясь шупливо ;
 Вошла ты — святая кругомъ пишина !

*

Такъ въ пирь лишь призывы пѣвца зазвучали —
 Вихрь пляски лешучей хоры закружилъ ;
 Вдругъ спали и смолкли. — Кшо обворожилъ ?

*

Невѣдѣнья полны , въ раздумьи спояли . . .
 Поэть ! что за тайна ? „Здѣсь Ангель париль.“
 Всѣ гостя почтили , — не всѣ угадали .

Аванасій Шпигоцкій.

Э с к и с с ъ .

Что за улыбка ! что за взоръ !
 Что за лицо и что за голосъ !
 Надъ желтымъ лбомъ щепинный волосъ . . . ,
 „А имя ?“ — Страшное ! . . . *Аворъ* ! —
 „А родина ?“ — Подъ крышей башни. —
 „Дѣла ?“ — О ! . . . каверзни всегдашни. —

ИЗВѢСТІЯ.

ПРОЩАНІЕ ПОЭТА СЪ ЗЕМЛЕЮ.

Сочиненіе Графа Хвостова.

Бываетъ состояніе души , въ копоромъ человекъ находишь себя именно *двойственнымъ* : ибо раздѣляешся между двумя противоположными чувствами, долго перемогающими другъ друга, подобно борцамъ равныхъ силъ.

Точно шаково было состояніе души нашей, когда мы чинали новое сочиненіе маспиаго Поэта , *прощающагося съ землею* , копорую

украшалъ своими добродѣтелями и могъ сказать по праву :

Въ далекое переселяюсь царство ,
Гдѣ совершенствъ , величїя престоль ;
Гдѣ сковано злочестїе , коварство ;
Гдѣ духа нѣшь разврата и крамоль ;
Гдѣ внемлеть слухъ по областямъ эфирнымъ ;
Въ кругахъ свѣшилъ , подобно струнамъ лирнымъ ,
Немолчный звукъ крутящихся планеть .

• • • • •
Предчувствую : съ Темирою , съ друзьями
Мнѣ тягостенъ разлуки часъ !

• • • • •
Отечество ! Священная Россїя !
Желанїй цѣль , восторгъ , моя спихїя !
Вѣщаю вслугъ , готовяся къ пути :
Какъ начала , красуйся и цвѣти !
Соземцамъ днесъ , великимъ , превосходнымъ ,
Которые намъ приносили честь ;
Россїянамъ усерднымъ , благороднымъ ,
Что возмогли спрадальцовъ иго несеть ;
Которые мелѣяли науки ,
Спускались въ ночь ужасную темницъ ;
Чьи бѣлыя являлись руки
У смерти врашь , въ обители больницъ —
Благотворители ! въ часы разлуки ,

Я вамъ вѣщаю вновь
И благодарность , и любовь !

Въ сихъ стихахъ совокуплено то , что Поэзія приноситъ сладостнаго душѣ , а скорбь — горестнаго сердцу ! . . . Нѣшь , нѣшь , Поэшь , *классическій* и по добродѣтелямъ ! не прощайся съ нами *такъ рано для насъ* ! . . . И *благодарность* , и *любовь* умоляютъ Небо — продлитъ общепольное существованїе твое на землѣ , столь не богатой подобными тебѣ !

П а р и ж с к і я м о д ы .

Мы замѣтили одно платье Индійской кисеи, вышитое зеленымъ шелкомъ и золотомъ. Жилки и корешки листиковъ, составлявшихъ сіе шитье, должны быть золотые. На головѣ — вѣнокъ изъ листьевъ, перемѣшанныхъ съ небольшими золотыми кистями (гарре d'or).

— Въ магазинахъ появилось очень много шалей, изъ Китайскаго крепа, черныхъ, вышитыхъ цвѣтнымъ шелкомъ. Черные эшарпы съ разноцвѣтнымъ шитьемъ также въ большой модѣ.

— Въ послѣднихъ модахъ лиловый цвѣтъ есть почти самый употребительный; *гриделень* (gris de lin) равномерно спалъ моднымъ цвѣтомъ.

— Большая часть короткихъ рукавовъ дѣлается въ двѣ буфы, которыя раздѣляются бантомъ.

— На гуляньяхъ замѣчено много дулеть, буа и муфты; къ сему наряду идетъ маленькая шляпка съ однимъ перомъ и полу-вуалемъ. (*Отъ 5 Апрѣля нов. ст.*)

И з њ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е л ь №.

Платье креповое, ошдѣланное леншами. Прическа, изобрѣтенная Нарсиссомъ.

(Въ предыдущемъ № надлежало быть слѣдующему изъясненію новѣйшей картинки, полученной уже по опечатаніи № и приложенной къ оному: *шляпка и платье атласныя.*)

П Е Ч А Т А Т ь Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ чтобы, по опечатаніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Апрѣля 18 го дня, 1832 г.
Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Советникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

М о н а х и н я.

П о в ѣ с т ь.

(Продолженіе.)

Г Л А В А V.

L'absence a ses regrets, mais, hélas! le retour
Est aussi quelquefois plus funeste à l'amour.

Massinger.

Возвращеніе Владиміра въ замокъ оживило его жипелей и возвратила имъ надежду пихой и мирной жизни; они знали кропость и добродѣшель Хицкаго и твердо уповали найпих въ немъ оборону оупъ несправедливоспи и дурныхъ поступковъ Ольгиныхъ.

Покойная Боярыня Намалья Федоровна, соспрадашельная къ челоувѣчеспву, изыскивала всѣ

средства къ облегченію подданныхъ своихъ ; справедливая ко всѣмъ , она снисходила къ слабоспи , наказывала порокъ , строго требовала исполненія обязанностей , помогала неимущимъ и исправляла нерадивыхъ ; судъ ея не былъ причастенъ ни личности , ни засшупленію ; каждый имѣлъ одинаковое право на власть ея и защипу. Ольга же напросивъ по себялюбію не заботилась объ участии другихъ ; она одна по мнѣнію своему достойна была всѣхъ благъ земныхъ и пошому мало обращала вниманія на благосостояніе своихъ подданныхъ ; дѣйствуя всегда по внушенію перваго чувства и минупнаго расположенія , не давала себѣ пруда взвѣшивать поступки свои и руководспвовалась въ нихъ единспвенно прихощю ; часто обвиняла правыхъ и изощряла власть свою на оправданіи виновныхъ . Клевеша имѣла къ Ольгѣ свободный досщупъ , и одна полько мать могла снискашь ея покровительспво . Все переобразовалось въ зѣмкъ : коварспво замѣнило добродушіе , происки спали выше заслугъ , лицемѣріе заглушило правду и правоша замѣспилась несправедливощю ; скоро подвласпные жипели зѣмка , сравнивая двухъ власщипельницъ , почувспвовали незамѣняемую свою потерю ; всѣ опдавали справедливость шой , кошорая еще при жизни своей споль была ея достойна ; всѣ чуждались Ольги ; каждой убѣгалъ ея и охощнѣ бы перенесъ нещасшія , чѣмъ просипъ ея помощи .

Бояринъ Петръ Борисовичъ , человекъ мягкосердечный и слабый , былъ въ совершенномъ подданспвѣ жены своей ; спарѣтельно избѣгалъ всѣхъ случаевъ , кошорые могли раздражипъ Ольгу , и давъ ей полную волю во всемъ , не имѣлъ болѣе возможности оспанавливать ее въ

посупкахъ и дѣйствіяхъ, часто несомѣстныхъ съ приличіемъ и нравственностію. Самовластіе этой женщины постепенно увеличивалось; новыя несправедливости умножали число недовольныхъ, изъ коихъ многіе надѣялись имѣть защиту въ Бояринѣ Крупицкомъ; но щепотно: онъ самъ спросилъ Ольги, и почтительно себя щасливымъ, когда угодно было ей удостоить его ласковой рѣчью, или взглядомъ.

Одна только добродѣтельная Юлія спрадала за всѣхъ; малодушіе отца споило ей горькихъ слезъ; она чувствовала, что его щастіе исчезло безъ возврата; что онъ осужденъ нести тяжкія оковы рабства и бытъ подъ вліяніемъ женщины жестокосердой, лукавой и вовсе къ нему равнодушной. Юлія знала всѣ неустройства, происходящія отъ Ольги; слышала возставшій ропотъ на отца и раждающуюся ненависть къ мачихѣ; но чѣмъ могла помочь всеобщему горю? Единственное къ тому средство было безуспѣшно: уже нѣсколько разъ обращалась она къ отцу своему, убѣждая его употребить власть свою къ защитѣ невинныхъ; но не смотря на всю привязанность Крупицкаго къ дочери, онъ ничего не въ силахъ былъ сдѣлать ей въ угожденіе. Въ то положеніе, въ кошоромъ находились жители замка, когда возвратился къ нимъ Владиміръ.

О если бы человѣкъ могъ проникать въ будущее! сколько бы золъ отвратилъ онъ отъ себя, сколько бы желаній умирало при самомъ ихъ возрожденіи, сколько было бы опрокинутыхъ надеждъ, разрушенныхъ предпріяній? но человѣкъ въ слѣпотѣ своей осужденъ заблуждаться; и если бы не могущественная рука Провидѣнія

хранила слабое свое созданіе: по онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ бы погибель.

Возвращеніе Владиміра дѣйствительно произвело большую перемѣну въ замкѣ; но по несчастію совершенно не къ выгодѣ жителей. Необыкновенная ласка и угожденіе, оказываемая Ольгой Хицкому, обнадежили многихъ въ ея перемѣнѣ; но одинъ только недалновидный могъ обмануться въ ея настоящей причинѣ. Самъ Владиміръ, непричастный лукавству, ошибся въ чувствахъ Ольги и своею привѣтливостію еще болѣе усилилъ возгорѣвшую страсть ея къ себѣ. Пылкой нравъ Ольги, до селъ равнодушной къ сердечной склонности, развернулся со всею силою, и подобно ужасной бурѣ, уничтожающей все на пути своемъ, Ольга предалась безъ границъ пламенной страсти; сильнѣе чѣмъ когда-либо возненавидѣла Юлію; ревность довершила заблужденіе, и Ольга въ угарѣ чувствъ своихъ рѣшилась употребить всѣ средства къ достиженію преступной цѣли: не надѣясь распоргнуть связь Юліи съ Владиміромъ, льстила самую привязанностію ихъ упрочить свое щастіе.

Уже былъ назначенъ день свадьбы Юліи; съ каждымъ проходящимъ днемъ сердце молодыхъ поварищей жизни билось сильнѣе; съ каждымъ днемъ увеличивался ихъ восторгъ; скоро въ страстныхъ объявіяхъ любви постигнувъ они всю красу бытія, скоро два сердца соединяшся въ одно и чувства ихъ пойдуть однимъ путемъ; ихъ каждое ощущеніе, ихъ радость и щастіе, ихъ горе и печаль — все сольется въ общую чашу жизни! Но коварство не спитъ и гошовишь съши для добродѣтели.

Обширной садъ замка, кончающійся у самыхъ водъ Днѣпра, украшенный сполѣшними дубами,

былъ пріятнымъ убѣжищемъ опъ пылающаго солнца, но шерялъ всю свою прелесшь при его захожденіи. Мрачныя аллеи подъ сводомъ сросшихся вѣшвей вселяли уныніе и малодушный робко бы провелъ въ нихъ ночь. Владиміръ часто предавался шамъ сладоспнымъ чувспвамъ будущаго щаспія; и однажды, когда въ зѣмкѣ давно уже все было въ обьяшіяхъ сна, все ошдыхало въ природѣ и возобновляло спокойспвіемъ своимъ силы къ грядущему дню, Владиміръ, долго немогшій передать сновидѣнію невинныя ласки, нѣжныя увѣренія очаровательной Юліи, вышелъ изъ зѣмка и въ пріятныхъ мечпаніяхъ подъ вѣковымъ кедромъ любовался сребренною луною, справедливо названною солнцемъ любовниковъ. Одинъ полько зловѣщій филинь нарушалъ иногда крикомъ своимъ всемірную пишину. Вдругъ чпто бѣлющее въ дали обрашило на себя вниманіе Владиміра, и быспро приближалось къ нему; онъ съ удивленіемъ узналъ Ольгу, и еще не успѣлъ очнущся опъ столь неожиданнаго явленія, какъ Ольга взявъ его за руку, посадила возлѣ себя, и послѣ нѣкотораго молчанія сказала ему: «Жицкой, я давно ищущ случая говорись съ вами наединѣ; выслушайте меня шерпѣливо и знайте заране, чпто никакая власшь, никакая сила не можешъ опврашишь меня опъ моего намѣренія. Я скорѣ соглашущ поперяшь все, даже жизнь, чѣмъ долѣ мучишься и спрадашъ любовію безнадежною. Воспипанная среди людей низкаго происхожденія, я провела молодосшь свою въ кругу семейспва, гдѣ по чувспвамъ моимъ всѣ были мнѣ чужды; все было различно между нами: наши понятія, наши правила, цѣль жизни; меня никшо не понималъ и ко мнѣ всѣ были равнодушны. Вошь положеніе, въ кошоромъ я

находилась, когда Крупицкой предложилъ мнѣ руку свою. Желаніе быть свободною, быть властною въ своихъ поступкахъ, а болѣе всего удалиться отъ шакаго сообщества, въ которомъ жила съ отвращеніемъ: все это заставило меня принять предложеніе Крупицкаго. Я не имѣю нужды описывать вамъ свойствъ мужа моего: вы еще лучше должны знать его, чѣмъ я; и если хощете быть справедливы и откровенны, то конечно согласитесь со мною, что онъ нисколько неспособенъ занимать въ свѣтѣ по значительное мѣсто, на которомъ поставила его слѣпая фортуна.“

Но кто изъ насъ не причастенъ слабостямъ? — сказала Хицкой, ничего не понимая въ разговоръ Ольги, и продолжалъ: вы слишкомъ строго судите недостатки, и не обращаете должнаго вниманія на хорошія качества; я увѣренъ, что если бы вы захотѣли взвѣсить и эти и другія вмѣстѣ, то не такъ бы строго судили Боярина Крупицкаго.

„Какъ бы оно ни было,“ отвѣчала Ольга „но я не могу не признаться, что мужъ мой, къ которому я всегда была равнодушна, теперь ежедневно становится мнѣ нестерпимѣе. Не его виню въ это, ибо онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы мнѣ угодить; но не могу винить и себя; я не знала до сихъ поръ власти, которую можешь взять надъ нами любовь, незнакома была съ ощущеніемъ сердца, съ мученіемъ непреодолимой страсти; за то сильнѣе чувствую весь ядъ первой склонности сердца. . . . Хицкой! я не могу долѣе спрашивать, скрывая ее; я люблю страстно. . . . люблю себя! . . .“

Что сравнится съ удивленіемъ Владиміра? онъ отскочилъ отъ Ольги, какъ отъ нечи-

стаго духа, долго въ изумленіи глядѣль на нее и не могъ произнести ни слова. „Просшите мнѣ, сударыня!“ отвѣчалъ онъ наконецъ: „мое замѣшательство, но я до сихъ поръ не смѣю вѣришь самому себѣ; слышанное мною отъ васъ, мнѣ кажется, такъ проповно вѣсѣмъ правиламъ чести и благородства, что не могу, не смѣю дать вѣры словамъ вашимъ.“

— Поздо, Хицкой, напоминаешь мнѣ о чести: я всю жизнь свою жершвовала ей; шеперь гопова вѣсѣмъ жершвовашь любви. . . Повторю шевѣ, что я не могу жить безъ взаимности чувствъ швоихъ, не могу жить безъ любви швоей, безъ шевя! . . . Вспомни власшь мою и знай, что если я способна къ пламенной любви, то одна могила предѣль ненависти моей и мщенію. —

„Нѣшь! никогда!“ воскликнулъ Владиміръ: „никогда не оскверню сердца своего прешупнымъ чувствомъ презрѣнія. Вошь все, что могу пишашь къ шевѣ! Пущь вся жизнь моя будешь сцѣплениемъ неслыханнымъ бѣдешвій; пущь минуя вѣ радости, вѣ блага земныя; пущь буду шомишься до послѣдняго вздоха: я на все гоповъ; но польшишь швоему разврашному сердцу, швоимъ прешупныхъ желаніямъ. . . нѣшь! никогда! . . . клянусь въ шомъ Богомъ и совѣспію. . .“ Еще не договорилъ Владиміръ послѣднихъ словъ, какъ уже Ольга удалилась отъ него. Любовь и ненависть долго боролись въ сердцѣ ея, но оскорбленное самолюбіе превозмогло любовь и сердце Ольги закипѣло злобой и мщеніемъ.

Невольная грусть овладѣла сердцемъ Хицкаго; онъ вспомнилъ пророческой голось подземелья, и шрепешь сковаль душу его; онъ не зналь, что дѣлашь; все открьшь Крушицкому было бы шоже, что приговорить его къ смерти; Хицкой

скорѣ бы рѣшился спрдасть во всю жизнь свою, чѣмъ нанести споль жестокой ударъ благодушелю своему; послѣ долгихъ размышленій онъ рѣшился молчать, убѣгать Ольги и стараться всѣми силами ускорить бракъ свой съ Юліей.

Едва съ разсвѣтомъ дня нашель онъ успокоеніе въ объшяхъ сна, какъ вдругъ былъ пробужденъ неожиданнымъ посѣщеніемъ Боярина Крушицкаго; угрюмой видъ его не предвѣщаль ничего добраго, но спокойной совѣспью Владиміръ вспрѣшилъ его съ шѣмъ же почщеніемъ, съ шюю же нѣжноспію и лаской, съ какими вспрѣчалъ обыкновенно.

„Нещасный!“ вскричалъ Крушицкой: „чѣмъ ты плашишь мнѣ за добро? Въ швоемъ ли сердцѣ могла шайшьяся измѣна и коварспво? Неблагодарный! могъ ли я на спароспи лѣшь ожидашь шакого поруганія сѣдинамъ моимъ — и ошъ кого? ошъ взысканнаго мною, какъ сына! Скажи, безчеловѣчный! за что преимущеспвенно избралъ ты меня предметомъ своего вѣроломства? что сдѣлалъ я тебѣ? — любилъ тебѣя и вошъ награда за любовь! . . .“

Изумленный Хицкой не находилъ рѣчей.

„Что сдѣлала тебѣ нещасная дочь моя?“ продолжалъ Бояринъ Пешръ: „невинная жершва швоего злобнаго сердца? . . . Какое ушѣшеніе принесу ей, чѣмъ облегчу скорбь ея, чѣмъ осушу слезы Юліи? . . .“

При имени Юліи Владиміръ опомнился; грусно взглянулъ на Крушицкаго, шяжко вздохнулъ и ошвѣчалъ: „Вы ли, великодушный, благошворительный Бояринъ, котораго благодарное сердце мое признало за вшораго ошца; вы ли, воспитавшій меня, можете сомнѣваться во мнѣ и

укоряшь въ чемъ-либо? . . . Чѣмъ я оскорбилъ васъ? въ чемъ же мое пресупленіе?»

Льспивой языкъ порочной души! — сказалъ Бояринъ Пешръ — ты открылъ мнѣ глаза; исчезла слѣпая моя къ тебѣ довѣренность; я тебѣ болѣе не отецъ и не признаю тебя за сына; если бы могла ненависть облегчить сердце мое, ты былъ бы вѣчнымъ ея предметомъ. Скажи, что смѣлъ ты предлагать женѣ моей? что готовилъ мнѣ необузданностию спраспей своихъ? —

„Не я, Бояринъ!“ отвѣчала Владиміръ: „способенъ къ такому гнусному поступку, нѣтъ! не съ моимъ сердцемъ, не съ моею душой удались отъ добродѣтели въ такой степени! . . . Одна моя привязанность къ вамъ, страхъ разрушитъ ваше щастіе, лишитъ васъ спокойствія заставляющъ меня хранить молчаніе. . . . Обвиненіе ваше не справедливо: оскорбишь васъ никогда не входило въ мысль мою; я клянусь вамъ въ этомъ честию.“

Я вѣрилъ чести своей — сказалъ Крушицкой — и жизнь мою бы опдалъ за нея; но не могу долѣе вѣрить ей въ соблазнительнѣ женѣ. —

„Бояринъ!“ вскричала Владиміръ: „вспомните, что передъ вами Хицкой: я готовъ повиноваться вамъ во всемъ, готовъ всѣмъ жертвовать; жизнь моя принадлежитъ вамъ; она ваше благопвореніе; но какъ бы велики ни были права ваши надо мной, какъ бы сердце мое ни признавало ихъ неограниченными, честь моя единственное мое достояніе и я никому не позволю оскорбить ее.“

Одни поступки наши могутъ оправдать благородство — сказалъ Бояринъ Пешръ — но когда они не соотвѣтствуютъ ему, тогда и честь, и доблесть только одинъ пустой звукъ словъ, свойственный усамъ cadaго. Душа, причастная пороку, сердце лукавое часто наравнѣ съ добро-

дѣшелою защищающъ честь свою; не прудно обольспить челоуѣка, не прудно хипроспю и коварспвомъ ввспи его въ заблудне; но еспь Судья поспуковъ нашихъ, передъ которымъ гибнепъ всякой ковъ: вспомни, Хицкой, что Онъ будепъ нашимъ судей, и горе шому, кто призовепъ имя Его все. —

„Безпрешпно опдаю Ему на судъ не шолько поспуки свои, но даже самыя сокровенныя чувспва и мысли!“ опвѣчалъ Владиміръ: „я увѣренъ въ Его милосердіи; знаю Его величіе и молю, да озарипъ Онъ васъ свѣтомъ испины; шяжело сердцу моему видѣпъ заблудне ваше; но не мнѣ, взысканному вами, предоспавлено Провидѣніемъ вывспи васъ изъ заблудне; я не нарушу вашего спокойспвія; пускай все обрапшся на меня, пусть буду я одинъ жерпвою мщениа низкой и разврапной души; моя надежда Богъ. Онъ не дастъ мнѣ погипнуть и адская злоба людей не успрашипъ Хицкаго.“

Не можепъ сердце челоуѣка заглушипъ мгновено привязанность многихъ лѣпъ! — возразилъ, Крушицкой — не могу и я скрыпъ опъ себя, Хицкой, сколь прискорбно мнѣ обвиняпъ себя и имѣпъ причины къ жалобамъ; но какъ бы сердце мое ни искало оправдапъ себя, мой долгъ велипъ мнѣ заглушипъ чувспво его и быпъ защитникомъ оскорбленной чести жены; она шребуепъ швоего удаленія; я далъ ей въ эпомъ слово и мы должны разспашься. —

„Я гошовъ повиновапъся воли вашей,“ сказалъ Хицкой „но я не власпенъ болѣе въ судьбѣ мой; она принадлежипъ дочери вашей.“

Оспановисъ, Владиміръ! — прервалъ Крушицкой — не напоминай мнѣ минувшей опрады души,

надежды на мою предбудущность. Въ шебѣ и въ соединеніи швоемъ съ Юліей ласкалъ я себя найпишо семейное блаженство, копорымъ красится жизнь наша и сперпима спароспъ; но пы все разрушилъ и рука дочери моей никогда не будетъ принадлежать оскорбителю моей чести. — При сихъ словахъ Крушицкой поспѣшно удалился. „Нѣтъ!“ вскричалъ Владиміръ вслѣдъ Крушицкому: „права мои на Юлію столь священны, что слѣпая довѣренность швоя къ ухищренной злобѣ не можетъ разрушить нашего союза; пы самъ соединилъ насъ предъ прахомъ матери, и одна смерть разлучитъ насъ. Доколѣ бѣеши сердце мое и капля крови останешся въ жилахъ моихъ, дополь не допущу шебя бышь гонителемъ дочери швоей и не оставлю ее безъ защиты на жершву злоумышленія коварной матери.“ Мысль разспашся съ Юліей была для него птяжелѣе всѣхъ бѣдспвій, всѣхъ мученій; онъ поспѣшилъ къ ней и вспрѣшилъ ее выходящую опъ опца своего.

Твердоспъ духа Юліи удивила его; не слезы блиспали въ очахъ ея, не уныніе было на лицѣ, не жалобы выльпали изъ устъ: свѣшлой взоръ блиспалъ величіемъ души, доблеспію сердца; всѣ чершы лица были одушевлены внушреннымъ спокойспвомъ, и сіяли могущеспвенной красоспой добродѣтели. „Намъ должно разспашся, Владиміръ!“ сказала Юлія: „исполнился пророческой голосъ; коварспво доспигло насъ и адское ухищреніе разрушило наше щаспие. Одно мужеспво и добродѣтель можешъ насъ спасти; чѣмъ болѣе будемъ предаваться опчаянію, тѣмъ болѣе умножимъ бѣдспвіе свое и поржеспво враговъ нашихъ. Опецъ мой глухъ къ просьбамъ моимъ; сердце его оковано спрахомъ.

Злощасный не смѣетъ дать воли чувствамъ своимъ и раболѣбство овладѣло душой его. Хицкой! ничто не можеть распоргнуть сердце нашихъ; обътъ нашъ начертанъ на скрижаляхъ вѣчности; другому принадлежать не могу; но если не суждено намъ щасіе на земль, то въ силахъ ли кто вопрошившись нашему соединенію памъ, гдѣ нѣтъ преграды блаженству непорочныхъ душъ, куда не достигаешь ни злоба, ни коварство, гдѣ не перзаеяся душа предчувствіемъ зла, гдѣ не спрашится сердце бѣдствія, гдѣ радость и воспоргъ вѣчны?... Владиміръ! я заклинаю тебя прахомъ матери моей исполнишь волю отца моего; удались сихъ мѣстъ, гдѣ все, даже самый воздухъ зараженъ порокомъ.“

Напрасно убѣждалъ Хицкой Юлію послѣдовать за нимъ; ничто не могло поколебать ея добродѣтели и преклонилъ Юлію къ бѣгству; съ трудомъ получилъ онъ отъ нея дозволеніе видаться съ ней тайно и на другой день оставилъ замокъ, переселясь за Днѣпръ въ хижину рыбака. Часто на закапъ дня переплывалъ Владиміръ широкую рѣку и видался съ Юліей въ пѣхъ самыхъ аллеяхъ, гдѣ такъ еще недавно ласкалъ себя обворожительными мечтами будущаго щасія, котораго, казалось, ничто не можеть нарушить. О какъ вы обманчивы, будущія радости! какъ часто сулише обольщенному сердцу исполненіе надежды и все разрушаете ненасъемъ грядущаго дня! Сладостныя свиданія Владиміра съ Юліей, въ кошорыхъ забывался весь міръ, всѣ его бѣдствія, оканчивались обыкновенно повтореніемъ клятвъ несчастной любви.

(Продолженіе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ъ .

Въ первомъ помѣ книгѣ : Paris , ou le Livre des Cent-et-un ; книги новой , если шолько была когда - нибудь новая книга , новой и по машерьи , и по формѣ , новой и по происхожденію сочиненія , составляющаго энциклопедію современныхъ понятій , памятникъ эпохи юной и блестящей , *альбомъ* лишпературы оспроумной и могущесшвенной ; книги , на кошорой основывается возстановленіе дома , бывшаго для нѣкошорыхъ между ея знаменитыми сочинителями мѣстомъ первоначальнаго паланша и колыбелью славы ; наконецъ книги , издаваемой въ пользу шоль знаменитаго въ свою очередь — щедростію и великодушіемъ , книгопродавца *Ладвона* ; въ первомъ помѣ сей достопримѣчательной книги напечатаны списки любезнаго *Беранже* , кошорые предлагаемъ своимъ любезнымъ Чипашельницамъ :

A M o n s i e u r

de C h a t e a u b r i a n d .

Chateaubriand, pourquoi fuir ta patrie,
Fuir son amour, notre encens, nos soins ?
N'entends-tu pas la France qui s'écrie :
Mon beau ciel pleure une étoile de moins ?

Où donc est il ? se dit la tendre mère :
Battu des vents que Dieu seul fait changer,
Pauvre aujourd'hui comme le vieil Homère,
Il frappe, hélas ! au seuil de l'étranger.

Proscrit jadis, la naissante Amérique
Nous le rendit après nos longs discords,
Riche de gloire, et, Colomb poétique,
D'un nouveau monde étalant les trésors.

Le pèlerin de Grèce et d'Ionie,
Chantant plus tard le Cirque et l'Allambrah,
Nous revit tous dévots de son génie
Devant le Dieu que sa voix célébra.

De son pays qui lui doit tant de lyres,
 Lorsque la sienne en pleurant s'exila,
 Il s'enquérât aux débris des empires,
 Si des Français n'avaient point passé là.

C'est l'époque où, fécondant l'histoire,
 La grande épée, effroi des nations,
 Resplendissante au soleil de la gloire,
 En fit sur nous jaillir les rayons.

Ta voix résonne, et soudain ma jeunesse
 Brille à tes chants d'une noble rougeur :
 J'offre aujourd'hui, pour prix de mon ivresse,
 Un peu d'eau pure au pauvre voyageur.

Chateaubriand, pourquoi fuir ta patrie,
 Fuir son amour, notre encens, et nos soins ?
 N'entends-tu pas la France qui s'écrie :
 Mon beau ciel pleure une étoile de moins ?

Des anciens rois quand revint la famille,
 Lui de leur sceptre appui religieux,
 Crut aux Bourbons faire adopter pour fille
 La liberté qui se passe d'aïeux.

Son éloquence à ces rois fit l'aumône ;
 Prodigue fée, en ses enchantements,
 Plus elle voit de rouille à leur vieux trône,
 Plus elle y sème et fleurs et diamants.

Mais de nos droits il gardait la mémoire :
 Les insensés dirent : „Le ciel est beau ;
 „Chassons cet homme, et soufflons sur sa gloire,
 „Comme au grand jour on éteint le flambeau.“

Et tu voudrais t'attacher à leur chute !
 Connais donc mieux leur folle vanité :
 Au rang des maux qu'au ciel même elle impute,
 Leur coeur ingrat met ta fidélité.

Va ; sers le peuple, en butte à leurs bravades,
 Ce peuple humain, des grands talents épris,
 Qui t'emportait vainqueur aux barricades,
 Comme un trophée entre ses bras meurtris.

Ne sers qu'à lui. Pour lui ma voix te somme
 D'un prompt retour après un triste adieu.
 Sa cause est sainte ; il souffre, et tout grand homme,
 Après du peuple, est l'envoyé de Dieu.

Chateaubriand, pourquoi fuir ta patrie,
Fuir son amour, notre encens, et nos soins ?
N'entends-tu pas la France qui s'écrie :
Mon beau ciel pleure une étoile de moins ?

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Въ Альбомъ къ Н. Н.

(Отвѣтъ на его стихи.)

Писакъ у насъ число велико,
И сплошь безграмотныхъ, пустыхъ ;
Упрямое ихъ племя дико
Крошпъ безъ смысла часто спихъ.

*

Вамъ, вдохновенные Поэмы,
Краса народовъ и вѣковъ !
Вамъ нѣтъ могилъ, ни холодной Леты !
Вы подъ храненіемъ боговъ !

*

Орфею лѣсъ и шигръ послушень :
Никто къ дарамъ не равнодушень.
Какъ пышной розы не любить,
Иль голосъ соловья забыть ?

*

Безъ лавровъ на челъ, бездаренъ
Блаженъ въ умѣренной судьбѣ. . . .
Я, право, очень благодаренъ,
Поэтъ весеннихъ лѣтъ ! тебѣ :

*

Мой лакомка, Обжоркинъ (*) жадный,
Твое вниманье заслужилъ ! . . .
Не тщетно-жь я на свѣтѣ жилъ,
И звукъ на лирѣ спроилъ ладный.

Графъ Хвостовъ.

23 го Декабря 1831.

(*) См. портретъ его въ шретьемъ Томѣ моихъ сочиненій.
Авторъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Мы видѣли прекрасныя туалеты для маленькихъ дѣвочекъ, состоящія изъ голубой или розовой кашемировой весьма короткой юбочки; канезу изъ бѣлаго жакона, обширное вокругъ оборочкой, вырѣзанной фестонами; панталонцы бѣлыя, ошдѣланныя такими же оборками.

— *Шляпки*, Нынѣ чрезвычайно много маленькихъ шляпокъ, и пошому можно сказать почти утвердительно, что эта мода продлится конечно цѣлое лѣто.

— Палевыхъ или жоңкилевыхъ шляпокъ также очень много.

— Итальянскія шляпки очень маленькой же формы.

— Шляпки дикаго цвѣта подбиваются бѣлымъ или розовымъ,

— Черныя шляпки имѣють украшеніемъ букетъ цвѣшовъ, приколонный съ боку.

— *Притески*. Спереди вмѣсто гладкихъ волосъ многія дамы кладуть двѣ широкія косы, сверхъ которыхъ нѣсколько буколь.

— Чтобы поддержать борки или шемизетки, дѣлають баншы изъ клѣшчатаго гроденапля, бѣлаго съ розовымъ или голубымъ,

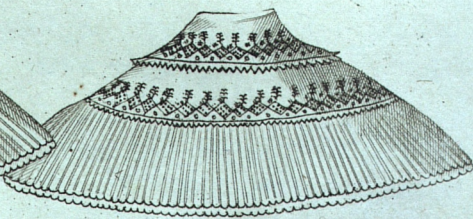
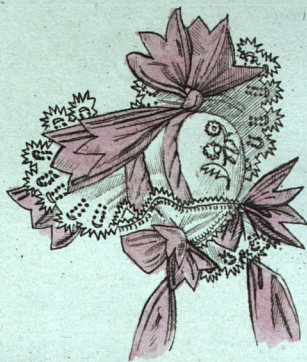
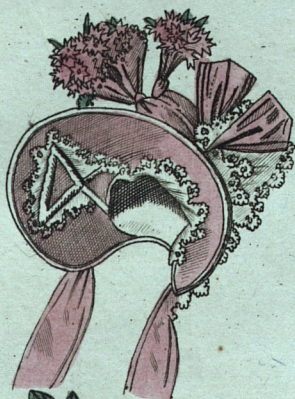
И з њ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е л ь N o .

1. Шляпка креповая, убранная цвѣтами. 2. Тюлевый вышитый чепчикъ. 3. Канезу кисейное вышитое.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ цѣмъ чтобы, по оппечатаваніи, были предсавлены въ Ценсурный Комитетъ при каземллара. Москва. Апрель 25 го дня, 1852 г.

*Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Советникъ
и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*

САМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Монахиня.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе.)

ГЛАВА VI.

Amour! amour! quand tu nous tiens;
On peut bien dire: adieu prudencs.

Lafontaine.

Едва удалился Владиміръ изъ замка, какъ всѣ бѣдствія обрушились надъ головой несчастнаго Боярина Крупицкаго. Ольга удаливъ Хицкаго, кошорого опасалась болѣе всѣхъ и кошорой швердостію своего характера имѣлъ нѣкоторое вліяніе на нее, потеряла послѣднее уваженіе къ мужу своему и всякое воздержаніе въ поступкахъ своихъ. Преступная спрасть къ Влади-

міру, презрѣнная имъ любовь, оскорбленное самолюбіе: все это еще болѣе ожесточило Ольгу, особливо прошивъ приверженцовъ Юліи и Хицкаго; все, что къ гибели ихъ могло избрѣсти коварство, все испощила Ольга для удовлетворенія своей мести. Сколько ни старался Бояринъ Пешръ Борисовичъ лаской и угожденіями укротить порывы жестокосердаго нрава жены своей, она не внимала его убѣжденіямъ, презирала просьбы и каждый день изыскивала новой способъ и случай оскорблять его и Юлію. Наконецъ жизнь Крушицкаго обратилась ему въ адское мученіе: въ непрестанныхъ терзаніяхъ сердца, въ безпрерывномъ волненіи, въ препельномъ ожиданіи всечасной непріятности проводилъ онъ дни свои; щещно надѣялся найши облегченіе въ объятіяхъ сна; ночь для него была еще мучительнѣе: страшныя сновидѣнія преслѣдовали его до зари. Непонятна была та неограниченная власть, которую взяла надъ нимъ Ольга и та унизительная, раболѣпная покорность, которую изъявлялъ онъ къ ея воли; казалось, что сверхъестественная сила подчинила его власти жены; онъ совершенно переродился подъ ея вліяніемъ душою, хотя слабою, но благородною; запяпналъ ее пристрастіемъ; съ сердцемъ легковѣрнымъ, но добрымъ спалъ причастенъ злобѣ и ненависти и съ кропкимъ нравомъ часто служилъ орудіемъ Ольгина коварства; однимъ словомъ: спалъ игрищемъ прихопи жены своей. Съ горестію взиралъ несчастной опець на участь дочери, имъ самимъ изгоповленную по ничтожеству своему; каждый день вспоминалъ Владиміра, котораго любилъ наравнѣ съ нею; былъ увѣренъ въ невинности его и ничего не могъ сдѣлать въ

пользу ихъ. Наконецъ совершенное малодушіе овладѣло имъ; онъ плакалъ, вздыхалъ, помился и жизнь спала ему несстерпима; къ довершенію злополучія жипели зámка, потерявшіе въ Хицкомъ послѣднюю опору, явно изъявляли свое негодованіе и непрерывными жалобами до того довели Боярина Крупицкаго, что онъ началъ опасаться окружающихъ его и лишился послѣдней оспрады — спокойнаго уединенія.

Одна Юлія боролась еще съ мачихой и была нѣкоторою преградой ея самовластію. Преданность и покорность жипелей зámка подавали Юліи способъ препяпствовать во многомъ Ольгѣ, укрощая ея жестокость и предупреждая злыя намѣренія. Каждой день приносила Ольга жалобы мужу своему на неповиновеніе и непочтеніе Юліи и принуждала его дѣлать укоризны дочери своей. Но Юлія, пожертвовавшая для спокойствія отца своего щастіемъ жизни, не могла унижить себя до такой степени, чтобы спашь, какъ онъ, рабой мачихи своей; не обращала вниманія на упреки его, часто говорила ему правду, и поставивъ себя въ обязанность быть защитницей несчастныхъ, гонимыхъ Ольгою, ни на что не взирая, дѣйствовала противъ нея.

Противоборство Юліи, и не успѣшныя спаранія Ольги возспановить несчастнаго отца противъ невинной дочери, исполнили мѣру ненависти къ Юліи и угасили послѣднюю искру человечества: всѣ мысли, всѣ усилія Ольги спремались къ одной цѣли — къ пагубѣ Юліи: давъ полную волю своему злобному сердцу, Ольга въ ухищреніи своемъ избрѣла ужаснѣйшее мщеніе; не смотря на негодованіе всѣхъ, ее окружающихъ, на ненависть, къ ней пи-

шаемую, и на жестокость поступковъ своихъ, нашла преданныхъ себѣ людей. Чего не сдѣлаешь изъ многихъ горсть золота — эпошь почти всеобщій идолъ? Въ числѣ преданныхъ Ольгѣ рабовъ былъ одинъ, давно испытанный въ жестокости и вѣроломствѣ, достойный сподвижникъ Крушицкаго *Кровенаго*. Чашапель вѣрно не забылъ Хайку, того коварнаго слугу, который открылъ убѣжище Ксеніи по слѣдамъ ея кормилицы. Онъ всупаешь шеперь на новое попріще злодѣяній: ему поручила Ольга замѣчать всѣ поступки, слѣдишь каждой шагъ Юліи, и вскорѣ съ восхищеніемъ узнала отъ него о шайныхъ свиданіяхъ Хицкаго съ Юліей: пробудилась ревность и закипѣла ненависть.

Въ одинъ вечеръ Юлія, желая воспользоваться красотою послѣднихъ лучей солнца, вышла въ садъ ранѣе обыкновеннаго и въ ожиданіи милаго сердцу, долго любовалась свѣшлыми спруями шихаго Днѣпра. Ничто такъ не возбуждаетъ къ мечпанію, какъ уныніе сердца. Невольно предалась Юлія грустнымъ размышленіямъ; игривыя мечты ея скрылись; какъ сонъ исчезло обворожительное время юности и сладкихъ надеждъ. Подобно грозной пучѣ, омрачалось сердце Юліи вмѣстѣ съ предбудущностию.

Вдругъ кто-то сильно схватилъ Юлію за руку; Юлія обернулась и увидѣла передъ собой Хайку; дерзкой поступокъ извѣснаго ей негодяя привелъ ее въ содроганіе; но что могло сравниться съ ея положеніемъ, когда заключивъ ее въ свои объятія, онъ нагло угрожалъ ей неизбѣжнымъ позоромъ! Тщешно спаралась она защищаться; уже ослабѣвшія силы сулили поржество неистовому злодѣю; но всевидящее Провидѣніе спасло невинность. Подобно разъярен-

ному льву, бросился Хицкой на Хайку и одним ударом повергъ его на землю. Какъ ни силенъ былъ ударъ, нанесенный Владиміромъ, Хайка скоро очнулся, вскочилъ съ земли и едва свиснулъ, какъ двое вооруженныхъ сообщниковъ напали на Хицкаго. Благодаря оспорожности, которая заставляла Владиміра носить при себѣ оружіе, онъ рѣшился дорого продать жизнь свою: поддерживая одной рукой Юлію, безъ чувствъ на ней лежащую, другою защищался съ мужествомъ, достойнымъ Хицкихъ, пропивъ шрехъ убійць, изъ которыхъ скоро одинъ вѣчнымъ сномъ уменьшилъ ихъ число. Оспорожный Хайка, не завидуя участи погибшаго поварища, послѣ многихъ безуспѣшныхъ покушеній обезоруживъ Хицкаго, вознамѣрился напасть на него сзади и нанести ему рѣшительный ударъ. Уже мечъ былъ надъ головой Владиміра и гибель его была бы неизбежна, если бы не прекрапился бой при внезапномъ грозномъ привидѣніи Монахини. Хайка и поварищъ его съ ужасомъ обратились въ бѣгство. Изумленный Владиміръ стоялъ въ оцѣпенѣніи съ поникшимъ мечемъ предъ привидѣніемъ. Онъ живо вспомнилъ рассказъ Боярина Крушицкаго и узналъ Ксенію.

„Я спасла тебѣ жизнь,“ сказала Владиміру Монахиня „и въ правѣ шребовать отъ тебя взаимной услуги. Черезъ десять дней при народженіи новаго мѣсяца, ровно въ полночь, сойди въ подземелье монастыря, которой прошивъ замка; входъ въ него съ восточной стороны между двухъ башенъ близъ Кипучаго колодезя. Тамъ подъ послѣднимъ сводомъ, ведущимъ къ Днѣпру, среди монашескихъ гробницъ подъ бывшей церковой найдешь мое поверженное тѣло; предай его землѣ, брось въ Днѣпръ вонзенный въ сердце кин-

жалъ — и бѣдствія свои кончашся: клянись исполнить волю мою.“ Клянусь! — ошвѣчалъ Хицкой и привидѣніе исчезло. Послѣ долгихъ спараній Владиміра Юлія почувствовалась; воспоминаніе угрожавшаго ей позора приводило ее въ шрепешъ, но за шо еще драгоцѣннѣе спалъ ей избавитель. Хицкой скрылъ ошъ нея данную кляпву Монахинѣ; онъ боялся еще болѣе распроишь Юлію, и проводивши ее до зѣмка, распался съ нею.

Донесеніе Хайки о неожиданной помощи, поданной Юліи, и чудесномъ спасеніи Владиміра привело Ольгу въ шрепешъ; въ первый разъ ошъ роду почувствовала она спрахъ, и робость овладѣла до шакой степени Ольгою, что она боялась встрѣчаться съ Юліей, воображая что покровительствующее привидѣніе повсюду слѣдовало за нею. Дорого споило Ольгѣ покушеніе на честь Юліи. Предпримчивой и смѣлой Хайка, исполняя во всемъ волю Ольги, зналъ, что онъ ей необходимо нуженъ, и вкравшись въ полную довѣренность ея, умѣлъ пронырствомъ своимъ вовлечь ее въ прешупленія: скоро взялъ онъ надъ нею шу власть, которая соспавляла единственную цѣль его желаній и наконецъ лукавый сообщникъ получилъ полной успѣхъ въ намѣреніи своемъ. Но чѣмъ могутъ ограничиться ненасытныя желанія человека! Щастіе, кошорымъ вшайнѣ пользовался Хайка, скоро спало недоспашочно къ его благополучію и не смотря на низкое свое происхождение, онъ распалился честолюбіемъ. Какъ часто гибнутъ люди, когда не соображаются съ силами, спремятся на высшую степень, для кошорой не гоповила ихъ судьба! Они выходятъ изъ предначертанныхъ

границъ, становящяся бесполезными обществу и переходя въ неизвѣстный для нихъ бытъ, перяющяся въ немъ, какъ пылинка въ воздухъ, и въ щепныхъ усиліяхъ кончающъ ничтожную жизнь. Не прудно было Хайкѣ преклонить Ольгу къ своимъ душегубнымъ замысламъ: они положили на общемъ совѣщаніи оправить Крупицкаго, въ швердомъ увѣреніи, что его смертію умножатъ единственную преграду къ безпрѣльному своему самовластію.

Если непроницаемое для насъ Провидѣніе допускаешъ иногда изчадьевъ ада совершаешъ пресупленія; за то рѣдко оспавляешъ ихъ безъ должнаго наказанія. Одинъ изъ приближенныхъ слугъ Боярина Крупицкаго, прельспившись золопомъ и обѣщаніями Хайки, рѣшилъ бытъ исполнителемъ злодѣянія, но едва совершилъ его, какъ совѣспъ пробудилась со всѣми своими шерзаніями: онъ все опкрылъ и во всемъ признался Юліи, а самъ лишилъ себя жизни.

Скоро разнеслась въ замкѣ ужасная вѣспъ о пресупленіи Ольги и Хайки; давно шаившаяся къ нимъ ненависть обрапилась въ явное и громкое негодование; ихъ искали по всему замку, но щепно: они успѣли скрыпъся. Пронырливый Хайка въ мучительномъ безпокойствѣ о неизвѣспности слѣдспвій, могущихъ произойти опъ его предпринятія, и желая узнать, какое дѣйствіе произведешъ на жителей неожиданная кончина Крупицкаго, мешался во всѣ часпи замка, вездѣ подслушивалъ, все соображалъ и проходя мимо Юліиной комнашы, ошановился у дверей и оцѣпенѣлъ, когда услышалъ признаніе несчастнаго исполнителя его злодѣянія; поспѣш-

но бросился къ Ольгѣ, увѣдомилъ ее объ измѣнѣ и оба бѣжали изъ зѣмка.

Юлія не могла скрыть отъ отца ужасныхъ происшествій и не теряя времени, спаралась податься ему помощь. Спокойно выслушавъ несчастный Крупицкой дочь свою; онъ не дорожилъ болѣе жизнію; она давно была ему въ шягость; но чувствуя, что ничто не можетъ спасти его, что скоро ударитъ для него часъ вѣчности, онъ дорожилъ послѣдними минушами своего существованія и хотѣлъ употребить ихъ въ пользу. Онъ озарили его истиною: кончилось заблужденіе, разрушилось очарованіе, въ кошоромъ шакъ долго къ спыду своему влачили онъ посшадные оковы рабства и былъ игралищемъ развратной и пресшупной женщины. Многое шяжко лежало на сердцѣ Крупицкаго и обременяло совѣсть его; онъ велѣлъ кликнуть къ себѣ священника и немедленно послалъ за Хицкимъ.

Наспалъ условный день, въ кошорый Хицкому должно было исполнить данной обѣщъ; не безъ штруда и опасности спушился онъ по назначенному пуши съ помощью факеловъ и въ сопровожденіи Димитрія подѣ развалины монастыря. Дѣйствительна одинъ шолько безспрашный Хицкой, или подобный ему въ мужествѣ, могъ исполнить шакое смѣлое и дерзкое предпріишіе. Узкая шропинка, ведшая Владиміра къ послѣднему своду, назначенная ему Монахиней, пересѣкалась безпрестанно ужасными провалами, кошорыхъ не лзя было переходить иначе, какъ перепрыгивая черезъ нихъ на удачу въ спрахѣ обрушиться. Къ умноженію опасности, глыбы земли и огромные камни, опдѣляшіеся отъ сводовъ, угрожали паденіемъ сво-

имъ и ежеминушною гибелью. На каждомъ шагѣ была смерть; но Хицкой, никогда не измѣнявшій даже самому пустому обѣщанію, не нарушилъ бы кляшвы своей, хотя бы шло спойло ему жизни: не взирая ни на что, онъ доспигъ своей цѣли. Въ послѣднемъ подземельи, ведущемъ къ Днѣпру, на проспранной площадкѣ среди множества гробницъ нашель Владиміръ, какъ было ему сказано, шѣло Монахини: она спояла на колѣнахъ, опершись одной рукой въ землю, съ чепками въ другой, съ вонзеннымъ кинжаломъ въ сердцѣ и съ опрокинутою головой, поддерживаемою обломкомъ гробницы. При первомъ взглядѣ узналъ Владиміръ Ксенію; глаза ея были опкрышы, длинные распущенные волосы упадали на землю, смершная блѣдность покрывала лице; черпы ея сохранили всю правильность и всю красосу, хотя оспались на нихъ глубокіе слѣды послѣднихъ шяжкихъ спраданій; впрочемъ ничего не было въ ней спрашнаго и опшрашительнаго. Близъ нея лежалъ необыкновенной величины скелешъ, съ превеликимъ камнемъ на груди; казалось, что онъ кончилъ въ ужасныхъ мученіяхъ жизнь свою; ибо руки, ноги и ребра были вывернуты опъ очевиднаго усилія опсвободиться изъ - подъ спрашной шяжести. Хицкой оспался въ швердомъ увѣреніи, что это былъ скелешъ Крупицкаго *Крвенаго*. Съ помощію Димитрія Владиміръ поднялъ шѣло Монахини и шѣмъ же опаснымъ путемъ, хранимый чудною и могущеспвенною силой, вышелъ съ шяжелой своей ношей изъ подземелья.

Въ недалъномъ распояніи опъ монаспыря на берегу Днѣпра была часовня, недавно сооруженная подаяніемъ богомольцовъ, приходящихъ

на поклоненіе явленной чудотворной иконы Святой Ксеніи. Возлѣ самой часовни, съ должнымъ обрядомъ, похоронилъ Хицкой Ксенію и въ почности исполняя волю ея, бросилъ кинжалъ въ Днѣпръ. . . . Владиміръ не могъ безъ содроганія прикоснуться къ оружію, на копоромъ была запекшаяся кровь опца, сестры и, можешъ бышь, тысячи жертвъ Крушицккого.

Едва возвратился Владиміръ домой, какъ явился къ нему посланный опъ Юліи съ извѣщеніемъ о случившемся въ замкѣ; еще досказываль словоохотный садовникъ, присланный опъ Юліи, приключеніе Боярина Крушицкаго, какъ Хицкой былъ уже на срединѣ рѣки, и смѣлою рукою, искусно владѣющею весломъ, разсѣкаль черныя волны вздымающагося Днѣпра.

Помощь, копорую подалъ искусный врачъ Боярину Пешру Борисовичу, облегчила его спраданія, но не могла спасши жизнь. Ядъ слишкомъ былъ силенъ и оспановишь его дѣйствіе было не возможно. Нащаспный Крушицкой зналь бѣдспвенное свое положеніе и съ неожиданною швердоспію духа готовился заплашишь неизбежную дань природѣ. Невѣрояшнымъ казалось его окружающимъ шакое мужество. Но не попъ былъ на краю гроба Крушицкой, копорой шакъ много въ жизни пожершвоваль спраспямъ и слабоспямъ своимъ. Для него нашпаль часъ, въ копорой исчезаетъ льспивая приманчивость свѣша, и жизнь, украшенная радоспію, исполненная блаженспва, ожидала его на завшпра; но смерпшь, съ копорою гибнетъ все — и сладкія надежды, и рѣзвыя мечпшы, и опрадныя чувспва — все заключаетъ въ безмолвную могилу. Можешъ спашься, нѣсколько льпшь прежде Крушицкому было бы пшажеле разспа-

вашся съ жизнію; тогда для него все красилось волшебной молодостію, слѣпою довѣрчивостію, щасливою безпечноствію; теперь коварство оправило сердце, горе и бѣдствіе убили духъ и дорого купленная опытность ясно доказала, что все земное суеша. Свиданіе Крушицкаго съ Хичкимъ до того было прогашельно, что никпо изъ предстоящихъ не могъ удержашься опть слезъ. „Владиміръ!“ сказалъ Крушицкой: „я иду на томъ судъ, предъ который не могу предстать спокойно безъ своего прощенія; знаю, какъ жестоко оскорбилъ себя, но видишь Богъ, что сердце мое въ томъ не участвовало; одна только слѣпая довѣренность, пресупная слабость, покрывшая позоромъ съдины мои, были виною общихъ бѣдствій нашихъ; съ радостію искупаю ихъ жизнію и примиряясь съ вами, услаждаю конецъ мой надеждою будущаго вашего благополучія и опраднымъ упованіемъ прощенія опть Всевышняго; Ему открыто сердце мое; Онъ видишь его сокрушеніе, и помилуетъ грѣшника съ чистымъ раскаяніемъ. Дѣпи мои!“ продолжалъ Бояринъ: „время дорого, теряшь его не должно; послѣдуйте за мною.“ Въ церкви зѣмка все было пригашовлено ко браку Юліи съ Владиміромъ. Воскликнулъ священникъ: „Слава тебѣ, Боже!“ раздался хоръ пѣвчихъ; украсилась добродѣтель вѣнцемъ соединенія двухъ непорочныхъ сердець и начертался въ вѣчности объшь новобрачныхъ. Еще успѣлъ Бояринъ Крушицкой благословить дѣшей своихъ, прижашь ихъ къ сердцу; послѣдняя минута жизни спрадальца озарилась нѣжною ласкою милой чепы; въ сердечной радости своей онъ забылъ объ ужасномъ жребіи своемъ. . . . но, увы! еще не вышли изъ церкви, какъ сильный припадокъ

дѣйствій яда прекрашилъ дни Боярина Петра Борисовича Крупицкаго и съ нимъ прекрашилъ ся родъ знаменитыхъ Крупицкихъ.

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

А л ь б о м ъ .

„Парижское общество, уменьшившееся весьма небольшимъ числомъ бѣжавшихъ отъ холеры, оказываетъ все презрѣніе къ ея угрозамъ. Тамъ почлось бы за доказательство прусосши, если бы переспали являясь въ спектакляхъ. Ложи Итальянскаго театра и Операго никогда не были заняты полнѣе и блистательнѣе.

„Между множествомъ теорій о холерѣ, самая странная конечно есть та, которая приписываетъ сію заразу маленькимъ, въ поврежденномъ состояніи, животнымъ, въспрамя несомымъ и сырою атмосферою привлекаемымъ. „Какъ скоро сіи животныя“ говоритъ сія теорія „нанесутся на селеніе, то начнутъ опускаться, а особливо въ нездоровыхъ мѣстахъ; и ежели случится прикосновеніе хотя между однимъ изъ сихъ атомовъ и человѣкомъ; если сей послѣдній вдохнетъ его въ себя ртомъ, или носомъ: то зло уже совершилось. Нѣтъ сомнѣнія, что въра въ сію систему заставляетъ нынѣ почти всѣхъ мужчинъ вооружаться шабакерками, или сигарою.“

Таковы были первыя вѣспи Французскихъ журналовъ о холерѣ, которая изъ Лондона прямо принеслась въ Парижъ: это, кажется, дословнѣе всякой теоріи и системы.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

На гулянье по Пречистенкѣ 15 Апрелья ().*

На что воспоминанья
 Минувшихъ намъ вѣковъ?
 Видь новаго гулянья
 Есть выставка обновъ:
 Кареты и коляски,
 Хоть шряски, иль не шряски,
 Суть жизни образецъ:
 Сегодня молодець, —
 И холишся, и рыщешъ;
 А завтра. . . гдѣ же онъ?
 Никто его не сыщешъ!
 Таковъ судьбы законъ.
 Въ разгулъ мы гуляемъ,
 И то, и то смѣкаемъ;
 Хотимъ блеснуть, плѣнить!
 А завтра? . . . какъ же бышь! . . .
 Гуляя, ошгуляли;
 Въ послѣдній домъ попали. . . .
 Друзья! вѣдь жизнь — походъ;
Привалъ ея — гулянья;
 Тамъ снова грузъ заботъ —
 До новаго капанья
 По старой мостовой. . . .

(*) Написано хозяиномъ при многихъ гостяхъ во время самаго гулянья, и безъ всякой поправки. Мы замѣняемъ симъ экспромтомъ обыкновенную произаическую сшашью о *гуляньяхъ*, и скажемъ только, что Пречистенское 15 Апрелья было, не смотря на *грязную мостовую*, довольно блистательное. *Изд.*

Въ походѣ подѣ судьбами
 Когдѣ-бѣ я уцѣлѣлъ,
 Друзья! день этошѣ съ вами
 Провестѣ бы вновь хотѣлъ!

Метатель.

К ъ С . А . Р й .

Подарившей мнѣ снурокъ для лорнета.

Вы вѣрно знаете о роковыхъ снуркахъ
 Блнштательной (пюрбаномъ) Поршы,
 Которыми она даетѣ всегда паспорты
 Забывшимъ нѣсколько въ своихъ пашалыкахъ
 О Гуріяхъ, и къ нимъ безпечныхъ отпраляетѣ.
 Скажу ли, что и вашъ снурокъ,
 Подобно первымъ, заключаетѣ
 Въ себѣ рѣшишельный мой рокъ,
 Который всѣ мои желанія вѣнчаетѣ?
 Его предѣ вами не шаю;
 Но не въ пророковомъ раю
 Онѣ мнѣ велитѣ искать блаженства,
 А на землѣ, гдѣ нѣтъ, швердяшѣ намѣ, совершенства;
 Но гдѣ когда увижу васѣ,
 Я вижу. . . . рай души и сердца!
 И для моихъ въ шо время глазъ
 Лорнетѣ не нуженѣ — нѣтъ! и свѣжій взорѣ младенца
 Не лучше моего на шошѣ щастливый разѣ.

10 Апрѣля, 1832.

К ъ н е й ж е .

При посылкѣ моихъ стихотвореній.

Ахѣ! если-бѣ раньше ты родилась,
 Или позднѣй родился-бѣ я;
 То Муза — ты была-бѣ моя,
 И славы жизнь моей въ попомествѣ бы продлилась!

Ш а р а д а.

Мой *первый* слогъ всегда есть доброты примѣта;
Послѣдній и дитя вамъ выведетъ перомъ;
 А *цѣлое* мое блистало на *второмъ*,
 И было удивленьемъ свѣта.

ИЗВѢСТІЯ.

Стихотворенія Александра Пушкина.
Часть третья. С. - Петербургъ, 1832.
Въ типографіи Народнаго просвѣщенія.

Кто стихотвореній Александра Пушкина не купитъ, или не *достанетъ* — повворяемъ, къ живѣйшему сожалѣнію, чистосердечное слово нѣкопорыхъ дамъ нашихъ, ничего не жалѣющихъ для Цихлерова и подобныхъ магазиновъ, но копорымъ очень жаль самыхъ не важныхъ денегъ даже для стиховъ Пушкина! — И такъ кто не купилъ и не доспалъ уже и сихъ стихотвореній нашего *единственнаго* въ свое время и въ своемъ родѣ Поэта; кто въ No 81 Сѣверной Пчелы не прочиталъ рецензіи на оныя, и кто не согласился съ бѣльшею частію мнѣній и сравненій рецензета, проникнушаго пипическимъ *ванализмомъ* къ своему *тріумфатору*, споль естественнымъ при новомъ *огромномъ торжествѣ* сего послѣдняго.

Великіе шаланпы, какъ и сильные Дворы, производяшъ искашелей, бѣлье или менѣ щаспливыхъ, но всегда имѣющихъ на своей споронѣ магическое зашпишительное слово: ГЕНІЙ!

И такъ намъ оспаешся полько поздравить читающую публику съ новымъ пиипическимъ удовольствіемъ, въ которомъ безъ сомнѣнія займешь первое мѣсто *Сказка о Царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ Гвидонѣ Салтановичѣ, и о прекрасной Царевнѣ Лебеди.*

П а р и ж с к і я м о д ы .

Матери. — Шалї, вѣроятно, долго будешь во всеобщемъ употребленїи, судя по множеству платьевъ изъ сей матерїи, появившихся въ лучшихъ магазинахъ. Самое модное шалї усяно букетцами весьма яркаго цвѣша по зеленому, палевому и другимъ темнымъ цвѣшамъ. Шалї съ широкими полосами также очень красиво. Сїи полоски — одна бѣлая, другая цвѣшная — усяны мѣкими цвѣточкама.

— Бѣлыя кисеи съ цвѣшными букетцами въ употребленїи для полу-нарядовъ. По темной или черной землѣ кисеи же розовые цвѣточки, и маленькія вѣпочки чрезвычайно красивы.

Шляпки. — Очень много шляпокъ - капотовъ изъ обьяри; ихъ подбиваютъ крепомъ и украшаютъ съ боку букетомъ цвѣшовъ. Лиловыя, подбитыя бѣлымъ крепомъ и убранныя букетомъ бѣлыхъ цвѣшовъ, весьма нарядны,

Изъясненїе картинки при семь Но.

Лоншанскїя моды.

Шляпка креповая или обьяринная. Платье гроденанлевое. Шаль, вышитая шелкомъ.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы, по оппечашаванїи, были представлены въ Ценсурный Комїашень три экземпляра. Москва. Мая 3го дня, 1832 г.

Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскїй Советникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскїй.

Парижскія Моды.

1832.

№ 19.

Дамскій Журналъ.

САМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

М О Н А Х И Н Я.

П О В Ъ С Т Ъ.

З А К Л Ю Ч Е Н І Е.

Ces chevaliers ne sont plus que poussière ;
Déjà la rouille a rongé leur rapière :
Puisse leur âme être avec tous les saints !

Walter Scott.

Проснулась опъ долгаго сна кормилица зем-
ли, и оживила все прекраснымъ упромъ Май-
скаго дня ; исчезли мрачныя шучи съ чела все-
ленной ; разсѣлись ледяныя оковы Днѣпра и сно-
ва волны зашумѣли. Возраждались поля и нивы,
зѣленѣли луга и рощи, повѣялъ полуденный вѣ-
шерокъ, запѣлъ въ бору пріюшный соловей ; все

воскресло къ новой жизни; однѣ вершины горъ, покрышыя снѣгомъ, напоминали минувшую за-
бытую зиму. Прошло уже тридцать лѣтъ, какъ
не спало послѣдняго Боярина Крупицкаго. Толь-
ко оставшіяся могилы свидѣтельствовали по-
томству, что существовалъ нѣкогда его знаме-
нитый родъ. Все переобразовалось въ жилищѣ
Крупицкихъ; не осталось и слѣдовъ бывшаго ве-
личія. Дикая скала, на которой возвышался за-
мокъ, была застроена хижинами поселянъ; на
мѣстѣ замка споялъ прекрасный домикъ, жилище
Хицкаго; мрачныя и унылыя окрестности об-
рапились въ очаровательныя сады, луга и па-
жипи; все приняло видъ веселый и пріятный
и замѣнило прежнюю угрюмость.

Благословеніе Божіе было ниспослало на
Хицкаго и его семейство; примѣрный супругъ,
чадолубивый отецъ, почтенный дѣдъ, сердоболь-
ной властелинъ, онъ посреди щастія и радости
перешелъ въ старость и каждый день благосло-
влялъ Провидѣніе за щедроты Его, каждый день
благодарилъ поварища жизни — безцѣнную Юлію
за блаженство дней своихъ. Что можешь болѣе
скрасить заботную жизнь нашу, какъ не подруга
милая и нѣжная! но всѣ ли женщины способны
исполнить столь высокое и благородное назна-
ченіе? Какъ часто суляшь онъ намъ рай и низ-
вергаешь насъ въ адъ!... Хицкой, строгой испол-
нительницей обязанностей своихъ, каждый часъ
совершала призну надъ прахомъ Ксеніи, погребенной
имъ у часовни, которая стараніемъ его
переобразовалась въ погостъ: Владиміръ не забы-
валъ, что Ксенія спасла ему жизнь. Каждое лѣто
онъ и Юлія украшали цвѣтами гробницу Монахини
и раздавали щедрую милоспыню бѣднымъ стран-
никамъ, проходящимъ на поклоненіе иконъ Св.

Ксеніи. Въ одинъ день, когда Юлія и Владиміръ по обыкновенію своему посѣпили могилу ея и въ воспоминаніяхъ прошедшаго пробѣгали мысленно всѣ событія жизни своей, по увидѣли женщину, сидящую на камнѣ близъ часовни, и просившую подаванія; худоба и блѣдность лица доказывали изнуреніе несчастной; рубище, едва прикрывавшее наготу ея, свидѣтельствовало всю жестокость бѣдности; все было признакомъ скорбной, пыгоспной жизни. Хицкой не могъ взирать безъ содроганія на спраждущее челоуѣчество; помогать ему было для него священнымъ долгомъ, по потребности сердца; онъ послѣшилъ къ несчастной женщицѣ; уже благошворительная рука его готова была подать ей помощь, облегчить ея спраданія, какъ вдругъ невольное оцѣпенѣніе оспановило его: нищая въ рубищѣ была. . . . Ольга.

Повѣсть Странника о странникѣ.

Статья одиннадцатая.

Что - нибудь, или такъ.

Онъ легкокъ! а она дунь - полети! . . .

Были и Небылицы.

Дунь - полети! эшо лучшее опредѣленіе мысли, проявляющейя мелькомъ или *такъ*, или вовсе безъ мыслей. *Дунь - полети!* и слѣдъ проспыль.

„Какъ въ полѣ капли дождевыя,
И мы такъ, люди часовые,
Распрыснемся въ урочный часъ;
Гдѣ мѣсто Богъ кому укажетъ,
Топъ тамъ въ свою могилу ляжетъ:
Покроетъ смерть завѣсой насъ.“

А нерѣдко и до могилы, еще и въ жизни опживаемъ.

Je ne suis plus de ce monde, писалъ Вольтеръ 1773 года къ Даламбершу: je m'en vas ou je m'en vais.

Жить и не жить: казалось бы спранно; но это бываетъ. И такъ повторимъ слова Вольпера: „Я опжилъ для свѣта; иду изъ него, или ухожу изъ него: je m'en vas ou je m'en vais.“ Вольтеръ не опредѣлилъ, что правильнѣе: je m'en vas, или je m'en vais. — Вольтеръ! . . . а иные за что не берущся? . . .

Одна преспарълая женщина, вспрѣпивши спольшняго *Фоншенеля*, сказала: „Господиъ Фоншенель! смерть насъ забыла.“ Молчите, сударыня! — опвѣчалъ Фоншенель — она услышитъ и припомнитъ насъ. —

А погда, что наша чернильная слава? *Дунь-полети!*

En vain par vos travaux vous courez à la gloire;
Vous mourrez, s'en est fait. . . .

Напрасно *корчимъ* мысль и умъ,
Чтобы безсмертія добиться:
Какъ сонъ — молвы исчезнешъ шумъ,
И слѣдъ чернильный истребитъся.

Это мысль Вольперовыхъ стиховъ и это сбилось съ *Исполиномъ* - Липшерашоромъ осьмнадцатаго спольсія. Не за долго до смерти Вольтеръ былъ вызванъ въ Парижъ. Вездѣ въ честь его раздавались громкія восклицанія; славили его въ Академіи, а на псеапръ увѣнчали торжественно. Умеръ Вольтеръ и приказано было — говорить добрый *Мерсье* — вывезть гробъ его по почтѣ изъ спѣнъ Парижа и зарыть въ землю, гдѣ попадешся. Шушный раздался ропотъ, но не

надолго. На одномъ изъ площадныхъ театровъ играли скоморошную комедию *Жажо*. Въ этой шумовской комедиі оспрякъ актеръ, предсавлявшій главное лице, съ ловкими ужимками и съ лукавою улыбкою выговорилъ слова: „*C'en est, ce n'en est pas.*“ (Это такъ! да не такъ!) Для эшихъ двухъ двусмысленныхъ словъ Парижъ забылъ Вольпера, и цѣлые шесть мѣсяцевъ въ большемъ и въ меньшемъ свѣтѣ, съ актерскими ужимками и съ хипрою улыбкою переговаривали другъ друга: *Это такъ! да не такъ!* —

О предположенія! о догадки! о перешолкованія! о пересуды!

Обращаюсь къ преданіямъ древности.

Тамъ, гдѣ шумитъ теперь обширный Океанъ, отдѣляющій старый свѣтъ отъ новаго, — тамъ не только по свидѣтельству Платона *Афинскаго*, но и по показанію новѣйшихъ писателей, существовала страна благословенная, или *Атлантида*. Бальси, бывшій 1789 года первымъ *Меромъ* Парижскимъ, издалъ *Письма объ Атлантидѣ*. Что въ нихъ сказано, не помню. А преданіе гласитъ, что жители Атланпиды, надѣленной всѣми дарами природы, жили въ союзъ братскомъ подъ сѣнію мира, любви и сообразно уставу *взаимнаго благоволенія*. Давно уже предложено, что не изъ вещественной природы изливаешся очарованіе для глазъ, но что оно переходитъ въ нее изъ нравственности сердца человѣческаго; были и въ Атланпидѣ горбатые, кривые, колченогіе, хромые; была тамъ красота, было и безобразіе. Но благодушіе жителей, соединенныхъ взаимнымъ благоволеніемъ, всему придавало прелестъ. У насъ въ самый добросердечный невольню улыбнешся, видя что другой обступился и упалъ, а тамъ

съ порывистымъ радушіемъ сотни рукъ спѣшили поднимать одного. На храмахъ дружбы и любви блистали надписи: *Небо дало намъ сердце для любви.* Не изъ мершвыхъ чернильныхъ буквъ, не изъ рѣзцовыхъ начертаній составлялись сіи надписи; онѣ были выдѣланы изъ розъ неувядающихъ, передъ которыми поблѣднѣли бы и розы Гулиспанскія. Но

Что значить щастіе въ юдоли сей земной?

Мигъ! . . .

Откуда ни возмись, вдругъ въ пучахъ мрачныхъ налешѣль, нагрянуль духъ раздора; съ размашистыхъ его крыльевъ сыпались сапиры, эпиграммы, колкія насмѣшки, ѣдкія подпруниванья и проч. Исчезло взаимное благоволеніе и печальные жипели говорили: „Та же цвѣшеть у насъ природа; по же сіяеть надъ нами небо лазурное! но сердца наши перемѣнились; а съ ними и все вокругъ насъ перемѣнилось.“

(Окончаніе впрѣдъ.)

Мечтатель,

А л ь б о м ъ.

Надобно бышь въ душѣ своей *Эльвердого*, по ешь *палачемъ*, чшобы описашь шакую сцену, какая подъ симъ пипуломъ написана *Бальзакомъ* въ повѣсти, основанной на происшествіяхъ войны Французовъ съ Испанцами при владычествѣ Нанолеона. Невѣрояпная жестокость! Командовавшій въ Испанскомъ городѣ Менду Французскій Генераль соглашается даровать жизнь одному изъ сыновей Испанскаго Гранда не иначе, какъ съ условіемъ, чшобы эшопъ сынъ былъ *палачемъ* своей фамиліи, ненавидѣвшей Фран-

цузовъ. Надлежало исполнить волю отца, желавшаго продалши въ сынѣ имя свое — и эшопъ злополучнѣйшій изъ злополучнѣйшихъ въ мѣръ сынъ казнишь братьевъ, сесперъ, отца и. . . видишь приближающуюся ко плахѣ мать! „Она кормила меня грудью!“ воскликнулъ онъ — и за воплемъ сыновняго сердца раздался въ толпахъ народа крикъ ужаса. Шумъ и хохотъ пировавшаго въ сіи минушы Французскаго Генерала съ офицерами замолкли, какъ при ударѣ грома. . . . долженспивовавшаго поразить безчеловѣчныхъ! . . . Между пѣмъ мать видя, что швердосшь сына испощилась, Испанка - мать тогда же нашла себѣ другую смершь.

Подробности эшой сцены раздирають душу до того, что клянeshъ и авшора, и Наполеона, и паланшы человѣческіе! . . .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Разлука.

Не плачь о мнѣ, мой другъ сердечный!
 Тебя осудяшь, — не поймушь;
 Слезамъ внимаешь лишь Предвѣчный;
 Коварствомъ люди ихъ зовушь;
 Они злорѣчьемъ шолько дышушь;
 Для нихъ позоръ — хвала другимъ;
 Какъ адъ огнемъ, такъ злобой пышушь
 И жаломъ губяшь все своимъ.
 Храни же тайну сердца строга;
 Ее повѣрь мнѣ одному:
 Съ прямой душой людей не много!
 Будь вяшна сердцу моему.
 Что значашъ здѣсь людей сужденья?
 Основа нивъ — корысть и ложь!

Преступникъ судить преступленья ;
 Въ другихъ себя казнить онъ сплошь.
 И кто однажды испышаешь
 Приспастіе мірскихъ судей ,
 Хвалу и брань тошъ не вмѣняешь
 Ни въ честь себѣ , ни въ стыдъ людей ?
 Идетъ своимъ пушемъ всечасно.
 Змѣя вокругъ него шипитъ ;
 Онъ швердь — она грозитъ напрасно :
 Съ нимъ совѣсти надежный щипъ.

Заране знаю : преступленьемъ
 Почшущъ любовь твою ко мнѣ ;
 Тебя съ припворнымъ сожалѣньемъ
 На жершву отдадушъ молвѣ !
 Но пусть весь міръ вооружися
 На насъ , о другъ души ! съ побой :
 Вражды ковь злобный сокрушится ,
 Предъ Небомъ будетъ суешой.
 Тамъ видно сердца ощущенье ;
 Тамъ внемлется любви объшь !
 Творца въ десницѣ вѣкъ — мгновенье ;
 Какъ прахъ , развѣетъ Онъ навѣшь !
 Но если люди лишь враждуя ,
 Дни наши злобой отправяшь ;
 На насъ за щастье негодуя ,
 Меня съ побою разлучашъ :
 Любовь , какъ духъ , не умираетъ ;
 За гробомъ снова оживешъ ;
 Въ награду Богъ ее вмѣняетъ ;
 Вънець неплѣнный ей даетъ.

К. А. Долгорукой.

17 Апрѣля 1839.

*Къ портрету новой Фрейлины ,
К. А. Д. А.*

Умомъ и красою кому же , какъ не ей
Блещать въ черпогахъ у Царей !

*К ъ * * **

„Какъ Зоншагъ , вы поете , знаю ;
Но развѣ будете всю жизнь свою лишь пѣть ?
И соловью не лъзя запаса не имѣть
На осень , на зиму ! . . .“ Когда я васъ встрѣчаю ,
Когда хочу охдать усердный вамъ поклонъ
И вижу , что пришворно вами
Нимало не замѣченъ онъ ;
То въ прозѣ чувствую , что здѣсь сказалъ стихами.
А. Б. Р.

Къ портрету Г * * во весь ростъ.*

Не лъзя портрету быть сходнѣе !
Смотрите : это онъ живой ;
И точно также кривъ ногами ! . . . Лишь душой
Онъ во сто разъ еще кривѣе.

Л о г о г р и ф ъ.

Когда бываю я наполнена водой , —
Ныряють , плещущся во мнѣ и гусь , и утки ;
Когда-жъ лишаюся изъ среднихъ буквъ одной ,
Въ то время шьютъ по мнѣ прекрасны дамски руки.
А. Шиланскій.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Отрывокъ письма къ Издателю.

Прослывъ оригиналомъ — дурнымъ или добрымъ, я того не знаю, знаю лишь то, что послѣдовашихъ мнѣ не много, и это, по моему, не доказываетъ ни того, ни другаго. Почему, спавъ среди двухъ приговоровъ, я часто слышалъ воздаваемая похвалы за *нѣчто*; а еще чаще ругательства и клеветы также — за *нѣчто*. Не обольщаясь излишне первыми, я не смущался много и послѣдними; и какъ искусный, опытный морякъ, возлелѣанный на непостоянной стихіи, всегда *несъ паруса* — по силѣ въпра. Но бывало и со мною, что я *притыкался къ мѣли!* Извѣстно, что плаваніе — во *мракѣ* и въ *бурю* — не безопасно; особенно плаваніе — по житейскому морю; въ немъ же гадовъ нѣсть числа. Нерѣдко перьяль я брам-спенги; часто шквалами рвались паруса; бывали и такіе случаи, что опъ долговременнаго плаванія, въ бурную погоду, ослабѣвалъ *стоячій такелажъ*, и я бывалъ въ опасности лишиться всего *ронгоута*; но корабль мой не разбился, а просто, за вѣхостію, въпянулся въ гавань, *ошвартовился* и съ покойнымъ духомъ ждесть — назначенія въ *разломку*. Теперь, если станушь судить о дурныхъ или добрыхъ качествахъ его; то это болѣе должно относить къ времени прошедшему; менѣе къ настоящему, а еще менѣе къ будущему.

Съ нѣкотораго времени я придерживаюсь пословицы, мною переиначенной изъ старой, прежде меня родившейся: *Не плюй въ лицо, придется его поцѣловать*. Она дѣлаешь меня снисходительнѣе къ ближнему, хотя и опзывается эгоизмомъ.

Д. Бунинъ.

10 Января, 1832.

С М Ъ С Ъ.

Благородный спектакль у Княгини Варвары Васильевны Голицыной, 23го Апрѣля.

Сказавъ: *благородный спектакль*, мы буквально различаемъ его опъ публичныхъ спектаклей и находимъ сіе различіе не въ словахъ, а въ вещахъ, особливо когда подумаешь о Рускихъ актерахъ, можно сказать, передражнивающихъ, а не представляющихъ лица изъ того общества, въ которомъ. . . никогда, кажешься, не бывають. Вопшь почему одинъ изъ зрительей сего спектакля, когда въ послѣдній разъ опустилась занавѣсъ, сказалъ съ живостію: „Жальешь, что кончился спектакль. . . а это сожалѣніе не всегда случается въ публичныхъ спектакляхъ!“ Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ зрители чувствовали то же; ибо во все продолженіе спектакля рукоплесканія не умолкали — и опнюдь не изъ *учтивости* — нѣтъ! ничего не могло быть веселѣе, пріятнѣе, занимательнѣе!

Спектакль начался извѣстнымъ Водевилемъ: *Суженаго конемъ не обѣдешь*; перев. Хитльницкаго

Дѣйствующими были: Князь В. Н. Друцкой — *Барономъ Дорсаномъ*; А. И. Фельцманъ — *Дорою*; П. П. Зайцова — *Г-жею Валькуръ*; П. И. Гессе — *Гусарскимъ офицеромъ*; Князь И. М. Хилковъ — *Гусаромъ*; Н. Л. Львовъ — *Г-мъ Гримардо*; Е. И. Колошина — *Г-жею Гримардо*; М. Н. Воейкова — *Розою*; А. И. Цемшь — *Поваромъ*; Князь А. И. Долгорукой — *Влюшникомъ*; С. Ф. Созоновичъ — *Вучеромъ*.

Дѣйствіе происходишь въ предмѣстіи Варшавы.

Всѣ играли очень, очень хорошо; но Гусарь, Г-нъ и Г-жа Гримардо отличались игрою, совершенно комическою, заставляющею зрителей хохоташь опъ всей души; а пѣніемъ отличались Лора и Роза, роза и по лѣшамъ, и по лицу, и по красотѣ костюма.

По окончаніи Водевиля, вдругъ явился на сценѣ Веспрись - ребенокъ, прелесный Тарновской, и съ одною изъ прехъ маленькихъ Грацій, Ладыженскихъ, пропанцоваль поширольски къ новому удовольствію зрителей.

Попомъ слѣдовала Опера - водевиль: *Двойникъ, или удача отъ неудачъ*, въ одномъ актѣ, сочиненная Княземъ А. И. Долгорукимъ.

Безъ всякой лести, можно и должно сказать, что нашъ Авпоръ не уступилъ въ талантѣ лучшимъ Французскимъ водевилистамъ — и нашель сюжетъ совершенно *Мольеровскій*. Два Двойника были пакъ забавны, что не оставяли никакого сомнѣнія въ *удачѣ* Сочинителя все привесшь къ желаемой развязкѣ, которая и возложила ему вѣнокъ на чело. — Подобно велико-

му комику, Авшоръ игралъ самъ и, какъ Мольеръ же, явилъ двоякій талантъ — авшора и актера.

Князь А. И. Долгорукой представлялъ *Графа Соколецкаго* (*); А. И. Фельцманъ *Графиню Луизу Стремборскую*; Е. И. Колошина *Графиню Амалію Стремборскую*; С. Ф. Соконовичъ *Маркиза Фьервиля*; А. В. *** *Слугу его, Карла*; Н. Л. Львовъ *Жида*.

Заманчивость и разнообразіе эпой Оперы - водевиля придавала еще болѣе искусства игравшимъ и въ первой піесѣ: таково дѣйствіе авшорскаго таланта на сценическіе!

Графиня Луиза и Маркизь Фьервиль восхищали пѣніемъ своимъ; а Графиня Амалія и слуга Карлъ — игрою, могшею служить образцомъ для актеровъ по ремеслу.

Что касается до куплетовъ, копорыхъ очень много; по всѣ они исполнены жишейскихъ испинъ, не обыкновеннаго оспроумія и ашпической соли, *горькой* и *сладкой* вмѣстѣ.

Вопь послѣдніе куплены:

Г р а ф ъ.

Съ шѣхъ поръ, какъ шаръ земной вершится
И данъ въ удѣлъ отъ неба намъ,
Хлопочеть всякой и прудится —
Спроси: о чемъ? — не знаешь самъ.
Иной избралъ уединенье;
Другой день цѣлый на пирахъ;
И что-жь увидимъ въ заключенье?
Что всякой просто въ дуракахъ.

(*) И одного изъ Двойниковъ.

К а р л ъ.

Послушаемъ людей сужденья :

У всѣхъ въ презрѣннѣ чины ;
 А сплошь иной изъ награжденья
 Не пощадить своей спины :
 Поклонь , поклонь велико дѣло !
 Онъ не полезень лишь въ судахъ.
 Кто съ деньгами , спупай шотъ смѣло ;
 Съ поклономъ будешь въ дуракахъ.

А м а л і я.

Ревнивый мужъ бѣда , мученье !
 Покойно дня не проведешь ;
 Что хочешь дѣлай , — полозренье
 Всегда невольно навлечешь .
 За то какъ въ мужнинъ нравъ ужь вникнешь ,
 Исчезнетъ скоро вовсе страхъ
 Какъ мужа проводишь навикнешь ,
 То онъ ужь будешь въ дуракахъ.

Л у и з а.

Пускай твердятъ : „Любовь превратна ;
 Непостоянны всѣ мужья !“
 А все быть замужемъ пріятно ,
 И все Маркишей буду я .
 Мущины всѣ безъ исключенья
 Лукавы страхъ какъ въ женихахъ ;
 За то въ мужьяхъ , намъ для веселья ,
 Они не рѣдко въ дуракахъ .

М а р к и з ъ (къ зрителямъ).

Нашъ Авторъ , право , не хлопочеть
 Большимъ талантомъ здѣсь прослыть ;
 Онъ тѣшить зрителей лишь хочеть
 И радъ , коль могъ имъ угодить .

Не мыслимъ мы , чтобъ насъ хвалили :
 Наскучить вамъ боялись страхъ ;
 Довольны тѣмъ , коль угодили —
 И мы не будемъ въ дуракахъ .

Жаркія рукоплесканія слѣдовали за каждымъ куплетомъ .

Занавѣсь опустилась ; но прежде , нежели зрители вышли изъ театра , она поднялась опять , и Авторъ Оперы - водевиля , явись на сценѣ , произнесъ слѣдующій *экспромтъ* :

Актеры правду намъ сказали :
 Талантомъ скуднымъ не горжусь ;
 Но вашу мы хвалу снискали :
 Гордимся ею — признаюсь .
 За то готовъ вамъ въ угожденье
 Я съ утра до ночи играть ,
 И робкое ума пворенье
 На судъ вашъ смѣло отдавать .

„Браво ! браво !“ раздалось подь новымъ громкимъ рукоплесканіемъ .

Увертюра сей Оперы - водевиля сочинена В. Н. Радивиловымъ , извѣстнымъ виртуозомъ на балалайкѣ . Въ антрактѣ онъ игралъ на скрипкѣ соло своего же сочиненія .

Музыка въ обѣихъ піесахъ чрезвычайно хороша , а это не мало располагаетъ чувства къ принятію живыхъ впечатлѣній .

Парижскія моды.

Платье изъ Индiйской кисеи, отдѣланное спереди букетами, идущими диагонально отъ рубца до пояса, и чѣмъ ближе къ шали, шѣмъ ихъ дѣлають мѣльче. Сія букеты вышиты шерстью палеваго цвѣта; верхняя часть рубца отдѣляется узкою гирляндой въ такомъ же родѣ; рукава короткіе; эшарпъ палевый газовый — все это составляетъ прелестный шуалетъ.

— Модные зонтики дѣлаются изъ черной или темной обьяри.

— Многія шляпки убираются букетомъ, раздѣленнымъ на двѣ части: одна къ шულѣ, а другая наклоняется очень близко къ полямъ; посреди букета аграфъ, или газовый бантъ.

— Шляпки носятъ совсѣмъ на маковкѣ, такъ что видно, гдѣ раздѣлены волосы. Блондовыя завязки (mentonnière) все еще въ модѣ.

— Шляпки изъ пальдери (paille de riz) дѣлаются часто капотами; онѣ коротки и схвачены къ ушамъ. Тулья подбивается крепомъ, часто вишневаго цвѣта.

Изъясненіе картинки при семь No.

Дамскій костюмъ. Шляпка креповая или обьяринная. Реденгошъ изъ матерьи, называемой *шантильи*. Щиблеты обьяринныя, вышитыя шелкомъ.

Мужской костюмъ. Лоншанскія моды. Весеннее неглиже.

Шарада, напечатанная въ предыдущемъ No, значить: *Наполеонъ*.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ чтобы, по оппечашаніи, были представлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Мая 8го дня, 1832 г.
Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

1832.

Парижскія Моды

№ 20.

Данскій Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

Безумная.

Въ 11 часовъ свѣшлой мѣшней ночи прїѣхаль я въ городъ N. . . , гдѣ желаль пробышь до ушра, чшобы осмошрѣшь монастырь, славный своею древностію и богатію ризницею.

Все было вокругъ меня тихо; мирные граждане уже покоились сномъ; въ окнахъ домовъ кой-гдѣ мелькаль шускльй свѣшь лампадъ, горящихъ передъ Свяшыми иконами. Луна ярко серебрила небосклонъ и какъ будшо манила меня насладиться ночьюю прохладію знойнаго дня. Оставя экипажъ свой въ госпінницѣ, я пошелъ по главной улицѣ, ведущей къ монастырю; приближаясь къ ворошамъ обшшели, вдругъ слышу тихій прїятный женскій голосъ, и пѣсню:

Другъ милый мой ! другъ нѣжный мой !
 Ты измѣнилъ . . . неблагодарный !
 Онъ здѣсь , портретъ ; онъ схожъ со мной ;
 Портретъ соперницы коварной.

*

Взгляни хоть разъ , — его пошу
 Я на груди , и все молюся ;
 И всякой день сто разъ спрошу :
 Когда съ побой соединюся !

*

Скажи , гдѣ ты ? мой другъ , гдѣ ты ?
 Откликнись , ангелъ легкокрылый !
 Гдѣ вы , мечты ? . . . прошли мечты . . .
 За чѣмъ ты съ ней ? скажи , мой милый !

*

Я схожа съ ней , съ красой швоей ;
 Ко мнѣ скорѣ возвратися !
 Забудь , мой другъ ! забудь объ ней ;
 Со мной скорѣ съединися !

*

Возму тебя , прижму тебя
 Къ груди своей — она забьется . . .
 Умру , умру , по гробъ любя !
 Съ побою сладко мнѣ умреться .

Вопъ чшо пѣла сидящая на каменномъ порогѣ монастырскихъ воротъ прекрасная незнакомка — блѣдная, изнеможенная, но все-таки прекрасная ! Она была въ черномъ плащѣ съ бѣлымъ поясомъ ; распущенные волосы въ беспорядкѣ лежали по плечамъ . „За чѣмъ вы здѣсь и въ такую пору?“ спросилъ я съ живѣйшимъ участіемъ , когда она кончивши свою унылую пѣснь , остановила на мнѣ мрачный блуждающій взоръ свой . Развѣ вы не видите , чшо эшо я ? — отвѣчала

она — я здѣсь его дожидаясь; но, кажешся, что онъ сегодня не придетъ; онъ придетъ завтра. — Каждое слово ея болѣе и болѣе возбуждало мое удивленіе. »Вы здѣсь одни. Васъ ктонибудь можетъ обезпокоить; гдѣ вы живете? Если хошите, то я васъ провожу домой.« Я одна? Нѣтъ! — отвѣчала она — кто ждетъ друга, пощѣ не одинъ; кто меня здѣсь увидитъ? Ага! вы эшаго не понимаете: онъ одинъ кто-нибудь; всѣ другіе никто. Домой мнѣ рано; можешъ быть, онъ еще и придетъ; шакъ не хорошо, если не заспанешъ меня здѣсь. Я бы и сама пошла къ нему, но шеперь мнѣ эшаго еще не лзя сдѣлать. Посмотрите на эшошъ поршрешъ — прибавила она снявши съ груди висящій на черной лентѣ медальйонъ — вы думаете, что эшо его поршрешъ? ошибаетешъ; эшо поршрешъ моей соперницы, шой самой, которая опняла у меня его сердце. Жестокая! за чѣмъ вы эшо сдѣлала? Его сердцу было у меня шакъ хорошо; мы оба были шакъ щаспливы! — рыданія прервали ея голосъ.

Съ грустію въ душѣ, безмолвно смолрѣлъ я на нещасную. Успокоившись нѣсколько, она продолжала: »Подумайте, ошъ чего зависитъ наше щасшіе! Ошъ красоны лица, даже менѣ чѣмъ ошъ красоны — ошъ разности въ чертахъ лица; шеперь я всячески стараюсь сдѣлатьшя похожею на эшошъ поршрешъ; каждое утро смолрюсь въ зеркало, и смолрю на поршрешъ; подражаю улыбкаъ, взгляду моей соперницы, и, слава Богу! уже начинаю походитъ на нее. . . . да, скоро насъ не лзя будетъ и распознать!« Здѣсь лице прекрасной незнакомки оживилось внутреннимъ радостнымъ чувствомъ! »Какъ я буду шогда щасплива!« съ восторгомъ воскликнула она!

«Иногда мнѣ можно будетъ не дожидаясь его, идти къ нему; онъ обманется, подумаетъ, что она спанетъ ласкавъ меня, прижметъ къ своему сердцу. . . . а соперница моя? . . . она яростно заскрежещетъ зубами. . . . пусть узнаетъ эта завистливая, каково отнимать сердце — пусть она перзаётся, какъ я перзаюсь. . . . а я? я спану радоваться. . . .» Глаза ея засверкали; она захохотала дикимъ хохомъ. . . . Я ужаснулся; въ эту мину на башнѣ пробило полночь. Лице незнакомки снова подернулось мрачнымъ покровомъ глубокой печали. Вставши и озираясь, несчастная сказала со вздохомъ: «Срокъ минулъ; онъ сегодня не придетъ; онъ придетъ завтра.» Съ этимъ словомъ быспрѣ молніи скрылась опъ глазъ моихъ.

Долго оставался я неподвиженъ, и какъ мечту припоминалъ себѣ явленіе незнакомки; наконецъ возвратился въ гостиницу, но сонъ не могъ сомкнуть глазъ моихъ; видъ красоты, по дикой, по унылой, предсавлялся мнѣ безпрестанно. Поупру пошелъ я въ монастырь; помолясь усердно, и осмоля все заслуживающее вниманія, я просилъ позволенія представиться достойной Начальницѣ монастыря, и бесѣдуя съ нею, разсказалъ о ночной встрѣчѣ своей. Вопъ что на это отвѣчала мнѣ почтенная Игуменья: «Евгенія, дочь богатаго живописца, цвѣшущая молодостію и красотою, любила небогатаго, но честнаго молодого человѣка; онъ любилъ Евгенію спростно; они часто видались въ домѣ опца ея, куда молодой человѣкъ приходилъ подъ разными предлогами. Согласіе сердце ихъ узвано сребролюбивымъ опцемъ; онъ разрушилъ всѣ ихъ сладостныя надежды, запротивъ гостю ходилъ къ себѣ.

Проходили дни, мѣсяцы, прошелъ годъ — но любовь не проходила. Любовники видались рѣдко, и по мимоходомъ, въ церкви; смотрѣли другъ на друга, любовались другъ другомъ, и забывая о небесномъ благѣ, думали о земномъ щастіи. . . . Но прочнаго щастія нѣтъ на землѣ! . . . Въ Троицынъ день молодой человекъ, при выходѣ изъ церкви, успѣлъ опудать записку Евгеніи; вопъ что писалъ онъ: „Отецъ швой никогда не согласится на бракъ нашъ; опъ тебя зависить наше щастіе; завпра въ полночь будь у ворошь монашырскихъ — и я шамъ буду; все гошово. . . . Священникъ ближняго села благословить насъ; швой отецъ не злой человекъ; не вѣчно спанешъ меня ненавидѣшь; онъ простишь насъ; завпра въ церкви дай опвѣшь: если ты согласна, по надѣнь бѣлый поясъ; если нѣтъ, по въ послѣдній разъ увидишь меня.“ Евгенія надѣла бѣлый поясъ. — и въ назначенный часъ явилась у ворошь монашырскихъ; но молодого человека не было. . . . Вдругъ слышишь она конскій попопъ, думаешъ, что это онъ; бѣжитъ на вспрѣчу — и что же? . . . не онъ, а пріятель его, вѣспникъ злополучія, шопъ, копорый принялъ послѣдній вздохъ умирающаго друга ея. . . . Эшопъ пріятель былъ у него при внезапной его смерти; пособія врача остались щещеными; несчастной молодой человекъ вѣтрилъ всю шайну любви и намѣреній своихъ доброму пріятелю, копорый шопчасъ вспомнилъ объ ней, и поскакалъ къ монашырю; забывъ о нужныхъ предоспорожностяхъ, онъ объявилъ ужасную истину бѣгущей на вспрѣчу Евгеніи; она упала безъ чувствъ; была опнесена въ домъ опца, но съ возвращеніемъ жизни потеряла

разсудокъ ; никакія врачеванія не помогли ; пунктъ сумасшесствія , какъ и сами вы могли замѣшшь , ешь пошь , чшо любезный измѣнилъ ей , промѣнялъ ее на другую . Евгенія еше и прежде носила всегда порпрещъ своей покойной матери , копорой по нещасію лишилась въ самомъ юномъ возрастѣ ; шеперь она воображаетъ , чшо эшо порпрещъ ея мнимой соперницы ; всячески спараетъ походишь на нее , думая чшо эшимъ сходствомъ опяшь привлечешъ къ себѣ своего возлюбленнаго . Сначала ее не пускали изъ дому ; но медики сказали , чшо пособишь уже нечѣмъ ; принужденіемъ же можно довести до изсшупленія . Теперь ей дана совершенная свобода , копорой она пользуется шолько по вечерамъ , приходя къ ворошамъ обители нашей ; домъ опца ея очень близокъ опъ монастыря ; къ ней была приспавлена надзирашельница ; но какъ Евгенія всегда очень шиха , и сучаетъ поварищесствомъ , шо за ней переспали спрого смопрѣшь и цо большой часши оставляютъ одну .“

Такимъ образомъ почтенная Игуменья разгадала мнѣ пайну разишельной вшпрѣчи . „Творецъ милосердѣ !“ прибавила Настояшельница ; „Онѣ просишь вину двухъ непорочныхъ любовниковъ , и въ вѣчноспи соединишь ихъ . . . Господи ! ниспошли спрадалицѣ Евгеніи скорую смерть ! . . .“ Ниспошли ей скорую смерть , Господи ! — сказалъ и я .

Н. К.

Объ увеселеніяхъ Саратова.

Въ столицахъ и нѣкоторыхъ провинціяхъ Саратовъ называютъ *глушью*, *степью*. Кто знаетъ Саратовъ, тотъ находишь его не такимъ. Въ этой *глуши*, въ этой *степи* такъ же весело, какъ и во всякомъ Губернскомъ городѣ. Правда, прежде здѣсь вспоминали о какихъ-то минувшихъ весельяхъ, какъ о золотомъ вѣкѣ. Но вотъ уже годъ, какъ онъ воскресъ для общественныхъ удовольствій, невинныхъ и припныхъ. Новые первоспешенные люди, имѣющіе большой вѣсъ и силу, при хорошемъ состояніи, а всего болѣе при благоразумной общезишельности, спали душою общества и увлекли невольно за собою высшія сословія цѣлаго города. Рѣдкой день проходилъ зимою, въ которой бы не было вечера, или бала, или большаго у кого-нибудь обѣда.

Публичныя увеселенія Саратова: Театръ и Благородное Собраніе, также расположены прекрасно. Правда, что Саратовскій Театръ, на которомъ играетъ труппа пилигримствующихъ актеровъ, не то, что С.-Петербургскій и Московскій; но и на немъ представляются трагедіи, комедіи, оперы, драмы и проч. и часто не жалѣешь о томъ, что былъ въ Театрѣ. Въ краю, еще *юномъ* по образованію и даже по гражданственности, и это много значить и дорого цѣнится. Благородное Собраніе бываетъ два раза въ недѣлю: одно мужское, другое общее для мужскаго и женскаго пола. Въ первомъ съѣхавшіеся мушны чипаютъ га-

зеши, играютъ въ карлы и угощаютъ другъ друга. Во впоромъ молодые панцуютъ, а пожилые играютъ въ карпы же, какъ обыкновенно водится во всѣхъ столицахъ и провинціяхъ.

Въ продолженіе нынѣшней зимы въ Сарашовѣ было два маскарада: одинъ въ Святки, другой на Масляницу. Сіи два собранія лучшаго обществва, особливо первое, по справедливости могутъ назваться поржешественными увеселеніями нашего города. Спеченіе было необыкновенное, такъ что досель въ Сарашовѣ, какъ говорятъ спарожилы, еще никогда не бывало подобныхъ собраній. Въ 9 часу яркими огнями освѣщался прекрасный домъ Благороднаго Собранія. Музыка гремитъ. Зала и гостиная полны. Начинаюцца панцы и — обыкновенно — Польскимъ; пушъ и почпенные спарцы вспоминаютъ былое — свою игривую и рѣзвую молодость. Попомъ панцы дробяцца на круги.

По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ ;
 Мелькаютъ профили головъ
 И дамъ, и модныхъ чудаковъ,

 Лешаютъ ножки милыхъ дамъ ;
 По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
 Лешаютъ пламенные взоры.

Хотя не было пушъ Ришарда и Гюлленъ, кошорые, какъ говоритца, достигли Геркулесовыхъ сполповъ съ семь искусствъ ; хотя не было Испоминой, кошорая

Блеспательна, полувоздушна,
 Смычку волшебному послушна,

 Одной ногой касаясь пола,
 Другую медленно кружитъ, —

И вдругъ прыжокъ, — и вдругъ летишь,
 Летишь, какъ пухъ отъ устъ Эола;
 То спань совьешь, то разовьешь,
 И быстрой ножкой ножку бьешь.

Но наши Граціи въ панцахъ отличались чрезвычайною легкостію, искусствомъ и пріятностію пьлдвиженій, прелестію лицъ, силою въ пируэсахъ и рѣшительно вѣрнымъ à plomb. Было что посмотришь! было чѣмъ любоваться! Тупъ были — и ножки, обушыя Зефирами, и бѣлизна, подобная одушевленному мрамору и говорящая нѣчто величественное, и румянецъ, едва не вспыхнувшій, и ангельская улыбка, и прогашельная помность, и черныя рѣсницы, подобныя, какъ сказалъ одинъ поэтъ, облаку, перевивающему загарающеся пространство востока, словомъ: было все, и все было очаровашельно. Маски разнообразныя и разнохарактерныя до чрезвычайности: Тирольцы и Тирольки, Перуанки, Негришянки, Малороссіянки, Крестьянки, Пастушки, Кормилицы, Турки, Персіяне, Испанцы, Арабы, Жиды, Казаки, Подъячіе, Мапросы, Пасторы, Сбишеньщики, Кучеры, Жокеи, Паяцы, медвѣдь, буфетъ, ходули и проч., и проч. Особенно былъ прекрасенъ Рыцарь, муцина росту почти 3 аршинъ; высокому росту соотвѣшествовалъ стройный спань, величественная поступь и осанка, и отличной опдѣлки доспѣхи. Публика любовалась и была очарована явленіемъ, нигдѣ уже въ нашуръ нынѣ невидимымъ.

На Свяшой Недѣлѣ были среди города качели и балаганы. Народъ кипѣлъ около нихъ; а кругомъ всего эшаго народнаго празднества люди

высшихъ сословіи гуляли въ экипажахъ. Въ послѣдній день гулянье было перенесено на Соколовую гору, нависшею надъ Саратовымъ, съ которой предспавляющся прекраснѣйшіе виды: величественная Волга на большомъ пространствѣ, красивый городъ весь какъ на ладони, За-волжская степь, подобно безпредѣльному Океану.

Такимъ - по образомъ въ увеселеніяхъ мы не опспали опъ Сподиць, хотя и не въ шакомъ блескѣ, роскоши и пышности. Саратовъ — въ степи, но въ немъ можно найти удовольствія, ознаменованныя печашію образованнаго вкуса.

А. Л.

1832.

Саратовъ.

А л ь б о м ъ.

Въ *Petit Courrier des Dames* напечащано важное новое законоположеніе державной Царической царицы, Моды. Воощ оно :

„Фашіонабль долженъ весьма опсперегаться, чтобы не снять шляпы при поклонѣ; даже вошедши въ клубъ, гдѣ Дюки, Посланники, Лорды и проч., всѣ щегольски одѣшые, сидятъ за карточнымъ столомъ, надобно имѣть шляпу на головѣ, близко подойши къ сполу, за которымъ играютъ, слегка кивнушь головою одному или двумъ знакомцамъ; потомъ небрежно взяшь журналъ и развалишь на софѣ. Спустия нѣкоторое время, положишь нерадиво шляпу подлѣ себя; но опшиюдь не должно сниматьъ ее, когда просидишь не долго.“

Долго ли - шо спануть дурачишься умные люди !

Здѣсь кспапи разказаць національнѣй анекдотъ. На Спраспной недѣль одинъ помѣщикъ - провинціалъ , вышедши изъ моднаго магазина , копорыми унизанъ Кузнецкой мостъ , сказаль кучеру своему : „Вошь чорпова слобода! Сюда - шо мы привозимъ все шо , что ни выручимъ за пяхкіе хозяйспвенные шруды свои , опъ копорыхъ богашѣюшь здѣшніе хозяева !“

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Чувствованія при горестной вѣсти о кончинѣ Генераль - Фельдмаршала Графа Дибича - Забалканскаго.

Герой могучій Росскихъ силъ ,
Надежда доблестная спроевь ,
Къ побѣдамъ вѣрнымъ ихъ водиль
Среди кровопролитныхъ боевь.

*

Опъ юныхъ лѣшь бывъ оживлёнь
Лобовью къ славь неизмѣнной ,
Въ войнѣ опечешвенной (*) онъ
Сподвижникъ былъ героямъ вѣрной.

*

Давно-ль побѣдоносный Россъ
Привель съ нимъ въ шрепешъ Византию ?
Давно ли лавры онъ принёсъ
Изъ за - Балканскихъ горъ въ Россію ?

*

(*) Т. е. 1812 года.

И нынѣ скопища Сармашъ
 Бѣгутъ черезъ лѣса и воды. . . .
 Смирись! . . . грома вась разяшь ,
 Невольники своей свободы!

*

Но нѣтъ его. . . . и громъ зашихъ ,
 И слава о вождѣ рыдаешъ. . . .
 Слезящей Музы внемлю сшихъ ! . . .
 Подъ крепомъ лира замираешъ.

*

Уняли рашныя сердца ,
 Замолкли радостныя клики.
 Нѣтъ нашего вождя - опца !
 Осиротилъ дѣшей великій !

*

О всемогущество Небесъ !
 Противъ желанья правдѣ вѣрю ;
 Неспанешъ словъ , ни самыхъ слезъ
 Оплакашь вѣчную пошерю !

*

Но какъ упраша ни пляжка ,
 Россійскій воинъ преданъ славѣ ;
 Нещасшья сильная рука
 Поколебашъ его не въ правдѣ.

*

Онъ переможешъ скорбь свою ,
 Оплакавъ ранню смершь Героя :
 Россъ - воинъ воиномъ въ спроу
 Готовъ всегда съ врагомъ для боя ,

*

Такъ не остыла въ Россахъ кровь ,
 И мужество для поражений ;
 Все та же къ родинѣ любовь
 Россійскихъ храбрыхъ ополчений.

*

Но, ахъ! болѣзненная вѣсть!
 Вождя утрапа невозвратна:
 Нѣтъ Дибича! . . . Паскевичъ есть!
 Ура! греми, отважность ратна!

Низовскаго полку Порутикъ А. Соловьевъ.

5 Юня 1831.

Деревня Глуховъ Царства Польскаго.

П Р И Г Л А Ш Е Н І Е.

Князю Е. А. Дадьяну.

Любовь ты къ ближнему питаешь;
 Любовью ты меня дарилъ,
 Друзей радушно угощаешь,
 И гостемъ у меня ты былъ.
 Сегодня подари собою:
 Мы цѣлой празднуемъ семьею
 Напоминаніе добра.
 Не будешь груды серебра!
 Но тамъ, гдѣ сердце угощаетъ,
 Тамъ чувство все, все освѣтляетъ.

Метатель.

Э П И Т А Ф І Я

Шкляревскому ().*

Сольешь, сольешь свою слезу съ швоей слезою
 Другъ дарованія, другъ чувства и ума!
 И надъ обителью Поэта гробовою
 Поплачешь, и не разъ, Поэзія сама!

(*) См. въ его Стихошвореніяхъ: *Къ товарищамъ.*

С М Ъ С Ъ.

Первое Мая.

Тогда какъ Парижане въ горестныхъ обшпельствахъ, причиняемыхъ ужаснымъ бичемъ рода человѣческаго, холерою, совсѣмъ забыли о *Лоншанскомъ* гуляньи своемъ и о *тройномъ рядѣ каретъ*, пянувшемся бывало вдоль бульваровъ отъ фаншана Элефанъ до Мальйотскихъ воротъ, наше Лоншанское гулянье шребуешь на эшошь разъ не пера для описанія своего, а кисти, имѣвшей прекрасный случай блеснуть рѣдкою карпиною, скопировавши шу, копорая на Сокольницкомъ полѣ предспаялялась взорамъ *перваго Мая.*

Давно эшошь день, всегда пламенно желаемый и съ неперпѣнiемъ ожидаемый, не былъ столь *цвѣтущимъ*, и не радовалъ болѣе: онъ возсіалъ (и по не прежде, какъ съ полудня) *первымъ лѣтнимъ днѣмъ* послѣ продолжительнаго ненастья, не допускаяшаго повеселиться и на Свяшой Недѣль, и причинившаго содержашелямъ *живописныхъ народныхъ театровъ* убышокъ, который могъ быть весьма значительнымъ безъ снисхожденія, оказаннаго со стороны Начальства дозволенiемъ продлить Подновинскія увеселенія.

Обширное Сокольницкое поле пестрѣлось покрывшимъ его народомъ; экипажи въ нѣскольکو рядовъ, большею частію открытые, соспавляли для глазъ прелестный разноцвѣтный узоръ, рисовавшійся на юной зелени, а протягиваясь подлѣ роцей, окружающихъ равнину

за заспавой, представлялись очаровательною опушкою напуральных клумбъ. Тамъ гремѣла музыка; здѣсь слышались пѣсенники; тамъ бѣлѣлись палатки, здѣсь зазывался народъ въ комедіи, или толпился около карусели. Многія дамы выходили изъ экипажей на мягкую мураву, споль привдекапельную по новостии; многіе мушцины высшаго класса находились въ числѣ пѣшиходныхъ зрительей; иные развѣзжали верхомъ. — На всѣхъ лицахъ изображалось удовольствіе, ни съ чѣмъ несравненное дышашъ въ *первый разъ* наилучшимъ Майскимъ воздухомъ подѣ опкрытымъ лазурнымъ небомъ, споль для насъ не щедрымъ на хорошіе лѣтніе дни!

ИЗВѢСТІЯ.

Нещастное семейство.

Дѣвица Баронесса Фонъ Салисъ бо лѣтъ съ 90 - лѣшнею маперью, копорая опъ болѣзни, старосши и печалей давно уже не вспаешъ съ постели, въ крайней бѣдности своей не только не имѣюшъ чѣмъ плашшъ за нанимаемую ими хижину, но даже лишены и дневнаго пропитанія. Отецъ дѣвицы Фонъ Салисъ служилъ въ Македонскомъ гусарскомъ полку Поручикомъ. Благотворители челоувѣчеспва найдутъ сіе нещастное семейство въ Первой Мѣщанской въ домѣ Кошелева. — Будучи добрыми Хрисціанками, машь и дочь всегда вели себя наичеспнѣйшимъ образомъ.

Князь Дмитрій Ухтомскій.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Въ Лоншаскихъ модахъ мы видѣли прекрасныя тюлевыя шляпки, вышитыя разноцвѣтными шерстями. Сіе шитье состоить обыкновенно изъ вѣтвей, идущихъ отъ шульби къ полямъ, или изъ букетцовъ, составляющихъ гирланду. Бѣлая тюлевая шляпка, на кошорой шитье представляетъ сирень, и убранная съ боку сиреневою вѣткою, есть одна изъ лучшихъ изобрѣтений въ Лоншанскихъ модахъ.

— Недавно появившаяся матерья, называемая *шантими*, въ большой модѣ. На розовомъ, голубомъ, желтомъ и проч. какъ бы накинута черная сѣтка, по кошорой разбросаны черныя же букеты — вошь сія новая матерья, довольно страннаго вкуса, но чрезвычайно красивая!

— Недавно мы любовались однимъ гроденаплевымъ плашьемъ, вышитымъ разными шелками; по черному букету яркихъ цвѣтовъ чрезвычайно красивы.

И з љ а с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ѣ N o .

Лоншанскія моды.

Шляпка гроденаплевая. Полууваль блондовый. Плашье кисейное (*Amalthée*). Дѣтскія канзу и паншалоны также кисейныя; юбочка *en batiste de lame*.

Логогрифъ, напечатанный въ предыдущемъ No, значить: *канава*.

П О П Р А В К И .

Въ предыдущемъ No, стран. 98, стр. 3 снизу, должно: годъ, вм. часъ. На стран. 105, въ надписи: Къ портрету Г***, пропущены буквы: В. М.

П е ч а т а т ь д о з в о л я е т с я ,
съ шѣмъ чшобы, по оппечашани, были предшавлены въ Ценсур-
ный Комишешъ три экзешпляра. Москва. Мая 14 го дня, 1852 г.
Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Советникъ
и Капитанъ Иванъ Дюгубскій.

1832.

Парижская Мода.

№ 21.

Дамский Журнал.

ТАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П Р О З А.

*Подробное извѣстіе о празднествѣ,
происходившемъ въ Малолѣтнемъ
Отдѣленіи Московскаго Кадетскаго
Корпуса 21го Апрѣля.*

Есть у сердца порывъ, шоропящій его высказывашъ то, чѣмъ досадило ему сладоспную опраду; есть у него и память, запечашлѣвающая въ немъ всѣ подробности о шомъ, чѣмъ оно восхищалось и чѣмъ пльнялись глаза; эшо *воспоминаніе* названо *благодарностію сердца*; а эша благодарностъ сама собою приурочиваетъ къ шѣмъ случаямъ, когда видимъ собраніе опроковъ, гоповящихся бышь людьми, бышь дѣйствовашелями на обширномъ поприщѣ свѣша. „Въ сѣмени дуба“ — сказаль одинъ писатель — „за-

ключается весь исполинскій дубъ ;“ по же можно сказать и объ опрокѣ. Въ иномъ заключается герой , въ другомъ — человекъ Государственнѣйшій ; въ прешьемъ — другъ человечества. Поэтому и надѣюсь , что чивавшіе первое извѣстіе о вышеупомянутомъ празднествѣ не подосадуешь , если въ подробнѣйшемъ о томъ извѣстїи встрѣшатъ нѣкоторыя повторенія. А впрочемъ будемъ пересказывать , будемъ повторять о дѣлахъ добра : это лучшая пища , это настоящая жизнь души. И такъ повторяю слова *перваго* извѣстїя :

Есть событія , по случаю которыхъ сердце влечетъ и шоропшитъ высказать то , что оно чувствовало , и то , что глаза видѣли. Къ такимъ событіямъ принадлежитъ праздникъ , происходившій въ Малолѣтнемъ Опдѣленіи Московскаго Кадетскаго Корпуса 21 Апрѣля , въ день радостнаго Тезоименишства ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ , Августѣйшей Матери сего заведенія , и при помышленіи о Которой уста и сердца кадетъ говорятъ :

Намъ сладко каждый день , мигъ каждый повторять :

Изъ всѣхъ ТЫ матерей нѣжнѣйшая намъ Мать !

Въ день сего торжества и сама природа оживотворилась. Послѣ шуманныхъ , ненастныхъ дней блеснуло во всей красотѣ весеннее солнце , какъ будто бы вызванное изъ пучь усердіемъ благодарныхъ малюшкѣ.

Перенесешь мыслію въ снѣны бывшаго Слободскаго дворца ; перенесешь мыслію туда , гдѣ 1812 года Юля 15 было совѣщаніе о жребїи Россїи и Москвы : тамъ происходило празднество малолѣтнихъ кадетъ — то есть будущей

надежды Ошечества. Началась выключка *достойныхъ*. Быспро вынулъ я карандашъ изъ записной книжки своей и вписалъ въ нее слѣдующія *четыре достоинства*, увѣнчанныя наградами: 1е Иванъ Венедикшовъ, Григорій Краснокушскій. 2е Федоръ Денисовъ, Михаилъ Максимовъ 2й, Федоръ Львовъ. 3е Алексѣй Прошашинскій, Федоръ Брендель 1й, Князь Юсифъ Мещерскій 2й, Павелъ Запольскій. 4е Андрей Марковъ, Пешръ Волковъ, Николай Мордвиновъ, Дмисрій Филипповъ, Михаилъ Джемарзизевъ 1й, Михаилъ Самариновъ 1й, Пешръ Лашкевичъ 1й, Конспаншинъ Лашкевичъ 2й, Александръ Брендель 2й, Иванъ Борисовъ 2й. При каждой выключкѣ гремѣла музыка и взоры всѣхъ обращались на питомца, подходившаго къ полученію награды. Вспарину у насъ говорили, что *въ одинъ день двухъ радостей не бываетъ*. Но въ день Кадетскаго празднества были и двѣ главныя радости, и множество радостей, посѣдившихъ сердце каждаго зрителя, не говорю *посторонняго*: ибо на празднествѣ воспишанія сродняющся всѣ души, всѣ сердца. Вотъ нѣкоторыя изъ сихъ рѣчей, сочиненныя спарымъ Кадетомъ нынѣшняго Перваго Кадетскаго Корпуса.

Ваше Превосходительство!

Сей день дославляетъ сердцамъ нашимъ двѣ радости: мы можемъ изъявить благодарность свою Августѣйшимъ Покровителямъ нашимъ и въ то же время получаемъ первыя награды, одушевляющія благодарнымъ соревнованіемъ на поприщѣ ученія и благонравія.

Слабы еще наши выраженія; но мы чувствуемъ, что мы въ семь свѣпилицъ воспиша-

нѣя нашли новыхъ опщевъ и маперей; здѣсь подкрѣпляетъ насъ Державная Десница ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; здѣсь озаряетъ насъ милосердіемъ СВОИМЪ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА; здѣсь ошаспливлены мы вниманіемъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА.

Снова опроческими уснами повторяю, что нѣтъ у насъ словъ къ изъясненію благодарности; но передъ нашими глазами есть примѣры, есть добродѣтели, украшающія наше Начальство и показывающія намъ ежедневно путь къ нашему щастію; а щастіе наше состоитъ въ томъ, чтобы научись служить Престолу и Опечесству.

Предъ лицомъ Вашего Превосходительства въ восторгъ душъ нашихъ вѣщаемъ: „Да цвѣтеть Домъ Царскій судьбою благодатною! да цвѣтеть онъ несчетныя годы къ общему благоденствію Россіи!

Алексѣй Проташинскій.

Ваше Превосходительство!

Одушевляясь чувствомъ благодарности всѣхъ моихъ со товарищей, и я повторяю, что по разлукѣ съ опщами и маперями нашими, здѣсь нашли мы новыхъ опщевъ и маперей.

Недавно милосердый ГОСУДАРЬ ошаспливилъ насъ Вашимъ добродѣтельнымъ начальствомъ; но мы всѣ опдали Вамъ благодарныя сердца наши. Примѣръ Вашего Превосходительства, примѣры попечительной нашей Наставницы и Надзирашельницъ нашихъ доставляютъ намъ новое нравшвенное бытіе.

Неопытенъ нашъ умъ, но по движенію сердца и души вѣщаемъ: „Мы всѣмъ обязаны Августѣйшимъ Покровителямъ своимъ; жизнь наша Имъ принадлежишь. На зарѣ опроческихъ дней нашихъ обрекаемъ ее на служеніе Опечеспву и Пресполу. Вошъ желаніе и вошъ щасіе наше!“

Иванъ Венедиктовъ.

E x c e l l e n s e !

Ici sous les auspices paternels de nos Augustes Souverains, EMPEREUR et IMPERATRICE, et de Son Altesse le Grand Duc MICHEL; ici nous recevons une nouvelle existence; et c'est à juste titre que nous pouvons dire: „Nos parents nous ont donné la vie, et Leurs bontés inépuisables nous donnent les moyens de servir un jour utilement le Trône et la Patrie!“

Quelle reconnaissance pouvons nous Leur témoigner? Ils n'en ont pas besoin; Ils ne veulent que notre bonheur; Ils ne font le bien que pour le bien.

Et vous qui, par votre tendre sollicitude affermissiez nos pas chancellans dans la carrière de notre existence morale, vous accomplirez nos vœux, en nous disant: „Nous sommes contents de vous, puisque vous tachez de vous rendre dignes des bienfaits de vos Augustes Protecteurs.

Krasnokoutsky I.

Сверхъ того произнесена Нѣмецкая рѣчь малюшкою *Львовымъ* съ такимъ искусствомъ, что каждое слово отзывалось чистымъ выговоромъ высокаго языка Германскаго. Учите Рускаго: онъ ко всему способенъ. Прекрасно также произнесъ свою Французскую рѣчь *Дмипрій Филлиповъ*. „Первая слава, первое желаніе съ-

новъ Россіи“ сказалъ онъ въ заключеніи рѣчи своей „соспояшъ въ помъ, чѣобы посвящашъ всю жизнь свою Престолу и Отечеству.“

Изъ сихъ рѣчей видимъ, что двумя главными предметами поржества были изъявленіе благодарности Августѣйшимъ Покровителямъ и полученіе въ первый разъ награды, возбуждающихъ благородное соревнованіе на поприщѣ ученія и благодравія.

Мы видѣли, съ какимъ опеческимъ радушіемъ Генераль самъ вручалъ каждому питомцу награду; видѣли, съ какимъ наслажденіемъ сердечнымъ дарилъ онъ поцѣлуемъ каждаго *отрока-оратора* за рѣчи, произнесенныя дѣшскими устами съ живѣйшимъ выраженіемъ души. Умиленіе блисало во всѣхъ черпахъ лица Главной Надзирапельницы сего заведенія, Ея Превосходительства Елисаветы Ивановны Корфъ. Давно сказано, что любовь небесная сотворила чувство нѣжной машери. Эшо чувство пишаешъ она къ малолѣшнымъ кадешамъ, и мы вполне вѣримъ собшвеннымъ ихъ словамъ, что перешедши изъ домовъ опщевъ и машерей въ свяшилище воспишанія, они въ нѣдрахъ его нашли новыхъ опщевъ и машерей.

На концѣ залы представлялись глазамъ зрителей поршрешы ИМПЕРАТОРА и ИМПЕРАТРИЦЫ, помѣщенныя между двухъ пирамидъ, обвипыхъ гирландами и съ позолоченными надглавїями, гдѣ на каждой поставлено по десяши маленькихъ ружей съ означеніемъ, что эшо даръ Наслѣдника Престола, съ начертаніемъ первой буквы священнаго имени НИКОЛАЯ Перваго.

Послѣ привѣшпвенныхъ рѣчей сынъ Генерала Краснокутскаго и Венедиктовъ, съ благоговѣніемъ подспуя къ лицезображеніямъ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, произнесли стихи, также сочиненные на сей случай старымъ Кадепомъ нынѣшняго Каदेशкаго Корпуса. Вотъ сіи стихи :

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Россіи Другъ, Отець, Виновникъ нашихъ благъ!
 Живешь, и будешь жить всегда у насъ въ сердцахъ.
 Чшо принесемъ ТЕБѢ? ТЫ любишь душъ усердые:
 Онѣ ТВОИ въ ТВОЕМЪ, Отець нашъ, милосердые! . . .
 Для насъ мы новую въ семь мѣспѣ жизнь найдемъ;
 А душу и себя — ТЕБѢ мы отдаемъ.

Владиміръ Краснокутскій.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ.

ЦАРИЦА Руская! ЦАРИЦА душъ, сердцець!
 Намъ благоспѣ отъ Небесъ ТВОЙ Царственный Вѣнецъ!
 ТЫ благодѣтельной пріемля насъ душою,
 Любовью ангельской сроднила насъ съ СОБОЮ.
 Намъ сладко каждый часъ, мигъ каждый повпорять:
 Изъ всѣхъ ТЫ матерей нѣжнѣйшая намъ Мать!

Иванъ Венедиктовъ.

Генераль Краснокутскій былъ при семь праднеспвѣ и душа его переселялась въ каждое слово сына, изъявлявшаго благодарныя чувства къ Августѣйшимъ Благодѣтелямъ своимъ.

Каждый изъ бывшихъ при праднеспвѣ подходилъ съ привѣшпвіемъ къ Главной Начальницѣ; слезы не сходили съ глазъ ея — и она опвчала полько сими словами: „Богъ наградилъ меня первымъ щаспиемъ жизни: могу бышь полезно дѣшпямъ.“

Вскорѣ попомъ не лѣзя было слушать безъ умиленія, когда передъ обѣдомъ запыли пшомцы: *Отче нашъ!* Сто голосовъ, сто сердець слились въ одну молитву и на крылахъ ея возносились къ престолу Творца небесъ съ пламеннымъ желаніемъ: »Да благоденствуютъ нечестные годы Августѣйшіе Благодѣтели, дарующіе имъ жизнь нравственную!«

Достойные, по различнымъ степенямъ получившіе достойное, помѣспились за почетнымъ споломъ, украшеннымъ плодами и лаврами, пожатными ихъ прилѣжаніемъ. Сіи малюпки-побѣдители на поприщѣ ученія возвышали побѣду свою непришворною скромностію. Не спѣсняясь заспѣнчивостію, они одушевлены благородною, такъ сказать, выправкою наружною и душевною.

Кадешы опобѣдали, и Его Превосходительство, со свойственною ему привѣпливостію, пригласилъ всѣхъ поспѣшителей къ завпраку. Торжественное, внезапное мгновение восхитило всѣхъ присуществовавшихъ, когда Генераль съ задраннымъ бакаломъ въ рукъ вошедъ въ залу, громко воскликнулъ: »Дѣши! да здравствуютъ Августѣйшіе ваши Покровители! да здравствуетъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ! да здравствуетъ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА! да здравствуетъ Цесаревичъ Наслѣдикъ! да здравствуетъ Его Императорское Высочество Великій Князь МИХАИЛЬ ПАВЛОВИЧЪ!« При семъ душевномъ порывѣ у всѣхъ зрителей блеснули слезы въ глазахъ и сердечное умиленіе еще умножилось при опкликѣ малюпокъ: »Ура! ура! ура! да здравствуютъ наши Покровители! да здравствуетъ Домъ Царскій!«

Не трудно было малюшкамъ воскликнуть единодушно; ибо во всѣхъ рѣчахъ ихъ дышало искреннее глубокое чувство благодарности къ Августѣйшимъ Покровителямъ.

Вечеромъ былъ спектакль. Въ прехъ представленныхъ пѣсахъ все напоминало о приверженности къ Царю и Отечеству, все вдыхало любовь къ добродѣтели и нравственности. Малюпки были актерами не малютками; но ловкость ихъ была для нихъ одною игрою. Малюпки-актеры были слѣдующіе: Пётръ Лашкевичъ 1й (6 лѣтъ), Викторъ Демидовъ (8 лѣтъ), Константинъ Лашкевичъ 2й (5 лѣтъ), Платонъ Брюмеръ 2й (5 лѣтъ), Илья Цыповичъ (10 лѣтъ), Михаилъ Максимовъ 2й (10 лѣтъ), Григорій Краснокушскій 1й (10 лѣтъ), Федоръ Львовъ (8 лѣтъ), Павелъ Запольскій (10 лѣтъ), Владимиръ Краснокушскій (9 лѣтъ), Иванъ Венедиктовъ (10 лѣтъ), Федоръ Брендель (10 лѣтъ), Николай Деконскій 5й (8 лѣтъ), Александръ Бреннеръ 1й (9 лѣтъ), Алексѣй Николаевъ (9 лѣтъ), Дмишрій Филипповъ (8 лѣтъ).

Заключаю шѣмъ, что я видѣлъ согласное, нераздѣльное и единодушное соединеніе главныхъ отраслей воспитанія: Христіанскаго, нравственнаго и военнаго.

На другой день празднества прїѣзжаю въ Малолѣтнее Отдѣленіе и слышу отъ малюшекъ: „У насъ на-время только былъ поршпретъ нашей Мапушки - ЦАРИЦЫ. Ахъ! еслибъ наша зала всегда украшалась ЕЯ поршпретомъ! какъ бы мы были щасливы!“ Тутъ я вспомнилъ стихъ Ломоносова изъ оды къ Елисаветѣ:

Отсутствуя, Ты будешь съ нами!

Я вспомнилъ также изреченіе и добраго Лафоншена: L'enfance n'aime rien. Но если дѣшество ничего не любитъ, то какой благодарности не заслуживаютъ шѣ, копорые научаютъ дѣшей любить добродѣшель, славу Ошечества и благоговѣшь къ Великимъ Покровишелямъ своимъ!

O grand Dieu! le coeur d'une mère
Est le plus bel ouvrage du tien!

Какое же ангельское сердце дало Провидѣніе Августѣйшей Машери малюпокъ, копорые въ воспоргѣ душъ своихъ называютъ ЕЕ *Матушкою - ЦАРИЦЕЙ*? . . .

Сергѣй Глинка.

О старинныхъ Рускихъ праздникахъ и обычаяхъ (*).

„Графинѣ Софіи Каролинѣ Минчерѣ, переводчицѣ прежде изданныхъ мною *Старинныхъ Рускихъ праздниковъ и обычаевъ*..

„Время и обстоятельство зашавили меня прекрашительныи мои рассказы о нашихъ *прежнихъ* праздникахъ и обычаяхъ; почти десять лѣтъ уже не говорю объ нихъ ни слова; но вы пожелали, чшобы я окончилъ начашое мною, по вашимъ словамъ, *полезное и любопытное*; разбираю кипы бумагъ, ошыскиваю еще нѣчто изъ шѣхъ же самыхъ опривковъ, копорые споль

(*) Сіе сочиненіе было начашо и продолжаемо печатаніемъ въ *Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности*. Графинѣ угодно было перевести все это на Нѣмецкой языкъ, напечатать и украсить картинкою *Праздника Грегшиницы*. М.

местно для меня были удостоены вниманія вашего, переписываю ихъ, посвящаю вашему имени и печатаю.»

Лѣстницы въ царство небесное.

Слишкомъ за придцашъ лѣшъ предъ симъ (до 1832 года) Рязанской Губерніи въ Пронскомъ уѣздѣ кресьяне, гошовясь на срѣшеніе праздника Вознесенія Господня, между прочимъ всегда почипали необходимымъ загошовишь къ сему празднику самое сдобное пшеничное шѣ-сто; изъ эшаго шѣспа дѣлали и пекли лѣспницы о седми спупеняхъ и по заведенному щогда порядку, съ эшѣми лѣспницами, скрышыми въ обернушомъ бѣлымъ полошенцѣмъ блюдѣ на церковной паперши, или подѣ папершью, послѣ Божешвенной лишурги, каждый, или каждая, по-очереди всходили на колокольню, и опшуда всякой, или всякая, шакже по порядку, бросали свои лѣспницы на землю, замѣчая, какъ падала чья лѣспница: поперегъ къ церкви, или опѣ церкви вдоль; ошавалась ли цѣлою, или съ ошбишою спупенью, или не разбилась ли и совсѣмъ, и проч. Каждая брошенная внизъ лѣспница сопровождалась крешнымъ знаменіемъ и молишвою: »Господи, Господи, Небесный Царю! коли Ты не продлишь моей, или его (*) на сей годъ жизни: по повѣдай намъ, Спась милосшивый! сподобишь ли шы его (или меня) на Царспвіе небесное (**)?« Послѣ сихъ словъ *тацнственная* лѣ-

(*) Молились не только за себя; но и за *другаго*, а въ особенности за *отсутствующаго*, напримѣръ за послушавшаго на службу Царскую, и проч. М.

(**) У насъ, Рускихъ, еще въ младенчешвовавшей вѣрѣ Христіанской весьма много ошавалось *тего - то лзыге-*

спница слепая съверху въ низъ, если вся разбивалась на части, по хопя и не предвѣщала *гадающей души* скорого воззванія на небо; но однакожь и не судила *Царства небснаго!* При другомъ обстоятельстве когда *сдобная лѣстница* падала на землю невредимо, по ешь не разбившись; по уже, при ожиданіяхъ смерти, хопя бы и безвременной (и вѣрояшно, не желанной), гадающій упѣшалъ себя шѣмъ, что опъ, или по лице, о которомъ загадывалъ, какъ бы на бѣломъ свѣшѣ ни жилъ и ни маялся, но послѣ смерти навѣрное поступишь во *святые сонмы праведныхъ*.

Такая полная увѣренность въ *гадательномъ благѣ* придавала всѣмъ надеждамъ гадающихъ ппичьи крылышки, и немедля ни минушы, съ какой бы по ни было высокой колокольни, каждый и каждая вихремъ слепали по лѣстницы за *своей лѣстницей*, поднимали ее, шли къ могилѣ родипельской, кланялись усопшимъ до сырой земли и попомъ пупъ же на мѣстѣ могилы опломивъ одну шолько самую малую чаопичку опъ уцѣлевшей *лѣстники*, *разгавливались* ею (по своему выраженію) за себя, или за опсущствующаго, который, по догадкѣ, долженъ былъ скоро поступишь на пущь къ *Царствію небсному*. Всѣ друзья и родспвенники благоговѣнно испрашивали у щаспливыхъ по крупинкѣ опъ уцѣлевшихъ лѣстницъ и глошая оныя, поминали за упокой души всѣхъ усопшихъ праведныхъ,

скаго, заимствованнаго нами опъ многихъ древнихъ народовъ - язычниковъ и даже опъ самихъ Грековъ, не со-
всѣмъ еще очиспившихъ себя опъ *теловѣческихъ* вымысловъ. М.

Но въ поже время хозяйки разбиныхъ лѣспницъ, собравши свои крохи и осудивъ ихъ въ подаяніе *нищей братіи*, горестно прилегли къ родительскимъ могиламъ и опчаянно воспѣвали, сколько я помню, слѣдующее :

- „Ужь лежать тебѣ, батюшка (*)!
 „Во сырой землѣ одинешеньку.
 „Во небесномъ мы во царствіи
 „Не сойдемся, не увидимся!
 „По моимъ грѣхамъ я оставлена
 „Въ сиротствѣ, вдовствѣ горемыкою;
 „Не жива живу и не мертвая,“ и проч.

Эта рацея воспѣвается произвольно, и весьма пространно. Къ ней часто прибавляютъ и упреки нѣкоторымъ злымъ лицамъ, будто бы способствовавшимъ преждевременной кончинѣ умершаго, или умершей. Напримѣръ :

- „Не родная мать, а лиха свекровь
 „Поспала тебѣ гробову достку,“ и проч.

Сей обычай нынѣ уже почти не существуетъ; но всё еще у многихъ остаётся въ памяти и пошому печенье на *Вознесеневъ* день *сдобныхъ лѣспницъ*, хотя и не для прежняго употребленія, а продолжается.

Седмь ступеней въ печеной лѣспницѣ, по просонародному мнѣнію, означаютъ или *седмь степеней* небесныхъ, или (по мнѣнію другихъ), *седмь грѣховъ смертныхъ*: должно попрашъ ихъ и тогда уже вознесишь къ небеси душою чистою!

М. Макаровъ.

(Продолженіе впрѣдъ.)

(*) Или *матушка*.

А л ь б о м ъ .

Въ одномъ Французскомъ журналѣ рассказы-
вающъ слѣдующій анекдотъ: къ Лондонскому
мирному судѣ поступило совсѣмъ необыкновен-
ное дѣло. Жена какого-то маспероваго жало-
валась, что мужъ избилъ ее. „Мой мужъ“ го-
ворила она „былъ всегда очень добръ, шихъ и
воздерженъ; но вошь ужъ нѣсколько дней какъ
онъ пьянствуетъ, предается беспорядочной
жизни и наконецъ нынче пошпру прибилъ меня.“
Судья позвалъ мужа. „Что скажешь въ оправдан-
нiе?“ — Признаюсь, ваше Благородiе, меня
сильно беспокоитъ холера: спараюсь полу-
читьъ ее скорѣй, чтобъ уже опдѣлаться отъ
нея; веду самую беспорядочную жизнь, бью
жену свою и все это единственно для того,
чтобъ имѣть какъ можно скорѣе холеру и
быть попомъ спокойну. — Судья опустилъ че-
пу, совѣшя мужу не слѣдовать своей системѣ.
„Ты напрасно ищешь холеры,“ сказалъ ему судья,
„все доказываешь, что она не хочетъ тебя; поди,
и будь увѣренъ, что никогда не получишь ее.“

Паганини далъ въ Парижѣ еще множество
концертовъ, копорые по великому спеченiю
публики доказывали, что страхъ, причиняемый
холерою, уже весьма ослабѣлъ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н I Я .

К ъ П О Р Т Р Е Т У

Ивана Никитича Скобелева.

Героя не хвалю: ты самъ хвала себѣ;
Твой списокъ послужной написанъ на тебѣ!
Но сокровенною, израненной рукою,
По подвигамъ добра, роднишь сердца съ собою.

Метатель.

Ж е л а н і е.

Душа полна свяшаго умиленья!
 И мыслишь: „Полечу туда,
 Гдѣ нѣтъ заботъ, гдѣ нѣтъ волненья,
 И гдѣ свяшаго Провидѣнья
 Горитъ неплѣнная звѣзда.
 Мнѣ свѣта несперпимы звуки,
 И жизнь юдольная пѣжка.
 Тамъ радость; здѣсь вся горечь муки;
 Тамъ вѣчный свѣтъ, тамъ жизнь сладка.
 И памъ — съ Причиной Мірозданья
 Сольюся искрой Божества!“
 И всѣ надежды, всѣ желанья,
 Всѣ радости, всѣ упованья,
 Все то, чего душа ждала —
 Все ясно памъ мнѣ разрѣшится,
 Все новой жизнью обновится;
 Узнаю тайну бытія. . . .
 Мнѣ жизни бремя надоѣло,
 И все семейство злыхъ спрасстей
 Надъ головой опяжелѣло.
 Тревожной думою своей
 И сердцемъ, полнымъ шреволненья,
 Въ мечтахъ неясныхъ сновидѣнья,
 И въ шумѣ свѣтской суеты
 Къ тебѣ все рвуся, о мой Боже!
 И каждый день одно и шо же. . . .
 О, подкрѣпи спрадальца Ты
 Своей десницею всеблагою,
 И духъ невѣрья опгони!
 Мой духъ, измученный тоскою,
 Свяшою вѣрой оживи!

И. Селвановъ,

Парижскія моды.

Множество шляпокъ - капотовъ изъ объяри, или бѣлаго крепа, не имѣетъ другаго украшенія, кромѣ одной розы, приколонной съ боку.

— Гроденаплъ клѣшчатый съ объярью въ большомъ употребленіи для ретенгошовъ, которые дѣлаются съ двумя круглыми пелеринами и съ опложнымъ воронникомъ.

— Въ Лоншанскихъ модахъ снова появились шляпки à la bibi. Мы видѣли одну изъ пальдери (paille de riz), убранную лиловыми леншамми и двойнымъ букешомъ сирени; одна вѣпка бѣлой сирени, ошдѣляясь нѣсколько ошъ букета, наклоняется на бокъ.

— На часахъ вмѣсто цѣпочки, которая надѣвалась на шею, нынѣ носятъ маленькую цѣпочку, идущую отъ большой золотой булавки, находящейся посреди лифа; иногда сіи булавки имѣють при цѣпочки: на одной часы, на другой необходима *кассолетка*, а претрѣя назначена для ключа отъ ящика Пандоры.

Изъясненіе картинки при семь No.

Лоншанскія моды.

Шляпка креповая. Плашье изъ шелковаго батиста.

Печатать дозволяется,

отъ шѣмъ чтобы, по ошпечатаніи, были предсавлены въ Целсур-
ный Комитетъ три экземпляра. Москва. Мая 21 го дня, 1832 г.

*Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Советникъ
и Кавалеръ Иванъ Декубскій.*

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

У р о к ъ .

„Данное слово для меня священо!“ говорила г-жа Даншремонъ - Бурдикъ - Виопъ , знаменитая своими прекрасными стихотвореніями : „я спараюсь , даже въ маловажныхъ случаяхъ , не слѣдовать внезапнымъ внушеніямъ сердца ; даю обѣщанія не прежде , какъ здраво размысливши , почно ли въ сосѣояніи исполнишь ихъ . За сію полезную осторожность ,“ продолжала она „почши несовмѣстную съ пылкостью воображенія и въпреностию моего характера , я обязана дѣйствию ужаснаго , и вмѣстѣ забавнаго урока , даннаго мнѣ на четырнадцатомъ году моей жизни.“

Слова г-жи Даншремонъ возбудили во мнѣ желаніе непременно слышать подробный раз-

сказъ о достопамятномъ для нея приключеніи. Она не замедлила удовлетворить моему любопытству.

„Родители мои“ говорила она, „были не въ состояніи дать мнѣ хорошаго приданого и попому заботились устроить судьбу мою выгоднымъ замужествомъ; двѣнадцати лѣтъ я стала женою сорокалѣтняго Маркиза Данпремона, знашней фамиліи, имѣвшаго большія связи въ Германіи; мнѣ можно было надѣясь со временемъ получить почетное мѣсто при Дворѣ одного изъ Германскихъ владѣтельныхъ Кнзей.

На другой день брака отвезли меня въ монастырь, чѣобы окончить мое воспитаніе; недолго наслаждалась я удовольствіемъ жить въ кругу милыхъ моему сердцу; состояніе и здоровье Маркиза день ото дня становились хуже; я принуждена была оставить мѣсто воспитанія, и поселилась въ Данпремонскомъ замкѣ — огромномъ зданіи готической архитектуры, походившемъ болѣе на развалины, нежели на жилище вельможи; и мнѣ живо представились страшныя замки, описанныя въ старинныхъ Англійскихъ романахъ.

Все общество моего мужа составляло пятидесятилѣтняя ключница, присвоившая себѣ право управлять всѣмъ домомъ, имѣвшая надзоръ надъ самимъ господиномъ. Женитьба его разстроила, кажешся, всѣ ея тайныя замыслы; но по пріездѣ моемъ въ замокъ Маркизь успокоилъ ее, предоставивши меня въ ея полное распоряженіе. Пользуясь неограниченною властію, домоправительница на каждомъ шагу придумывала новыя неудовольствія для меня: за самую невинную шалость, за малѣйшее невниманіе я получала не только строгой выговоръ,

но и преспертывала наказанія. Часто она за-
пирала меня одну въ павильонѣ среди гу-
стаго сада; иногда ночь заспавала меня въ
этомъ започеніи и я цѣпенѣла отъ спреха. —
Свистъ въпра, печальной крикъ совы, даже че-
ловѣческія фигуры, нарисованныя на полуизор-
ванныхъ обояхъ, наводили на меня шакой ужась,
что я съ шрудомъ могла переводить дыханіе;
за шо какъ прыгала отъ радости, увидѣвши
первые лучи восходящаго солнца. Данпре-
монъ смѣлся всегда надъ мои ми мнимыми
спраданіями. — Частое посѣщеніе сихъ вершеповъ
произвело на меня шакое сильное впечатлѣніе,
что съ шого времени, не смотря на живость
моего характера, я никогда не могла оставать-
ся одна въ комнашѣ; невольная грусть спѣсня-
ла мое сердце; я чувствую съ шѣхъ поръ необ-
ходимость посѣщать общества, бытъ въ кругу
людей, и уединеніе слишкомъ напоминаетъ мнѣ
печальное одиночество моей юности. Почши
годъ провела я шакимъ образомъ въ домъ Мар-
киза. — Однажды ушромъ необыкновенный
шумъ раздался по всему замку; я спѣшу узнать
причину, и что же? почши всѣ комнашы
были наполнены полицейскими. Мнѣ пош-
часъ докладывають, что кареша у крыльца;
я немедленно должна была оставить замокъ
и отправиться въ монастырь. Давно не чув-
ствовала я шакого искренняго удовольствія;
я прыгала, пѣла, и изъясляла всю свою нео-
жиданную радость; щещно ключница предспа-
вляла мнѣ нещастія моего мужа: я ничему не
внимала, а чувствовала шолько удовольствіе
избавиться несноснаго плѣна.

Монастырь показался мнѣ очаровательнымъ
жилищемъ. Съ какою радостью увидѣла я себя

въ кругу прежнихъ пріятельницъ! науки и дружба украшали однообразную жизнь мою. Я была тогда совершенно щаслива; классическіе успѣхи давали мнѣ преимущество предъ всѣми воспитанницами; наставники любили меня, съ удовольствіемъ превозносили мои сочиненія, удивлялись необыкновенному таланту къ музыкѣ. — Такъ наслаждалась я блаженными минутами, не помышляя о будущемъ; воспоминаніе о развалинахъ замка почти совершенно изгладилось изъ моей памяти, какъ вдругъ одно печальное происшествіе произвело переворотъ въ судьбѣ моей.

Мужъ мой, въ молодости, имѣлъ ссору съ однимъ изъ своихъ товарищей; оба положили прекратить всѣ непріятности дуэлью, съ условіемъ, если останутся живы, повторять ее каждый годъ въ пошъ же самый день и на пошъ же самое мѣстѣ. Двадцатый разъ выходили они на дуэль; и Маркизь получилъ наконецъ смертельную рану. Узнавши о семъ происшествіи, я не замедлила опривавиться въ Анпремонскій замокъ. Хотя мужъ не имѣлъ ко мнѣ даже и слабой любви, но я всегда уважала и дорожила его жизнію, и проливала слезы, видя приближающуюся кончину его; терзалась, слышавши сненанія больнаго и заботы его о пошъ, копорая должна осталъся безпріютной вдовою на четырнадцатомъ году жизни. Дѣтская невинность моя удвоивала его опасеніе; я старалась предупреждать всѣ его желанія; это прогало Маркиза и онъ нѣжно цѣловалъ мою руку, безпрестанно занимался мною, и чшобы болѣе доказать мнѣ свою привязанность, освободилъ меня изъ плѣна домоправительницы, предоставивъ мнѣ полную свободу. — Такое вниманіе и до-

вѣрность увеличили мое расположеніе къ нему; я забыла все прошедшее и любила его, какъ отца; онъ же не называлъ меня иначе, какъ дочерью. Часто рассказывалъ онъ мнѣ приключенія своей жизни, сожалѣя о прежнихъ своихъ просупкахъ, копорые, разспроивши его состояніе, влекли самого къ преждевременной смерти. Онъ училъ меня какъ можно оспорожнѣе пробирашся по пропинкамъ жизни, избирашъ изъ нихъ тѣ, копорые не заглушены перніемъ; совѣшывалъ здраво судишъ о вещахъ, не предавашся первымъ порывамъ спрасшей; и ежели щасіе, говорилъ онъ, направишъ спопы швои на пуль, усыпанный розами, по не должно забывашся, но чаще оглядывашся назадъ. — Ощеческія насшавленія и ужасная перемѣна въ здоровьи Маркиза мучили мое сердце. Однажды я схватила его охладѣвшую руку, нѣжно пощѣловала ее и оросила горькими слезами. „Неплачь, мой другъ!“ сказалъ онъ слабымъ голосомъ: „я заслужилъ судьбу свою; не успѣлъ еще сосшавишъ швоего щасіія, и ты не могла найши его со мною; можешъ бышъ, смерть... она возвраишъ тебѣ снова свободу... смерть моя будешъ для тебѣ полезнѣе жизни моей: это упѣшаетъ меня. . . .“

Нѣтъ! вы не умрете — прервала я, заливаясь слезами — жизнь ваша для меня дороже всего на свѣтѣ; ни богатштво, ни свобода, ничто не можешъ замѣнишъ васъ въ моемъ сердцѣ! — „Благодарю тебѣ, милая Генріэтта; но что дѣлашъ? . . . я чувствую, что завшрешній день будешъ послѣднимъ въ моей жизни. . . .“ Завшрешній день! . . . о Боже! — „Такъ, мой другъ! я вижу, что жизнь моя угасаетъ.“ — Нѣтъ! нѣтъ! и я умру съ вами! . . . безъ васъ свѣтъ будешъ

мнѣ въ пятюгость! . . . — „Какая ребяческая мысль!“ прервалъ Маркизь. — Нѣтъ, совсѣмъ не ребяческая; клянусь вамъ, что сдержу слово: если вы завтра переселитесь въ предѣлы вѣчности, то и меня не будешь на свѣтъ! . . . — „Обдумай, что ты говоришь: вѣдь клятва должна быть священна.“ — Такъ! она для меня священна! — „И ты приняла пвердое намѣреніе жертвовать собою? . . .“ — Ваше сомнѣніе для меня обидно! — „Ну, если ты не въ состояніи будешь выдержать опыта, который сдѣлаю надъ тобою?“ — Дѣлайте, и увидите, что я говорю въ полномъ разсудкѣ. — „Другъ мой, милая Генріѣтта! Какъ жаль, что при своемъ добромъ сердцѣ ты не стараешься хорошенько обдумывать своихъ намѣреній: пвой героической поступи. . . . Но ты рѣшительно не хочешь опсшать оцъ меня на пуши къ вѣчности?“ — Такъ! послѣдую за вами завтра, нынче, сію минушу, если хошите. — „Прекрасно! да будешь по пвоему!“

Данпремонъ приказаль подашь чашку шоколаду, а мнѣ вельль достать изъ ящика запечатанную бумажку; нимало не робѣя, исполняю приказаніе. Онъ опять спросиль у меня, почно ли я намѣрена умереть съ нимъ. Я снова повторила клятву. Маркизь распечаталь пшайнственнѣйшій пакеть, и высыпаль въ чашку порошокъ; потомъ нѣжно поцѣловавши руку мою, сказалъ: „Милая Генріѣтта! желаніе пвое исполнись; вышей эптошь шоколадъ!“ Рокковыя слова поколебали нѣсколько мой героизмъ; въ недоумѣніи смотрѣла я на предлагаемую чашку. Данпремонъ улыбнулся. Оскорбленное самолюбіе заставило меня поза-

быть объ ужасныхъ послѣдствіяхъ — и я выпила шоколадъ.

Маркизь осыпалъ похвалами мою швердосшь; но мнѣ было не до того: ничто не могло облегчить моего сердца, спѣсненнаго мыслію, что черезъ нѣсколько часовъ наспанешъ послѣдняя минуша жизни моей. Послупокъ мужа казался мнѣ безчеловѣчнымъ. О сила воображенія! въ полной увѣренности, что приняла ядъ, мнѣ казалось уже, что чувствую его дѣйствіе; уже кровь заспывала въ жилахъ; нестерпимая боль въ желудкѣ, ужасное спѣснѣніе въ груди. . . . Въ эту минушу входилъ мапъ моя. „Маменька, маменька! . . . умираю!“ вскричала я расперзаннымъ голосомъ. . . . слова замерли на ушахъ моихъ, и я безъ чувствъ упала въ ея объятія. — „Дочь ваша хотѣла умереть со мною,“ сказалъ Маркизь, обращаясь къ моей машери „я всячески спарался уклонить ея отъ сего ужаснаго намѣренія: она не хотѣла меня послушашься; клялась, что не переживешъ моей кончины. Чшобы привести въ исполненіе кляшву дочери вашей, я рѣшилъ дать ей яду.“ — Яду! . . . О Боже! мапушка! . . . ради Христа помогите мнѣ! —

Маркизь видя, что шупка можетъ имѣть худыя послѣдствія, захохоталъ. Я съ презрѣніемъ посмошрѣла на него. „Успокойся!“ сказалъ онъ наконецъ съ нѣкоторою строгосшію: „ни присушствіе Докшора, ничто для тебя не нужно: приняшой шобою ядъ есть не иное что, какъ шолченный леденець.“

„Чувствуя совершенное изнеможеніе,“ продолжалъ мужъ мой „я просилъ маменьку швою пріѣхашъ за шобою, чшобы удалить шебя отъ шой ужасной каршины, копорая предшавилась бы при моей кончинѣ. Пылкосшь швоего воображенія,

другъ мой, и доброта пвоего сердца заставляли меня опасаться предбудущаго; если я не успѣлъ, при жизни, успроить пвоего щаспія, по по крайней мѣрѣ, въ послѣднія минуны мои воспользуйся ашимъ урокомъ, и не слѣдуй первымъ порывамъ своего воображенія. Не прежде давай обѣщанія, какъ уже пвердо увѣрившись, что въ состояніи исполнишь ихъ, безъ вредныхъ послѣдствій; помни всегда, что потеря нравственности неизбѣжно влечетъ за собой потерю состоянія, а иногда и жизни. . . . Проспи, милая Генріѣшпа! оставь меня; мнѣ должно заняться устройствомъ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ. Проспи, другъ мой, проспи навсегда! не забывай моихъ послѣднихъ наставленій.“

Я обливалась слезами; спыдъ и горестъ перзали сердце мое; и хопя уже не клялась мужу, что не переживу его смерти, но всѣми силами спаралась доказать мою привязанность и сердечную благодарность за полезное нравоченіе. Я не хотѣла оставить мужа; разспроганный Маркизь нѣжно поцѣловаль меня, и просиль мать мою вывести меня изъ комнаты; присутствіе мое болѣе разспроивало его. Я со слезами умоляла мужа оставить меня при себѣ, но онъ не согласился, и я немедленно удалилась. Слова Маркиза сбылись: въ слѣдующій день онъ опошелъ въ вѣчность. Мнѣ не оставалось болѣе никакого утѣшенія, какъ только оплакивать кончину мужа-благодѣтеля, и никогда не забывать его прощанія и — послѣдняго урока.

(Изъ Soirées amusantes de la jeunesse.)

Татьяна Верекина.

Москва.

*Повѣсть странника о Странникѣ.
Статья двѣнадцатая и послѣдняя.*

Le moment où je parle est déjà loin de moi.

Тошь мигъ, какъ говорю, далеку ужь отъ меня.

Все упомляешь насъ, земныхъ спранниковъ; все упомляешь! Исполниъ своего времени, Князь Пошемкинъ - Таврическій, даешь Екатеринѣ Великой такое празднество, какое не описано и въ сказкахъ Тысячи и одной ночи. Все воспочное воображеніе слилось въ одну мысль къ успроенію сей дивной обипели ушѣхъ и радости; сводъ небесный со всѣмъ великолѣпиемъ своимъ перенесенъ Княземъ *Таврическимъ* въ черпоги *Таврическія*. Празднество оканчивается хоромъ невидимымъ :

„Спой и не лепи ты, время! и не лишай насъ благъ: *жизнь наша есть путь печалей!* Пускай въ ней цвѣшуть цвѣшты!“

Жизнь наша есть пупъ печалей: и кто же въ эпомъ признается? Великолѣпный Князь Тавриды, паряцій замыслами умъ, какъ говоришь Державинъ. И когда же онъ произноситъ сей приговоръ радостямъ жизни? Тогда, какъ изъ предѣловъ цѣлаго міра спеклись веселія и забавы!

Какой бы *историческій романъ* жизни человеческой увидили мы, еслибъ Князь Таврическій описалъ подробно, какъ дошелъ онъ до унылой мысли, что *жизнь есть путь печалей!*

Нынче мода на историческіе романы. А сколько пережили мы историческихъ и неисторическихъ рамановъ! Пугала и обольщала наше воображеніе г-жа *Радкфлидъ*: и кого же шеперь заманивають во мракъ свой волшебныя ея замки и вымышленныя подземелья? Читали на перерывъ другъ передъ другомъ романы г-жи *Жанлисъ*. Читаль ихъ и Наполеонъ послѣ громкихъ побѣдъ въ Италіи; читаль и Кушуровъ съ спанѣ Тарушинскомъ. Давно ли это было? И кто же шеперь читаетъ ихъ? Читали романы Августа *Лафонтена*; читали романы г-жи *Котенъ*; читали едва мелькнувшіе романы *Дарленкура*: и на какомъ модномъ шулетѣ они шеперь лежатъ? . . . Какое было наводненіе въ *Летѣ* ошъ погрузившихся въ нее романовъ!

Наскучила повѣсть Спранника о Спранникѣ. Нѣтъ въ ней завязки, нѣтъ въ ней развязки. Кладемъ перо и мысленный посохъ. Что такое *странникъ*? Человѣкъ. Кто его *спутница*? Мысль. — Вотъ и вся повѣсть Спранника о Спранникѣ. Коротка исповѣдь. Да что же длился на землѣ? . . .

Переходъ жизни.

Руская пѣсня Странника.

Былъ вчера у друга;
 Былъ я на пиру;
 Тамъ краса - дѣвица
 Дивила собой.
 На щекахъ играла
 Алая заря,
 И душа сіяла
 Въ очахъ голубыхъ;

Прелестью весенней
 Дышали уста.
 Всѣми повпорялось :
Что за красота ! . . .
 Темна ночь проходитьъ :
 И — гдѣ красота ?
 День заря выводитъ ;
 А дѣвицы нѣтъ !
 Свѣчи погребальны ,
 Хладный гробъ стоить ;
 Призракъ въ немъ печальный
 Дѣвицы лежитьъ .
Что-жь краса - дѣвица ?
 Ахъ ! наша то жизнь !
 Днемъ цвѣли , смѣялись ;
 А къ ночи насъ нѣтъ !

Метатель.

А л ь б о м ъ .

Таковъ - то человекъ ! иногда онъ заставляешь швореніе рукъ своихъ подражать себѣ ; а иногда самъ подражаетъ ему. Сіе обратное дѣйствіе шворенія Божескихъ рукъ , человека , мы видѣли во всей силѣ и во всемъ блескѣ на комикѣ Берлинскаго Театра , *Флери* , предсавлявшаго въ Московскомъ Театрѣ роль *Полишинеля* , котораго у насъ не видятъ и съ копорымъ слѣдовательно *артиста* сравнивать не можемъ . Но кто въ дѣйствіи не забавлялся вырѣзанными изъ картона человѣческими фигурами , закидывающими ноги за уши и проч. , какъ

скоро подернешь снурочкомъ? Г-нъ Флери дѣлаешь по же самое изъ собствѣнныхъ ногъ своихъ, на копорыя, сверхъ того, ложишься бокомъ, какъ на чужія.

Смѣшно и печально. . . . видѣшь въ одно и по же время и всемогущество способностей человѣческихъ, и самоуничженіе разумнаго существа!

Въ театральныхъ объявленіяхъ о спектаклѣ упорствують печашась: „шаконъ - по будешь пѣшь Малороссійскую пѣсню: *и шумѣ и гудѣ.*“ но въ Малороссійскомъ языкѣ нѣшь слова *шумѣ*, а ешь *шумить*: что и было замѣчено, кажешся, Телеграфомъ. Спало театральныя *погрѣшности* неисправимы! . . . А еше театръ называють *школою*! . . .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

К Ъ П О Р Т Р Е Т У

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА,

украшающему залу Малолѣтнаго Отдѣленія кадетъ Московскаго Кадетскаго Корпуса.

Душой блестящая на Престолѣ,
 ЦАРЬ правды! въ громкой, славной долѣ,
 Какъ Ангель, насъ СОБОЙ хранишь,
 И жизнь намъ новую даришь!

Сергѣй Глинка.

Д е н ь р о ж д е н і я .

Un jour plutôt, un jour plus tard ;
Ce n'est pas une grande difference.

Lafontaine.

Друзья! что значить день рожденья?
Онъ день, день вѣсти гробовой,
И день онъ смерти извѣщенья.
По что-жь въ мигъ жизни роковой
Вражды смущаемся борьбой?
Почто то боримся съ собою,
То желчію кипимъ къ другимъ?
Почто любви мы солнце пшимъ?
Мы всѣ въ свою очередную,
Какъ будто въ книгу записную,
Передадимъ лишъ имена.
Но есть, есть лучшая страна,
Гдѣ съ жизнью жизнь примирится,
Гдѣ сердце съ небомъ породнится;
И до отхода въ ту страну,
Оставимъ здѣсь спрасней войну;
Душою съ дружбою обнявшись,
Раздору дома не сказавшись,
Любви лишъ скажемся въ сердцахъ,
Съ задрвной чашею въ рукахъ.

Метатель.

Къ портрету Вакселя.

На зло природѣ, въ честь искусства,
Онъ кисть Гогардову лѣвшой
Животворить обманомъ чувства:
Взоръ безобразіе находить красотой!

С М Ъ С Ъ.

*Драматическій вечеръ артистовъ
и аматёровъ 16го Мая, въ пользу
г-жи Менье.*

Представлена новая комедія въ 5 актахъ и въ стихахъ: *Le Majorat*, соч. Пюжоля, и старинный, но въ Москвѣ еще неигранный, водевиль въ 1 актѣ: *Monsieur Vautour*, соч. Дюваля и Дезоже.

Спектакль данъ на театрѣ Графа Пошекина, не большомъ, но довольно великолѣпномъ театрѣ для домашняго, съ Греческимъ эпиграфомъ на фронтонѣ: *Школа нравовъ*, совершенно оправданнымъ первою пьесой, въ которой преподавъ сильный урокъ щещславнымъ опцамъ и избалованнымъ сыновьямъ.

Г-нъ Газъ игралъ — и очень хорошо — шрудную роль опца, который будучи негоціантомъ и раздираемъ жаждою дворянства, желаетъ вывести старшаго любимаго сына своего на счесть меньшаго — въ Бароны, и даже выдастъ за перваго свою воспитанницу, *невѣсту* послѣдняго. Сыновей играли г-да Альфредъ и Гононъ — прекрасно. Мать, безпрестанно перзаемая несправедливостію и сумазбродствомъ мужа, и наконецъ почти лишившаяся жизни при извѣстіи о смерти сыновей, убишыхъ на поединкѣ, слѣдствіи опцовскаго ослѣпленія, играна г-жею Менье. . . нѣтъ! не иг-

рана: это была въ самомъ дѣлѣ добрая, нѣжная, лучшая изъ матерей — съ перваго слова до послѣдняго! Невѣсту играла г-жа Альфредъ съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ, живостию и ловкостию. Маленькій Менъе съ большимъ дарованіемъ игралъ роли свои въ обѣихъ пьесахъ.

Нѣкоторыя сцены сей комедіи заимствованы, кажешся, изъ Лагарповой *Мелани* и Расинова *Британика*. Она не понравилась публикѣ, вообще предпочитающей моральнымъ пьесамъ шакъ называемыя *Имброглио* — комедіи съ переряженіями, съ припворствами, съ сокрытіемъ пола, съ напьянуемыми ошибками, съ длинными ночными сценами, съ плутовствами слугъ и проч. и проч. Да это по главному пункту, развязкѣ, и не комедія, а драма; но какъ главный пунктъ романтическихъ произведеній состоить въ Вавилонскомъ смѣшеніи языковъ: по она и не получила надлежащаго имени. . . . О Леди Морганъ! . . .

За то уже Monsieur Vautour ушѣшилъ хоть какую публику; а особливо если будетъ играть и одѣтъ шакъ, какъ г-нъ Газъ, смѣшившій до крайности и тѣмъ и другимъ. — Сверхъ упомянутыхъ актеровъ, играли въ семь водевилѣ г-жа Александрина и г-нъ Бризаръ — и всѣ были чрезвычайно забавны даже для избраннаго общества, которое большею частію составляло зрителей сего спектакля.

Парижскія моды.

Драгоценныя вещи. — Всѣ Рускія дамы обратили вниманіе свое на открытіе драгоценнаго камня въ Уральскихъ горахъ. Сей камень въ родѣ граната, но прозрачнѣе, прекраснаго изумруднаго цвѣта, и названъ *Уваровитомъ*; сказываютъ, что онъ имѣетъ удивительный блескъ.

Шляпки. — Тулья очень наклонена къ запылку. Банты изъ леншъ, на сихъ шляпкахъ имѣютъ длинные и ровные концы, упадающіе почти до плечь.

— Соломенные прозрачныя шляпки подбиваются розовымъ или палевымъ крепомъ; съ боку одинъ цвѣшокъ.

— Шляпки изъ пальдери (paille de riz) дѣлаются нѣсколько обширнѣе другихъ; внутри поля украшены цвѣтами: что очень красиво для шляпокъ, наклоненныхъ назадъ.

Трауръ. — Шляпки черныя креповыя или объяринныя съ маленькими полями, какія нынѣ въ модѣ. Съ боку баншъ изъ газовыхъ леншъ; одно перо, или одинъ цвѣшокъ. — вошь все украшеніе сихъ шляпокъ. — Шляпки-капоты изъ черной объяри à la bibi окружаются иногда широкою черною блондою.

Изъясненіе картинки при семь No.

Шляпка изъ пальдери. Реденготъ изъ органди.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечаташи, были представлены въ Ценсурной Комитетъ три экземпляра. Москва. Мая 28 го дня, 1832 г.

*Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ
и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.*

1852.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Аббатство въ лѣсу.

Есть такія мирныя убѣжища, до копорыхъ не касается и самое вліяніе времени, равно какъ и полишическія потрясенія. Есть госпепріимныя обипели, ознаменованныя мирными, священными воспоминаніями, передъ копорыми не разъ угасало пламя, гошовое поглотишь ихъ; не разъ опускался мечъ, долженспвовавшій разрушить ихъ древнія спѣны. Буйный вихрь революціи не имѣлъ пагубнаго вліянія на нихъ, и Днѣпровскій казакъ не нарушилъ ихъ священнаго спокойспвія. Парижъ еще можетъ гордиться подобными зданіями, уваженными временемъ и людьми; въ особенноти извѣстнымъ *Аббатствомъ въ лѣсу* (Abbaye au bois).

1812 Года я должна была ѣхать къ водамъ въ Савойю. Не желая оставишь дочерей своихъ попеченію молодой надзирапельницы, я вознамѣрилась отпрасть ихъ въ монастырь на время моего отсутствія; и такимъ образомъ осмошрѣла весьма многія подобныя заведенія, искавши лучшаго, чшобъ ввѣришь споль для меня драгоценныя существа. Въ то время Императоръ предоставилъ большую свободу заведеніямъ сего рода; но со всѣмъ шѣмъ мои поиски оставались тщешными. Между шѣмъ одна изъ моихъ пріятельницъ привезла меня къ высокой оградѣ монастыря и сказала: „Здѣсь вы найдете все, чего желаете.“ Эшо было *Аббатство въ лѣсу*. Мы идемъ по обширному двору; наконецъ передъ нами отворила низенькую дверь женщина пріятной физіономіи; спутница моя назвала ее *сестрой Маріей* и объявила ей желаніе видѣшь г-жу Наварръ. Мы прошли черезъ садъ, копорый въ то время былъ пущь; ибо воспитанницы находились въ классахъ, и мы вскорѣ вошли въ небольшую госпиную, куда не замедлила явиться и госпожа Наварръ, главная начальница сего заведенія.

Г-жа Наварръ, высокая и стройная женщина, была, вѣроятно, въ молодости одною изъ красавиць (*). Съ перваго взгляда ея физіономія покажется не много строгою, но попомъ на ея спокойныхъ чертахъ видишь только глубокой отпечатокъ минувшихъ горестей. Душевное спраданіе, однажды оставивши бѣдспвен-

(*) Аббатъ Н. . . ., впрочемъ очень набожный человекъ, говорилъ однажды: „Когда г-жа Наварръ гуляетъ въ саду съ своими святыми сестрами, то эшо совершенная Калипсо посреди своихъ Нимф.“

ный слѣдъ свой на лицѣ , никогда не изглаживается , каково бы ни было въ послѣдствіи счастье наше.

Хотя я и видѣла въ Испаніи монахинь во всей ихъ пышности ; но г-жа Наварръ удивила меня вкусомъ своего одѣнія. Длинное черное платье имѣло на ней всю прелесть блуза à la Valièге, копорые были тогда въ модѣ. Изъ-подъ широкихъ рукавовъ часто показывалась прекрасная рука , чшобъ опкинуть вуаль , или играшь пунцовой лентою , на копорой висѣло большое серебряное сердце.

Г-жа Наварръ была умная женщина и до-спойная начальница сего заведенія. Она показала намъ всѣ достопримѣчательности монашья , заключавшаго въ себѣ тогда около пятидесяти пансіонерокъ. Но въ то время *Аббатство въ лѣсу* со всѣми своими богатыми принадлежностями , обширными садами , гдѣ играють молодыя дѣвушки различныхъ возрастовъ съ алыми щеками , съ невинными взорами , — *Аббатство въ лѣсу* было извѣстно единственно какъ священная обитель , копорой цѣлое семейство можетъ смѣло вручить всю свою будущую надежду. Теперь уже все не то. *Аббатство въ лѣсу* стало извѣстно всѣмъ классамъ людей. Прикажише везти себя въ сіе *Аббатство* и вы увѣрены , что не будете васъ спрашивать , по какой улицѣ ѣхаетъ. Провинціалъ , имѣющій рекомендательное письмо съ надписью : *Аббатство въ лѣсу* , показываетъ ее кучеру своего кабриолета — и покоенъ ; ибо вѣрно будете привезенъ въ Севрскую улицу , ведущую къ Аббатству ; и потому , кто не найдетъ дороги въ оное , можно опвѣчать такъ , какъ опвѣчала Дюшесса Крюсаль одному Англичанину , искавшему hôtel d'Usey :

М. г., онъ находится въ улицѣ Монмартъ подлѣ лавочки, гдѣ продаются каштаны.

Но отъ чего произошла въ споль короткое время такая извѣстность? — Вы увидите на самомъ верху зданія маленькое окошечко. Это одно изъ небольшихъ жилищъ Аббашсва, и въ этой-то комнатѣ родилась слава его. И мудрено ли, когда всѣ классы людей знали, что шамъ для бѣднаго гошова помощь, для несчастнаго утѣшеніе; что шамъ одно магическое слово смягчало всѣ горести, приносило опраду всѣмъ бѣдсвіямъ? Заключение въ темницу Кудеръ и видѣвшій неизбежную участь свою — погибнуть на эшафотѣ, чьего искалъ сожалѣнія? „Поди къ г-жѣ Рекамье,“ говорилъ онъ брату своему „скажи, что я невиненъ передъ Богомъ... она повѣришь.“

Братъ, блѣдный, препенущій, входилъ ночью къ г-жѣ Рекамье въ эту самую комнату, откуда за минушу передъ тѣмъ вышелъ Машвѣй Монморанси, который всѣ вечера проводилъ съ этой несравненной женщиной, поддерживающей въ немъ всю бодрость духа, споль необходимую для него съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ управлять кормиломъ корабля посреди не совсемъ безопаснаго плаванія. Г-жа Рекамье знаетъ всю доброшу сердца Монморанси, и потому подаетъ надежду брату осужденнаго: на другой день съ восходомъ солнца отправляется къ Миниспру; изъясняется съ другомъ своимъ, но, какъ Миниспръ, онъ уважаетъ законъ и не соглашается на просьбу г-жи Рекамье; она не настаиваетъ; ибо видитъ, что другъ ея отказываетъ ей, дѣйствуя согласно съ обязанностями. „Я не думала о законѣ,“ говоритъ г-жа Рекамье. . . . а хошѣла поступишь, какъ предписы-

ваешъ правило милосердія — спаси несчастнаго.“ Кудерь былъ спасенъ; и эшафопъ поглотилъ одну славную жертвою менѣ.

Эта маленькая келья, гдѣ нашла покойствіе женщина, пользовавшаяся болѣе нежели Европейскою извѣстностью, есть загадка для ума человѣческаго. Обыкновенно свѣтъ скоро забываетъ людей, удалившихся отъ шума его; онъ поступилъ иначе съ г-жею Рекамье, которая среди веселій внимала болѣе гласу горести, нежели удовольствія. Маленькая комната въ прешемъ эшажѣ Аббашсва въ лѣсу содѣлалась не только любимую цѣлью друзей г-жи Рекамье; но какъ бы волшебною силою: искавшіе входа въ блистательныя зámки Аншенской улицы равномерно спарались бытъ принятыми въ сей кельи. Тамъ они находили болѣе любопытнаго, нежели во всѣхъ рѣдкосяхъ Парижа; тамъ множество мнѣній соединилось подѣ одно знамя, и все это на пространствѣ десяти аршинъ; тамъ Виконтъ Шабобріанъ рассказывалъ Бенжамену Констану чудеса Америки; тамъ всѣ были внимательны другъ къ другу и ничего не было забыто въ сей единственной кельи.

Г-жа Рекамье, не поспигавшая дружбы безъ пожертвованій, послѣдовала за г-жею Спаль въ изгнанье; семь лѣтъ находилась между нею и опечесвомъ преграда, воздвигнутая желѣзною властію непреклоннаго человѣка. Во все время пребыванія *Коринны* въ Коппешъ другъ ея приносилъ ей большое утѣшеніе. Но насталь день разлуки, и г-жа Рекамье получила печальное дозволеніе жить на своей родинѣ.

Въ то время я находилась въ Э (Aix), и какъ ни было велико мое желаніе видѣшь дѣшей, но со всѣмъ тѣмъ хотѣла посѣшить Ліонъ и видѣшь

изгнанницу. Въ эшомъ желаніи нѣтъ никакого особеннаго достоинства; ибо всѣ ея друзья: Лаваль, Машвѣй Монморанси, Капеланъ, Камиль Жорданъ, ѣздили нѣсколько разъ изъ Парижа въ Ліонъ.

Я остановилась въ гостинницѣ Европы, гдѣ жила и г-жа Рекамье. Она занимала большую комнату, служившею госпоиной и спальней. Вхожу въ эту комнату, слабо освѣщенную одною лампою, копорая бросала мерцающій отблескъ на лицо, все еще обворожительное, г-жи Рекамье; на эту мину я ничего не находила сказать этой женщинѣ, копорую называли въ преню и щеславною, но копорая представилась мнѣ тогда поржествующею своими душевными силами надъ свергнувшими ее въ океанъ бѣдствій.

Я нѣсколько удивилась, нашедши г-жу Рекамье весьма просто одѣтую: бѣлое платье, черепаховый гребень, поддерживающій волосы — вошь весь нарядъ ея. Признаюсь, я ожидала, что опъ скуки она займется собою гораздо болѣе, и даже сказала это ей самой; она горесно улыбнулась и отвѣчала: *»Я никогда не скучаю; жду писемъ опъ моихъ друзей, отвѣчаю имъ. . . думаю о нихъ. . . ; и когда испощаешься бодрость, я плачу. . . Вы видите, что мнѣ нѣкогда соскучиться. . . «*

И слѣды недавныхъ слезъ подшверждали слова ея.

Когда пушеводимая воспоминаніями, я избрала Аббашство въ лѣсу своимъ убѣжищемъ, то г-жа Рекамье не жила уже въ маленькой комнатѣ прешьяго эшажа, а имѣла лучшее жилище, въ копоромъ снова собирались ея друзья, и гостинная Аббашства въ лѣсу снова явилась свя-

тилищемъ , гдѣ съ благоговѣніемъ внимали пѣ-
щическому гласу генія. Шабобріанъ видѣлъ се-
бя въ кругу соревнователей славныхъ учени-
ковъ своихъ ; ихъ было не много , и имена Ла-
марпина и Вильмена занимають первое мѣсто.

Г-жа Жанлисъ посѣщала иногда сіи литер-
атурные вечера въ Аббатствѣ. Не за долго
до смерти она пробыла тамъ пять часовъ сря-
ду , слушая безпрестанно хорошіе и дурные
стихи , съ необыкновеннымъ шурѣніемъ , и была
равно для всѣхъ привѣплива.

Въ семь Аббатствѣ есть и другія мѣста ,
гдѣ собираюшся Музы. Это у Графини Гом-
фѣль (Hautefeuille), назначившей имъ новое убъ-
жище съ шѣхъ поръ , какъ поселилась въ Аббат-
ствѣ. Тамъ г-нъ Анперъ , человекъ съ обшир-
ными познаніями , чиналъ опривки о законахъ ,
нравахъ и литературѣ Скандинавцевъ ; въ дру-
гое время рассказывалъ намъ уморительныя
сказки съ веселостью и остроуміемъ ; смѣялся и
засмѣивалъ насъ смѣясь шакъ , какъ смѣява-
лись вспарину ; Дюга Монбель , который
прославился учеными изысканіями о Гомерѣ ,
ушверждая что онъ никогда не существовалъ.
Тамъ же часно находился молодой человекъ вы-
сокаго роста , съ насмѣшливою улыбкою , въ раз-
говорѣ нѣсколько колкій ; это Сен-Маркъ Жирар-
дъ. Далѣе вы увидѣли бы человека со спро-
гою фізіономіею , съ блестящимъ умомъ , воору-
жившагося крипикою пропивъ всего *посред-*
ственнаго ; но не смотря на важный , хотя са-
тирической умъ свой , онъ съ воспоргомъ чи-
паетъ прелесныя произведенія Андрея Шенье.
Это Деладушъ.

Посреди этой группы не рѣдко находился
Баронъ Гумбольдтъ , котораго одно имя заклю-

чаешь въ себѣ уже всѣ похвалы. Пошомъ Друино, который доставлялъ намъ весьма пріятныя минушы чпеніемъ своего *Донъ - Жуана*. Пошомъ молодая дѣвушка лѣшь осмнадцать, съ невиннымъ взглядомъ, съ живыми, огненными глазами, дочь Сѣвера, Элиза Меркёръ, кошорой едва исполнилось шеснадцать лѣшь, какъ уже она чишала у г-жи Рекамье свою прекрасную прагедію: *Абенсерагв*. Еще бывалъ одинъ доспопримѣчательный молодой человекъ. Чшо за черные блестящіе глаза! Чшо за выразительная улыбка! Во взглядѣ его ешь какое-шо презрѣніе, хипросшь и повелительность, но однако же онъ пріятенъ въ обращеніи. Эшомъ молодой человекъ — Бальзакъ; ему шолько придцашъ лѣшь, но уже перо его произвело множество сочиненій, нѣсколько спранныхъ, но заключающихъ въ себѣ высокія красоты. Подлѣ другаго молодаго человекъ сидѣла прелестная молодая женщина: эшо жена его, г-жа Ленорманъ, племянница и воспитанница г-жи Рекамье; бѣлокрыя букли, лилейное чело, шалья Сильфиды: все напоминало мнѣ въ г-жѣ Ленорманъ — Жерарову *Психею*. Г-жа Ленорманъ умная, прелестная молодая женщина, и самая нѣжная изъ машерей. Она и мужъ ея радуешь мое сердце щасшіемъ своимъ; всякой, увидѣвши ихъ, скажешъ: „Они любяшь другъ друга; они щаспливы!“

Воспоминаніе • Жераровой Психеѣ перенесло мое воображеніе къ его произведеніямъ, кошорымъ обладаетъ Аббашство въ лѣсу. Я не разъ восхищалась каршиною сего художника, предспавляющею Коринну, когда она импровизируешъ, и всякій разъ приношу ей должную дань удивленія. Лице молодой Ишальянки меня плѣняешъ. Все въ ней дышетъ жизнію. . . .

Рука, держащая лиру, кажется сей часъ готова извлечь изъ нея обворожительные звуки. Посмотрите на эготъ полуоткрытый ротъ, на глаза, нѣсколько влажные: все лице ея ознаменовано печашью молодости, силы и генія.

Г-жа Спаль, душою постигавшая всѣ тайнства, не вымышляла дивнаго характера Коринны, но только что писала. Госпиная г-жи Рекамье украшается поршретомъ г-жи Спаль. Прекрасные глаза! въ нихъ отражается испина, о которой я сказала. . . . И какой вдохновенный взглядъ!

Однажды, прошивъ эгаго поршрета, сидѣла молодая женщина и читала стихи: опрывки изъ *Магдалины*, поэмы своего сочиненія; и читала пріятно, хошя нѣсколько тихо и глухо. Это была Дельфина Ге, которая нравилась, восхищаетъ.

Кромѣ обыкновеннаго общесва г-жи Рекамье, въ эготъ вечеръ собралось у нея множество гостей; всѣ занимающіеся науками и изящными искусствами спеклись слушать Дельфину Ге. Прислонясь къ дверямъ, споялъ Шатобріанъ, успремивши на прелестную юную Музу взглядъ, которымъ она должна гордиться; но который могъ привести ее въ робость, тогда какъ другой свидѣтель, равно грозный, смотрѣлъ неподвижнымъ взоромъ и внушалъ невольное благоговѣніе: это поршретъ г-жи Спаль, которая, вѣроятно, присутствовала бы въ эготъ собраніи, если бы продолжила жизнь ея.

Герцогиня Абрантесская.

(Изъ *Cent et Un K — a H — я Ш — a.*)

А л ь б о м ъ.

Предсѣдатель N. . . . сидя за спаканомъ пунша, сдѣлалъ слѣдующее философическое сравненіе супружества. »Супружество« говорилъ онъ »чрезвычайно похоже на пуншъ: мужъ — ромъ; жена — лимонъ; сахаръ — приданое; что же касается до любви, по это горячая вода, которую должно пить скорѣе, чтобы не проспыла.

»Здравствуйте, г-нъ Исправникъ! давно мы не видались. Я слышалъ, что и васъ постигла холера морбусъ.« Я имѣлъ — опивчалъ Исправникъ — только морбусъ; но жена моя и теперь спрадаешъ холерою. —

Въ Англійскомъ Курьерѣ, между прочими объявленіями, помѣщено слѣдующее: »Извѣстная молодая вдова продаетъ за весьма сходную цѣцу сороку и обезьяну, какъ болѣе уже ей не нужны, ибо она вышла за - мужъ.«

Л ю б о в ь

Рождаешся въ глазахъ,
Созрѣваетъ въ головѣ,
А умираешъ въ сердцѣ.

Н е н а в и с т ь

Рождаешся въ сердцѣ,
Созрѣваетъ въ глазахъ,
А умираешъ въ головѣ.

Невѣрная жена похожа на испорченныя часы, которые спрѣлкою показываютъ 6, а бьютъ 12.

Нѣкоторые члены А. К. годятся единственно на то, чтобы замѣнили печатку въ газетахъ и журналахъ.

Антоній Шиланскій.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Э К С П Р О М Т Ъ

Князь А. Д. Абомеликъ.

Нашъ Пушкинъ, Вяземскій, Козловъ
Тебя осыпали поэзіи цвѣтами.

Что послѣ нихъ сказать? не нахожу я словъ!

Скажу простыми лишь стихами:

Твой умъ и твой талантъ даютъ тебѣ вѣнецъ! . . .

И это судъ сердцецъ!

Метатель.

С о ю з ъ д у ш ъ .

М а р і и .

Ничто не разлучитъ меня съ твоей душой!

И живь, живу и буду жить тобой.

И тамъ за голубымъ эиромъ,

Гдѣ новымъ насладимся міромъ;

Гдѣ прахъ забудь земной,

Земные сбросивъ узы:

И тамъ душевные не рушатся союзы;

Душой найду тебя и тамъ.

Въ безсмертій души порукой — горестъ намъ.

Богъ міра правъ: Онъ скорби посылаетъ

И радостный чертогъ надежды отвергаетъ.

Любовь Его, любовь къ Нему

Упрочиваетъ жизнь и бытіе всему.

Пусть плѣнное въ могилѣ исплѣваетъ,

Душа живетъ; любовь не умираетъ.

Метатель.

С М Ъ С Ъ.

Французскій театръ.

Дебюють г-на Герве и г-жи Анны, 13 Мая.

Театральная Дирекція, вѣроятно, предвидѣла, что сей дебюсъ не будетъ имѣть большой магнншной силы, и пошому назначила для онаго Малый Театръ, который все еще былъ довольно проспоренъ для публики, занявшей его.

Представлены: водевиль L'Ambassadeur, въ кошоромъ г-нъ Герве игралъ роль *Сен - Жана*; комедія La Maison en loterie, въ кошорой г-жа Анна играла роль *Туанетты*, и водевиль Jovial, въ кошоромъ г-нъ Герве игралъ роль *Жовіалл*.

Сии арписпы привезены актеромъ Московской Французской прруппы, *Карономъ*, а эшо и подало случай къ шушкѣ, сказанной по окончаніи первой піесы, что „Харонова барка перевезла къ намъ. . . пѣни.“ Но забавный каламбуръ бываешь иногда печальною истиною! Г-нъ Герве въ роли *Ланея*, напрімѣръ, тѣнь нашего незабвеннаго, единственнаго *Сандунова*: быспръ, ловокъ; но какъ - шо не довольно свободенъ, хошя до излишеспва воленъ съ своимъ господиномъ (*); не имѣешь какой - шо особенно симъ лицамъ свойспвенной *пріятности*. За шо лицо *Жовіалл* одушевляешь новымъ арписстомъ, какъ новымъ Прометеемъ: каждое движеніе, каждый взглядъ — поржешшо автора, изобрѣпшаго сей бѣсовскій характеръ. Многіе опдали

(*) Т. е. Посланникомъ, который, правду сказать, и не заслуживалъ большаго уваженія въ лицѣ Филибера, игравшаго эшу роль множество разъ и не знавшаго твердо почти ни одного слова изъ оной, даже изъ *бумагъ*, имъ *гитанныхъ*.

г-ну Герве преимущество въ сей роли передъ Дюфуромъ : не бездѣлка ! но по нашему мнѣнію, сей послѣдній играетъ эту роль *благороднѣе*.

Мы замѣтили въ дебюшаншѣ особенный даръ — смѣяться : совершенство механическаго искусства ! но въ то же время *глаза* Момуса оспаются *неизмѣнными* : опъ эшаго человекъ кажется совершенною машиною.

По окончаніи спектакля Жовіаль вызванъ публикою, копорая вообще была весьма довольна имъ.

О г-жѣ Аннѣ мы готовы сказать съ Йорикомъ : „Такая маленькая. . .“, но куда воздерживаемся договорить : „и такая миленькая !“ хотя она и казалась намъ такою. Надобно видѣть *болѣе одного раза*, чшобы судить рѣшительно ; иначе легко погрѣшить. Касательно пѣнія, смѣло и кспаци можемъ уподобить ее — канареечкѣ.

Но вопъ еще замѣчаніе другаго рода и почти невольное : домъ, разыгрываемый въ лоперею (maison en loterie), такъ спаръ и запачканъ, чшо, кажется, не могъ составить ни чьей фортуны ; и хотя другой, находившійся прошивъ него, былъ еще хуже, но все не придалъ красы первому.

ИЗВѢСТІЯ.

Новыя музыкальныя изданія г-на Кашина.

Любители опечествленной музыки весьма давно знакомы съ сочиненіями Д. Н. Кашина. Поспигши болѣе многихъ арписшовъ истинное достоинство Рускихъ народныхъ пѣсень, онъ первый обратилъ на нихъ вниманіе, копорое онъ вполнѣ заслуживающъ ; первый писалъ для незабвенной нашей пѣвицы, Е. С. Сандуновой,

паршиціи изъ народныхъ пѣсень. Кому не памятны сочиненія его на мошивы Рускихъ народныхъ пѣсень: *Я не знала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить; Ахъ, дѣвица, красавица; Чернобровой, черноглазой; Рукавичка*, и другія? Кто искренно не рукоплескалъ, слыша совершенное исполненіе сихъ сочиненій? — Очень недавно, именно года за два предъ симъ, двѣ знаменитыя пѣвицы, гостыя наша Зоншагъ, и наша Руская Шоберлехнеръ, порадовали Пешербургскую публику, пропѣвши вмѣстѣ одно изъ лучшихъ и новѣйшихъ сочиненій г-на Кашина: дуэшь для двухъ соргапо, съ хоромъ пѣвчихъ и аккомпанированіемъ оркестра, на двѣ Рускія пѣсни: *Лучина, лучинушка березовая*, и *Вдоль по улицѣ молодець идетъ*. Думаемъ, не нужно ничего говорить о томъ, что уже каждому любителю музыки извѣстно. Скажемъ лишь мимоходомъ, что г-жи Зоншагъ и Шоберлехнеръ цѣнили вполне достоинство сего дуэта; по ихъ распоряженію онъ напечатанъ въ Пешербургѣ съ акомп. фортепьянъ, и шѣмъ сдѣлали сколько неожиданный, сполько и пріятный подарокъ Автору.

Какъ не сказать нѣсколько словъ о новыхъ трудахъ г-на Кашина? Кто изъ истинныхъ цѣнителей его произведеній и достоинства Рускаго народнаго пѣнія не полюбопытствуетъ узнать о томъ?

Г-нъ Кашинъ весьма въ скоромъ времени передастъ любителямъ опечесшвенной музыки слѣдующія свои сочиненія изъ Рускихъ народныхъ пѣсень, ни въ напѣвахъ, ни въ украшеніяхъ, ни въ хорахъ, ни въ оркестрѣ не измѣнившихъ Рускому спилу.

Онъ сосшоашъ въ 4хъ паршиціяхъ.

1. Упомянутый дуэтъ: *Лучина, лучинушка*, и *Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ*, для двухъ соргапо, пѣтый господами Зоншагъ и Шоберлехнеръ, съ акомп. хора пѣвчихъ и оркестра.

Вновь сочиненныя :

2. *Молодка, молодка молодая*, для одного соргапо, съ акомп. хора пѣвчихъ и оркестра. Писанъ для г-жи Шоберлехнеръ.

3. *Не бѣлы снѣги во чистомъ полѣ забѣлѣлися* и *Соловей, мой соловей*, для одного соргапо, съ хоромъ пѣвчихъ и оркестра.

4. *Вылетала бѣдна птичка на долину и Дѣвицы красавицы* (слова А. С. Пушкина). Музыка писана для г-жи Зоншагъ.

Сверхъ того, всѣ упомянутыя сочиненія, кромѣ перваго нумера, особо положены для одного голоса съ акомп. фортепьяно.

Г-нъ Кашинъ написалъ многія Русскія пѣсни съ варіац. и для фортепьяно; онъ, вѣроятно, извѣстны любителямъ народной мелодіи, отъ которой г-нъ Кашинъ не удалялся ни въ какихъ украшеніяхъ, но которую старался облагородствовать; что касается до его дуэта: *Лучина, лучинушка березовая*, и *Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ*, то Государыня Императрица, слышавшая въ Петербургѣ сей дуэтъ, пѣтый г-жами Зоншагъ и Шоберлехнеръ, изволила спросить въ Москвѣ у нашихъ знамениышхъ пѣвицъ, не поютъ ли онѣ эшаго дуэта, который и былъ ими пѣтъ въ присутствіи Ея Величества.

Вмѣстѣ съ симъ для насъ весьма пріятно сказать предварительно, что г-нъ Кашинъ намѣренъ въ непродолжительномъ времени издашь Русскій народный пѣсенникъ, для одного голоса и фортепьяно, шакъ что и непроходившій школу пѣнія легко познакомятъ съ напѣвами лучшихъ народныхъ пѣсенъ по обработаннымъ нопамъ для

форшепьяно, ш. е. ихъ можно будетъ и пѣшь съ форшепьянами и играшь безъ пѣнія. Въ Россіи были подобныя изданія; но можно ручаться, что собраніе пѣсенъ г-на Кашина, долге имъ занимавшагося, будетъ почно *Руское*.

Цѣна за каждую паршицію по 20 р., а съ аккомп. форшепьянъ по 5 р. ассиг. Иногородные благоволяшь прилагать на пересылку означенныхъ сочиненій: съ аккомп. хора пѣвчихъ и оркестра за 3 ф., съ аккомп. форшепьянъ за 1 ф. Г-нъ Кашинъ живеть въ домѣ Г-на Львова проживъ Новинскаго монастыря.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Подъ шляпки, съ нѣсколькими большими и расширенными (evasées) полями накалывается лента племешкомъ, которая идетъ по лбу. Это очень пристало ко всякому лицу. Концы племешка сходятся подъ завязкою (mentonnière) изъ блондъ.

Большая часть шляпокъ - капотовъ палеваго цвѣта.

— Многія соломенные сквозныя шляпки (à jour) украшаются съ боку банпомъ (poeud) изъ бѣлыхъ гладкихъ лентъ съ длинными концами, упадающими къ уху.

— Ненарядныя пелерины изъ жакона дѣлаются съ длинными мысами, идущими крестъ - накрестъ подъ поясомъ съ другою круглою пелериною сверхъ пояса; воротникъ четвероугольный опложной; самая же пелерина (le fond) вырѣзывается острыми зубчиками, съ подбоемъ изъ жакона: что чрезвычайно красиво.

И з ѣ я с н е н і е к а р т и н к и п р и с е м ѣ N o .

Платье объяринное. Шляпка и канзу изъ вышитаго шюля. Щиблешы изъ вышитой объяри.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по ошпечашаніи, были предшавлены въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Юня 6 го дня, 1832 г.

Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Советникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

1852.

Парижскія Мода.

№24.

Дальскій Журналъ.

САМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

Госпожа Малибранъ.

Марія Малибранъ, родившаяся въ Парижѣ 1809 года, есть безъ сомнѣнія одна изъ знаменитыхъ пѣвицъ своего времени, и лучшая ученица отца своего, Гарсія, хорошаго тенора, и извѣснаго учителя пѣнія. Увѣряюшъ, что ему надлежало употребить всю твердость и даже строгость, чтобъ внушить ученицъ своей склонность къ сему искусству, копорымъ шеперь она обладаетъ въ высшей степени совершенства. Только на 13 году дочь начала соопвѣшествовать стараніямъ и усиліямъ отца своего.

Достигши пятнадцати - лѣтняго возраста, она съ своими родителями находилась въ Лондонѣ, гдѣ сіе музыкальное семейство привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе; ибо отецъ, мать, сестра и

братъ ея, Мануиль Гарсія, превосходные виртуозы. Однажды юная Марія должна была, совсѣмъ неожиданно, взять на себя роль Примадонны и играть Розину въ *Barbiere di Siviglia*. Хотя она знала всѣ аріи сей оперы, но пѣть не менѣе знатоки музыки взирали съ особеннымъ удивленіемъ на ея прекрасный талантъ и на искусство, съ которымъ она выдержала свою трудную роль. Блестящій успѣхъ увѣнчалъ ея дебютъ. Вскорѣ была возложена на нее роль Фелиціи въ *Scioiato in Egitto*, въ которой особенно она пѣла превосходно сіе извѣстное пріо: *giovinetto cavaliere*.

Чрезъ нѣсколько времени она поѣхала съ опцомъ въ Нью - Йоркъ, гдѣ играла съ большимъ успѣхомъ роль Малькольмы въ *Donna del Lago*, Дездемоны въ *Otello* и многія другія. Сказываютъ, что отецъ ея, занимавшій роль Венеціанскаго Мавра, былъ очень недоволенъ, на репетиціи, холодною игрою дочери и поклялся, что при развязкѣ піесы, когда Мавръ долженъ заколотъ свою невѣрную жену, онъ вонзитъ кинжалъ въ грудь дочери, если она не придастъ болѣе души игрѣ своей. Сіи угрозы, отъ столь суроваго отца, произвели сильное впечатлѣніе на молодую актрису, которая сыграла тогда восхищительно и которую послѣ представленія отецъ, въ упоеніи, осыпалъ похвалами и ласкою.

Вскорѣ г-нъ Малибранъ, почитавшійся богатѣйшимъ банкиромъ, предложилъ руку молодой каншприсѣ; это было въ Нью-Йоркѣ же. Г-нъ Малибранъ по лѣтамъ своимъ могъ бытъ опцемъ ея; но богатство, которымъ онъ обладалъ, изгладило нѣкоторымъ образомъ неравенство сего союза. Бракъ совершился и г-жа Малибранъ оставила сцену. Вскорѣ мужъ ея совер-

шенно разорился; даже говорили, что онъ предвидѣлъ это бѣдсвѣе еще въ то время, когда сватался за дѣвицу Гарсію, въ надеждѣ что талантъ будущей супруги вознаградитъ важныя потери его по части торговли. Но мы не подтверждаемъ сихъ слуховъ, которые однакожь распространились повсюду.

Г-жа Малибранъ снова вступила на театр. Заимодавцы мужа ея препятствовали уплатѣ надлежащаго ей жалованья; наконецъ несогласія, происшедшія между супругами, заславили ихъ развестись.

1827 Года г-жа Малибранъ возвратилась въ Парижъ, гдѣ провела юность свою. Ея пріѣздъ восхищилъ всѣхъ любителей музыки, въ особенности общество Графини Мерони, которая, распространяя возрастающую славу сей молодой виртуозки, много способствовала къ ея принятію на Итальянскій Театръ, гдѣ было ей назначено 50,000 франковъ жалованья, кромѣ бенефиса. Если въ операхъ она боялась нѣсколько соперничества съ г-жею Зонгагъ и воспоминаній о гжѣ Фодоръ, то вскорѣ могла занимать первыя роли въ комедіяхъ и трагедіяхъ. Каждое новое представленіе, новая роль служили поводомъ для г-жи Малибранъ. 13 Апрѣля, въ роли Дездемоны, она истинно превзошла самоѣ себя. Нѣсколько дней потомъ она явилась въ *il Barbieri di Siviglia* и прекрасный костюмъ Розины придалъ ей еще болѣе прелестей.

Относительно костюмовъ г-жа Малибранъ произвела большую перемену на Итальянскомъ театръ, гдѣ сія часть искусства была пренебрежна. Г-жа Малибранъ въ Розинѣ явилась молодою дѣвушкою живою, рѣзвою, невинною, хотя нѣсколько хитрою; она шѣмъ болѣе про-

извела впечатлѣнія неожиданнымъ преобразованіемъ Розины, что напрошивъ пого Дездемонѣ придала характеръ болѣе спраспный и болѣе меланхолическій. Отличительная черта ея искусства есть безъ сомнѣнія удивительная гибкоость, и разнообразіе въ совершенно противоположныхъ роляхъ.

Г-жа Малибранъ также создала, можно сказать, необыкновенный характеръ въ роли Ченереншолы. 24 Іюня она явилась на сцену въ послѣдній разъ и играла Дездемону.

Эншузіазмъ, произведенный ею, былъ такъ великъ, что ее вызвали на сцену, когда опустилась занавѣсъ; весьма знаменитыя особы присоединились ко всеобщему изъявленію восторга; вѣнки и цвѣты посыпались на сцену со всѣхъ сторонъ. Такимъ же образомъ г-жа Малибранъ снова была увѣнчана въ свой бенефисъ черезъ недѣлю послѣ сего, 2 Іюля. Она пошсмъ еще разъ играла въ роли Дездемоны, и не взирая на смущеніе, произведенное въ ней леспнымъ пріемомъ публики, явилась равно поржествующею, особенно въ неподражаемомъ финалѣ втораго акта. Подъ каской Танкреда она сыграла роль сего героя съ пламеннымъ чувствомъ, приличнымъ трагедіи.

Нынѣшнюю зиму дебюпировалъ братель г-жи Малибранъ, Мануиль Гарсія, но онъ имѣлъ слабый успѣхъ. „Въ этомъ семействѣ“ шушя говоритъ одинъ журналистъ „вся слава назначена женскому роду, а не мужескому.“ И такъ г-жа Малибранъ являлась на сцену всякой разъ съ новымъ поржествомъ искусства; и такимъ образомъ ушѣшала публику въ потерю г-жи Зоншагъ, похищенной изъ Парижа къ одному Сѣверному Двору, погда какъ Новый Свѣтъ по

щасію возвратилъ намъ г-жу Малибранъ и Гарсіа, отца ея.

25 Декабря давали оперу: Gasza Ladga, и г-жа Малибранъ еще разъ должна была появиться по вызову публики послѣ спектакля. 22 Декабря она имѣла успѣхъ не менѣе блистательный въ бенефисъ Гарсіа, отца своего, возвратившагося изъ Мексики. 3го Января 1830 года она вмѣстѣ съ г-жею Зонпагъ играла въ бенефисъ г-жи Даморо - Цинци. Онѣ всѣ при явились во второмъ актѣ Matrimonio segreto и пѣли знаменитое прію, въ которомъ съ порожествомъ оказали блестящіе таланты свои. Соединеніе сихъ прехъ голосовъ, равно чистыхъ, равно сильныхъ, произвело необыкновенное впечатлѣніе на слушателей. Не смѣли дышать; но попомъ раздался громъ рукоплесканій. Трію повторилось и сіи при славныя пѣвицы были увѣнчаны цвѣтами. Но сіе знаменитое соперничество вскорѣ прекратилось: въ 1830 году Января 8го г-жа Зонпагъ предоставила г-жѣ Малибранъ господство на Ипальянской сценѣ, а сама удалась.

Ни одна канпаприса не производила столь сильнаго восторга, какъ г-жа Малибранъ, попому что никогда Ипальянская опера не оживлялась столь натуральною и пѣнищельною игрою. Самые кришики, находящіе что г-жа Малибранъ увлекается романпизмомъ и усиливаетъ свои роли, въ свою очередь увлекающія прелестію ея игры и она приводитъ въ восторгъ шѣхъ, которые замѣчаютъ ея недосмашки. . . . когда опущена занавѣсъ.

(Изъ Р. С. д. D. К — а Н — я III — а.)

А л ь б о м ъ .

Давно, очень давно мы не имѣли удовольствія читать такого разбора, какой напечатанъ въ 114 и 115 нумерахъ Сѣверной Пчелы. Дѣло идетъ о *Ермакѣ*, Трагедіи г-на Хомякова — и дѣло по липшерашурѣ весьма важное: ибо оно показываетъ всю спранныость, или справедливѣе скажемъ нелѣпность *романтизма*, если только не клеветаютъ на него; ибо пускай бы по словамъ *романтика*, котораго описываетъ (съ ногъ до головы, но не съ головы до ногъ) Леди Морганъ: „одно дѣйствіе происходило въ Парижѣ, а другое въ Камчаткѣ;“ пускай бы нарушилось, или даже разрушилось классическое правило о единствѣ мѣста и времени; но находишь въ *трагедіи* романы, идилліи, эклоги и при томъ чуждые и мѣсту и времени, и людямъ, и не находишь ожидаемаго отъ трагедіи — это именно клевета на *романтизмъ*, разумѣется, *какимъ онъ долженъ быть* въ самомъ дѣлѣ: по крайней мѣрѣ мы такъ думаемъ; ибо не льзя же, чѣтобъ *романтизмъ* состоялъ въ насмѣшкѣ надъ опредѣленнымъ искусствомъ и въ пародіи на правильныя сочиненія!

Но если что плѣнило насъ въ этомъ Разборѣ, — это *психическое* изслѣдованіе Ермака, созданнаго Поэтомъ, въ произведеніяхъ котораго никакія романтическія балшарей не произведутъ нималѣйшей бреши, и о которыхъ можно и должно сказать съ Делилемъ то, что онъ сказалъ о Египетскихъ пирамидахъ, упоминаемыхъ въ семь Разборѣ, или то, что самъ Пѣвецъ Ермака говоритъ о своемъ героѣ въ обращеніи къ нему,

Съ какою энергією Авторъ Разбора слѣдуешь за вдохновеніемъ Поэша, предъ которымъ „опверзлась завѣса древности,“ и который „въ дали, недосызаемой зрѣнію обыкновеннаго чело-вѣка, усмотрѣлъ двухъ свидѣтелей великаго событія. . . .“ и проч., и проч.! Какую идеологи-ческую красоту открываетъ взору въ пѣишической *лабораторіи*, изъ которой надлежало выд-ти завоевашелю Сибири, какъ вышла Минерва изъ головы Юпитера!

Наконецъ Авторъ Разбора обращается къ Автору Трагедіи съ такою вѣжливостію, ко-пору можно поставитъ въ примѣръ нашимъ ре-цензентамъ вообще, равно какъ и шушки, ко-порыми онъ развеселяетъ Разборъ свой, нимало не оскорбляя ни хорошаго вкуса, ни крипи-куемаго Авшора. Это не сплетни! . . .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

К ъ б о л ѣ н о м у .

Вѣры прадѣдовъ отступникъ,
 Омраченный эгоистъ!
 Ты, какъ пойманный преступникъ,
 Тѣломъ и душой нечистъ!
 Жизнь швоя, какъ дѣбрь, пустыня;
 Самъ, какъ злой, отпадшій духъ;
 Для тебя смѣшна святыня!
 Свѣта призраки, гордыня
 Обуяли взоръ и слухъ! . . .
 Эхъ! скорѣй перемѣнися!
 Отъ дурачества отстань!
 Бѣснованья перестань!
 На людей по-меньше злися,
 А съ проклятою хандрой,
 Какъ съ постылою женой,
 Если можешь, разведися.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

*Письмо Рускаго офицера къ бывшему
сослуживцу, въ Грузію.*

Не удивись, любезный другъ, если получишь опъ меня вдругъ два письма: чшо весьма легко можешь случиться; ибо по опправленіи къ тебѣ перваго вслѣдъ за нимъ посылаю и другое; причину шаковой послѣдственности усмотришь изъ послѣдняго. Ты знаешь, какъ я люблю моихъ собратовъ, а пошому люблю и шѣхъ, копорые испинно преданы нашему Царю и Опечесству; но и радость не въ радость, когда ея не подѣлимся съ другомъ.

Недалѣе, какъ вчера поушру, случилось мнѣ бытъ по моему дѣлу въ Полицейскомъ Чашномъ домѣ, гдѣ полщилось множество лицъ разной націи; въ шомъ числѣ были Армяне и одинъ Священникъ. Сей послѣдній убѣдилъ меня въ мнѣнии, чшо всѣ сіи люди были призваны для какого-шо важнаго допроса, а эшо меня и заставило касательнo моего дѣла пріоспановишься. — Между Армянами находилъ ся одинъ Армянинъ, имѣющій на себѣ знаки опличія, и казавшійся совершенно не внимательнымъ къ прочимъ. Наружность его сама собою высказывала, и весьма ясно, чшо ему слишкомъ непріятно дышашь однимъ воздухомъ съ шѣми, копорыхъ вспрѣшилъ шолько по нечаянному случаю. Побуждаемый любопытствомъ, я обратился съ вопросомъ къ одному изъ чиновниковъ Полиціи: „Кшо шакoвъ эшопъ, по видимому, знаменишый членъ Арменіи?“ Мнѣ опшвѣчали съ легкою улыбкою: богачъ N. N. „И шолько?“ — Болѣе ничего! — „Но онъ долженъ

быть чиновникъ, ибо кавалеръ?» — На сей вопросъ я не получилъ отвѣта: Полицейскаго офицера за чѣмъ — то позвалъ Частный Приставъ. Позади меня заскрыпѣла дверь; я оглянулся и увидѣлъ еще новое лицо, которое также по его физиогноміи, казалось мнѣ, принадлежишь Армянамъ. Вошедшій былъ военный офицеръ, въ мундирѣ, украшенный знаками отличія нашего Капипула, и сверхъ того имѣлъ восточный орденъ, какъ не оспоримое доказательство того, что былъ дѣйствительнымъ и не посредственнымъ сопридаткомъ Рускихъ воиновъ, увѣковѣчившихъ славу своего оружія подъ знаменами безсмертнаго Фельдмаршала Графа Паскевича Эриванскаго въ бывшую войну съ Персіей 1827 года. Офицеръ былъ лѣтъ 40, довольно высокаго роста и крѣпкаго сложенія; на лицѣ и въ поступкахъ изображались самонадѣяніе, швердая увѣренность въ своихъ достоинствахъ и благородная гордость. Сии качества, казалось, управляли свободою въ его шѣлдвиженіяхъ и разговорахъ. Что — то было въ немъ споль не обыкновенное, и до такой степени, что я, въ минушу его появленія, забылъ о своемъ дѣлѣ, о всѣхъ присутствующихъ и весь погрузился во вниманіе къ сему человеку, скоро оправдавшему меня предъ самимъ собою: я узналъ, что сей офицеръ изъ Закавказья, совершалъ всѣ походы на Воспокъ и находился безоплочно при свитѣ нашего Генія бившѣ, Князя Варшавскаго: кажешься, эшаго уже и довольно къ оправданію моего удивленія, ибо необыкновенные люди весьма обыкновенныхъ къ себѣ не приближаютъ.

Увидѣвши своихъ соотечественниковъ, болѣе прочихъ изъяснилъ онъ имъ свое радушіе и предпочтительно разговорился съ гражданскимъ

чиновникомъ (о кошоромъ сказалъ я выше), и, какъ догадываюсь, такое предпочтеніе произвели ордены, украшавшіе грудь его: что весьма и не удивительно; ибо сія нація издревль всегда славилась чрезвычайнымъ патриотизмомъ и воинскою храбростію. Сей заслуженной воинъ могъ предполагать, что и повариха его, капорато онъ почпилъ своею вѣжливостію, конечно не краснѣясь живетъ посреди коренныхъ Рускихъ, бывъ удостоенъ добрыми овоими хозяевами сопричисленія къ ихъ семействамъ и что онъ вѣрно первымъ себѣ долгомъ почелъ право на сіе купить какими нибудь весьма значительными заслугами Рускому Царю и Опечеству, напримеръ жершвуя имъ неоднократно своею жизнію на полѣ, гдѣ защищается честь сей примѣрно миролюбивой части земнаго шара. Я неспускалъ глазъ съ разговаривающихъ и замѣтилъ перемѣны на ихъ лицахъ: въ глазахъ воина изображались по досада, по пренебреженіе, а на лицѣ гражданскаго чиновника даже появились пятна. . . Какъ разговаривающіе находились отъ меня въ нѣкоторомъ разстояніи, то я и не могъ хорошенько вслушаться въ маперію; но замѣпивъ, что ихъ преніе болѣе походило на ссору, нежели на дружескую бесѣду, еще сильнѣе увлекался любопытствомъ, и хотѣлъ приблизиться къ нимъ; но воинъ постепенно возвышая голосъ, началъ говорить такъ громко, что можно было всѣмъ слышать; а потому я и оспался на прежнемъ мѣстѣ. Въспомня слова офицера, кошорыя удержаны мною въ памяти:

„Жаль, жаль!“ говорилъ онъ: „что у Армянъ изъ богашаго и полного словаря ихъ похищено слово *честь*, то есть драгоцѣнность,

«для которой только человекъ долженъ и суще-
 ствовать! а они по несчастію оспаютъся равно-
 душными къ сей потерѣ, которую до тѣхъ
 поръ не возвращаютъ, пока не стануть сами въ
 рядахъ воиновъ Рускихъ, и вмѣстѣ съ ними
 принося вѣрноподданическую жертву Царю
 и Отечеству, не будутъ сперечь хотя, ска-
 жемъ такъ, семейство свое;» потомъ указавъ
 на предстоящихъ Рускихъ, продолжалъ :

«Почему обязаны они защищать эту землю,
 которую обрабатываю собственно для себя;
 торговлю, которою обогащаюсь, между тѣмъ
 какъ отъ пріобрѣтенныхъ выгодъ развѣ только
 малую частію подѣляюсь съ казною и своими
 соотечественниками; защищать семейство
 мое, въ кругу котораго я благоденствую?»

Гражданскій чиновникъ, примѣшно оскор-
 бясь сими словами, и бросая на него весьма
 непріязненные взгляды, началъ что-то ше-
 велишь губами; но опять былъ прерванъ раз-
 драженнымъ землякомъ своимъ, какъ бы не за-
 мѣчавшимъ его неудовольствія, и продолжавшимъ
 такъ :

«Я угадываю, что вы намѣрены оправды-
 вать земляковъ нашихъ; конечно скажете, что
 они бѣдны, несчастны и тому подобное. . . .
 Гдѣ же истина? иные не только что не бѣд-
 ны; но даже съ излишествомъ богаты. Этого
 уже и довольно; ибо главные отрасли коммер-
 ціи на Востоку распространялись и распро-
 сраняются ихъ дѣятельностію, — не не-
 щастны потому, что изъ-подъ угнетенія бывъ
 извлечены самодержавною рукою Рускаго ИМ-
 ПЕРАТОРА, на лонѣ успокоенія безпрепят-
 ственно наслаждаются своею собственностію,
 и по своему произволу располагая собою, без-
 обязанно провождаютъ дни свои подъ благо-

»творною стѣнію своего Монарха, нимало не
 »бывъ отдѣлены отъ собственныхъ дѣшей Рос-
 »сіи; и не эта ли самая причина заставляешь
 »Рускихъ не рѣдко произносить обидныя слова
 »на счетъ нашей націи? Но если бы мы доказа-
 »ли имъ чувства своей признательности; если
 »бы мы, какъ и они, служили общему нашему
 »опечесеству съ одушевляющимъ ихъ рвеніемъ,
 »и раздѣляли съ ними всѣ труды ихъ: тогда
 »бы всякой Руской увидѣлъ въ Армянина своего
 »роднаго брата, полюбилъ бы его, и горе и ра-
 »доссть дѣлили бы съ нимъ по-поламъ.“ Помол-
 чавъ нѣсколько, какъ бы ожидая возраженія, но
 не получая никакого отвѣта, правдухинъ нашъ
 пустился далѣе:

»Слова, мною сказанныя, никакъ не должны
 »относиться ко всѣмъ вообще нашимъ соопече-
 »ственникамъ; ибо весьма многіе изъ нихъ от-
 »дѣлились отъ праздно-живущихъ и не посты-
 »дясь своего званія: они оправдали его! и не
 »будутъ самозванцами, если назовушь себя
 »истинными соопечесственниками Рускихъ,
 »имѣя несомнѣнныхъ тому свидѣтелей: въ Бозѣ
 »почивающаго Императора Александра Благо-
 »словеннаго, Царствующаго Монарха, всѣхъ
 »Главноуправлявшихъ въ Грузіи и въ особенно-
 »сти Фельдмаршала Графа Паскевича-Эриван-
 »скаго, копорыхъ своеручныя удостовѣренія въ
 »своемъ благоволеніи, какъ священные скрижа-
 »ли, сохраняются невредимыми (равнѣ только
 »уступаятъ силѣ всеокрушающаго времени) до
 »самой смерти всего поколѣнія Закавказскихъ
 »Армянъ, и служатъ за нихъ порукою. Я про-
 »спираю мои укоризны на тѣхъ только, копо-
 »рые безъ малѣйшей благородной зависти (Ар-
 »мянамъ издревле свойственной) къ щастли-
 »вымъ своимъ одноземцамъ, соучастникамъ вели-

«кой славы доблестнаго Фельдмаршала Графа
 «Паскевича - Эриванскаго, зарывшись въ кучи
 «своего золота, не только сами не пожелали
 «имъ содѣйствовать; но даже щепетельно спа-
 «рались охладить ихъ похвальное рвеніе; и
 «сіе, можете спастись, попому, что имъ было
 «бы больно видѣть заслуженное достоинство
 «предпочитаемымъ своему случайному возвыше-
 «нію (о чемъ бы я могъ распространиться да-
 «лѣе, да не хочу), а къ довершенію крайняго
 «нещастія земли нашей, они именуются Армян-
 «скими вельможами по сану, ими носимому, и
 «по своему сословію, и думали только о са-
 «михъ себѣ тогда, какъ Фельдмаршалъ прибыв-
 «ши въ Тифлисъ 1827го года, удостоилъ сво-
 «имъ воззваніемъ двадцати одного Армянина,
 «охотниковъ, явившихся къ нему по собствен-
 «ной своей волѣ, копорымъ приглашалъ онъ и
 «прочихъ поднять оружіе на враговъ Россіи.
 «Языкъ его, одушевленный безпредѣльною пре-
 «данностію ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и не-
 «изъяснимою любовію къ Отечеству, былъ столь
 «силенъ, что могъ повелѣть сердцамъ Армянъ
 «соединиться во - едино; и по его мановенію въ
 «одинъ мѣсяць явилось ошборнѣйшихъ воиновъ
 «700 человекъ, изъ коихъ каждый, не щадя силъ
 «своихъ, ни жизни, оставлялъ семейство, за-
 «бывалъ объ имуществѣ и старался достигнуть
 «цѣли, предначертанной ГОСУДАРЕМЪ, дабы
 «имъ самымъ изъяснить свою нелицемѣрную
 «признательность къ щедростямъ Монарха, съ
 «такимъ изобиліемъ на него изліяннымъ. Сіи
 «герои совершили всю Персидскую кампанію, и
 «наконецъ оправдали ожиданіе знаменитѣйшаго
 «своего Полководца въ рѣшительномъ дѣлѣ Ур-
 «дабадскомъ, находясь при Генералѣ Князѣ Ба-
 «граціонѣ (родномъ братѣ славнаго Баграціона,

«который жилъ и кончилъ жизнь на Марсо-
 вомъ полѣ) съ двумя ротами Грузинскаго грена-
 дерскаго полку, воспитанниковъ незабвеннаго
 для Кавказа Генерала Копляревскаго, спасите-
 ля всего тамошняго края въ 1812мъ году; симъ
 и многими подобными сему подвигами каждый
 изъ нихъ по всей справедливости исключилъ
 себя изъ общества равнодушныхъ нашихъ со-
 опчицей. Почему же Фельдмаршалъ въ то вре-
 мя не обратился къ вельможамъ Армянскимъ,
 искони въ Россіи обитающимъ? я не осмѣлюсь
 выводить изъ того никакихъ дословѣрныхъ
 заключеній; но какъ предполагашъ и догадывашъ-
 ся не естъ оскорблять высокую особу; по, ду-
 маю, не потому ли, что онъ весьма зналъ ихъ
 эгоизмъ и привычку пользовашся всѣмъ за
 даромъ.»

(Окончаніе въ слѣд. Но.)

С М Ъ С Ь.

С о к о л ь н и к и.

Сія историческая загородная часть древней
 Руской столицы, привлекающая къ себѣ своею
 необозримою *сосновою* рощею, споль спаситель-
 ною для слабой груди, представляеть съ нѣко-
 тораго времени *прелестную колонію*, копорая
 увеличивается каждый годъ красивыми домиками
 и домами, равно какъ и привѣзжающими шуда
 на все лѣпо, обыкновенно проводимое тамъ съ
пользою и пріятностію. Ни одна изъ дачъ въ
 живописныхъ окрестностяхъ глагольной Мо-
 сквы не имѣеть такихъ преимуществъ, какими
 отличаются *Сокольники*. Къ нимъ присоеди-
 няется *Красное Село* съ Нѣмецкимъ клубомъ, съ
 Англійскимъ садомъ, гдѣ въ продолженіе цѣлаго
 лѣта происходять различныя увеселенія, исчи-

сленіе которыхъ завело бы насъ очень далеко, и которыхъ даюшся въ каждое воскресеніе, въ каждый праздникъ, и гдѣ можно чипашь газеты, журналы и всякой день имѣшь прекрасный обѣдъ и ужинъ за самую умѣренную цѣну. Въ самыхъ Сокольникахъ извѣстный искусвомъ своимъ берейпоръ Жако содержишь верховыхъ лошадей какъ для мужчинъ, шакъ и для дамъ; шъ и другія сославляютъ очень часто каршинную кавалькаду, служащую весьма занимательнымъ зрѣлищемъ для жишелей, безпреспанно гуляющихъ по роцѣ и по улицамъ сей прелестной, повпоряемъ, колоніи.

ИЗВѢСТІЯ.

Новыя стихотворенія Н. Д. И. Писарева.

„Великихъ дѣлъ источникъ геній;
„Будильникъ генія великія дѣла.“

Дщери Памяти забудушь ли о высококомъ назначеніи своемъ — бышь утѣшительницами рода человѣческаго? Какой же опрады сіи Посланницы. Небесъ не подадушь печальнымъ, горестнымъ, злополучнымъ? И она подана въ сихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ подѣ скромнымъ именемъ: *Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ*, изданныхъ въ пользу сиротъ, лишившихся родителей отъ холеры.

Мы взяли въ эпиграфъ изъ сего же сочиненія два стиха, которые можемъ примѣнить къ самому Авшору, долго молчавшему.

Въ 26 стихотвореніяхъ нѣшь, кажешся намъ, ни одного, которое было бы слабѣе другаго. Они начинаюшся превосходнымъ сочиненіемъ Ламарпина: *Бонапарте*, переведеннымъ изящно и близко, какъ на примѣръ сіи стихи:

Ему (*) одинъ отвѣтъ дашь Царь и рабъ гошovy:

Какъ несъ вѣнецъ; какъ несъ оковы.

L'un du sceptre, l'autre des fers.

(*) Богу,

Въ листкахъ, по справедливости названныхъ *сплетнями*, забавляюся надъ оффиціальною спашьею, напечатанною въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и присланною Начальствомъ Заведенія вышеупомянутыхъ сиротъ, копорою изъясляется благодарность Г-ну Иванчину - Писареву за пожертвованіе 570 экземпляровъ его сочиненія, подъ названіемъ: *Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ*. „А какъ такихъ сочиненій“ — сказано въ сплетняхъ — „не имѣется, по, кажется, эта пословица изъ письма перешла въ названіе сочиненій!“

Нужно ли пояснять дерзкую мысль, копорая самого сикофанша *удивила*? Но мы не удивляемся, зная челоѡвка; а вспоминаемъ другую пословицу: *Rira bien, qui rira le dernier.*

П а р и ж с к і я м о д ы .

Очень много нарядныхъ креповыхъ шляпокъ вишневаго цѣта съ однимъ длиннымъ перомъ эшаго же цѣта.

Большая часть лифовъ дѣлается съ гладкою спинкою и съ драпировкою на переди: эшошь фасонъ лифовъ очень хорошь при канзу и пелеринѣ.

— Подъ рукавами надѣваются узенькія обшивки (*poignets*) изъ вышитаго батиста, съ оборкою изъ узенькихъ Валансіенскихъ кружевоѡ (*valenciennes*), копоры выходятъ на руку: единственный родъ манжетокъ.

— Въ нынѣшнемъ году показалось очень много вязаныхъ нитяныхъ перчатокъ.

— Гладкія чулки изъ Шотландскихъ нипокъ въ большой модѣ.

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Дама. Шляпка изъ газа Донна Марія, съ розами. Платье изъ вышитаго шерстью органди.

Мущина. Костюмъ Англійскій.

П е ч а т а т ь д о з в о л я е т с я ,

съ тѣмъ чшобы, по оппечатаванію, были предсшавлены въ Ценсурной Компшетѣ шря экземпляра. Москва. Юня 13го дня, 1832 г.

Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Советникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

La Contemporaine.

Библиографическая исторія нашей эпохи, можешъ бышь, скажешъ нѣкогда, что въ организаціи *Современницы* (*La Contemporaine*) было нѣчто особенное и удивительно какъ принаровленное ко сценамъ, между которыми она жила, и въ чемъ, вѣроятно, не могла самой себѣ дать опчета: такъ, на примѣръ, внутреннее побужденіе къ изслѣдованію, могшее содѣлать ее превосходнымъ наблюдателемъ; потребность нравственной дѣятельности, которая сотворила бы изъ нея начальника партіи, внушающаго къ себѣ почтеніе; бодрость духа, которая содѣлала бы ее хорошимъ предводителемъ войскъ. Всѣ сіи качества были только любовью и энтузіазмомъ въ ея молодости.

Нынѣ *Современница* есть уже современницею оканчивающагося поколѣнія. Женщина, носившая имя Моро, раздѣлявшая на - часъ съ честоплюбіемъ и славою сердце Наполеона и видѣвшая передъ собою въ уничиженіи лавры *храбраго изъ храбрыхъ*, подверглась одинакой участи съ пою великою Имперіею, копорую она богошворила. Современница имѣла свое Ватерло.

Она возобновила свою дѣятельную жизнь, жизнь приключеній и спрасней, въ то время, когда другія женщины оканчивають ее. Сія черпа есть характериспическая. Спавши развалиною, какъ сама говоришь, *Современница* знакомилась съ развалинами древняго міра, и вездѣ искала шѣхъ, копорыхъ приводили ей на память воспоминанія жизни настоящей и сіи обольщенія въпреной молодоспи, съ копорыми она соединяешь нѣкопорый родъ славы. Нынѣ она *Современница* опважная; и новая почка зрѣнія, подъ копорою она предспавляется, есть конечно чрезвычайнѣе другой.

Въ Европѣ гремят ея пупешествія. Умъ *анекдотизма* есть умъ женщинѣ. Онѣ видяють пысячу предметовъ, копорые часпо ускользають отъ наблюденія, и почпи всегда — отъ тенія. *Современница*, для копорой эшошь умъ иногда былъ весьма пригоденъ, нигдѣ не забывала объ немъ. Она повсюду *Современница* людей, копорыхъ видала, и гражданка спранъ, копорыя посѣщала. Ея книга есть зеркало прошедшаго, копорое она предпочпашаетъ настоящему.

Съ Франц.

А л ь б о м ъ .

Въ одномъ Рускомъ Журналѣ, котораго самое наименованіе угрожаетъ чипапелямъ. . . *Скиллою и Харибдою* на пуши къ филологическимъ познаніямъ Издашеля, напечатано слѣдующее *изъ Жанъ - Поля* : „Какъ часто называлъ я блаженными великаго поэта, великаго живописца, великаго музыканта! — Они могутъ пворить, создавать великое, прекрасное, веселое! — Могутъ чистой своей фантазіей почистить священный прахъ! И, однако же, что ихъ сужденія? мечпашельная, блестящая игрушка! Есть нѣчто лучшее. . . „ и что же это лучшее? какъ бы вы думали? „жизнь.“ Какая? чья? Жизнь имѣютъ и насѣкомыя. Но поэтъ, живописецъ, музыкантъ, а особливо *великіе*, имѣя *жизнь*, имѣютъ еще и по преимуществу, что сами *творятъ, создаютъ* — положимъ, что это одно и то же — но пворятъ и создавають *великое, прекрасное, веселое*, — *могутъ почитать священный прахъ*: чего же болѣе? но *ихъ сужденія мечтательная, блестящая игрушка*. Почему? какъ *люди*, они могутъ судить не хуже. . . Издашеля. Не уже ли поэзія, живопись, музыка исключаютъ здравый разсудокъ — по крайней мѣрѣ въ обыкновенной *жизни*, копорую — напоминаемъ — имѣютъ поэтъ, живописецъ и музыкантъ наравнѣ со всеми органическими существами. Дальше: „есть *созданіе*.“ Какое? чье? Есть *созданіе и отвратительное*. Но поэтъ, живописецъ, музыкантъ, а особливо *великіе*, развѣ не *созданіе*? и еще не такое ли, копорое — по вашимъ же словамъ — *само творитъ, создаетъ*? . . . Бѣдный *Жан-Поль!*

Другая страница начинается сею надписью: *Горе отъ ума — на Московскомъ Театрѣ* (?!). И за симъ каламбуромъ слѣдуютъ *размышленія* о нравахъ и обществѣхъ *Москвы*, самыя злыя и самыя ребяческія вмѣстѣ, или лучше сказать *Ефремовски* перемалеванная *карриатура* на сію заслуженную, семисотъ-лѣтнюю столицу — *сердце Россіи*, составившая двусмысленную славу *Горя отъ ума*. Выспренній мыслитель укоряетъ Московскій *свѣтъ* за то, что въ немъ „сходятся безъ участія и расходятся безъ сожалѣнія.“ Да гдѣ же въ *свѣтѣ* сходятся съ участіемъ и расходятся съ сожалѣніемъ? на это не спанешь жизни. И какого участія, и какого сожалѣнія пребудетъ выспренній мыслитель, если не случилось чего-либо особеннаго? Далѣе укоряетъ за то, что „унижаемся безкорыстно.“ Да развѣ лучше *унижаться корыстно?* и какъ это называется въ словарь чести? Далѣе укоряетъ Московское гостепріимство, говоря, что *дома наши* (?!) открыты для званыхъ и не званыхъ, для честныхъ и подлецовъ.“ Да развѣ гдѣ-нибудь *всегда* зовутъ къ себѣ знакомыхъ; развѣ *подлецы*, доколѣ они не ошельмованы публично, не пользуются всѣми правами и выгодами общенія? Далѣе укоряетъ *Русскихъ* за то, что „изъ-подъ Европейскаго фрака выглядываетъ осташокъ *Русскаго каштана?*“ увѣряетъ, что „обривши бороду, *мы* еще не умыли лица.“ Не умыли лица черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ обрили бороду! . . . Милоспивый государь! великій мыслитель! не *мы*, а развѣ *вы* не успѣли еще умышья. . . . росую здраваго смысла и вѣрнаго чувства.

Требованія нравственности, объявляемымъ великимъ мыслицелемъ въ сей спашь, шакъ неумѣстны, что, къ сожалѣнію, похожи на *мѣдь звенящую*; а *семейныя добродѣтели* Москвитянь подводятся великимъ мыслицелемъ. . . . подь исключенія!

Вообще эша спашья наполнена софизмами и парадоксами, скудна мыслями, и богата словами — точно какъ первая, кошорою открывается поприще сего Журнала, и кошорую должно признашь *старшею родною* сесприцею. . . .

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

К ъ Д. В. Р * * * .

Блаженъ, кто жизни доволенъ,
 И жаждой славы не шомимъ;
 Кто глупой завистью не боленъ, —
 Богатъ добромъ своимъ однимъ;
 Кто на богатыхъ не молился,
 Глупцамъ неволей не внималъ,
 На наши звѣзды не крестился,
 И въ сплешни свѣша не попалъ;
 Кто неразгульную, прямую
 Дорогу въ жизни проложилъ,
 И юныхъ лѣтъ горячку злую
 Безъ шрамы сердца пережилъ;
 Кто пивши чашу наслажденья,
 Не допивалъ ее до дна,
 Не зналъ минуты упоенья,
 И чувствъ безжизненнаго сна;
 Кто дѣлится пылкія желанья —
 Первоначальную любовь
 Съ предметомъ перваго мечтанья,
 И не влюбляется ужъ вновь!

Но я, мой другъ, въ душѣ печальной
 Давно любовь запечатлѣлъ;
 Лишь поцѣлуй ея прощальной
 Одинъ остался мнѣ въ удѣлъ.
 Ни красоты призывъ опасной,
 Ни блескъ приманчивыхъ чешей
 Любви первой — и напрасной —
 Не истреблять въ душѣ моей!

А. Никитинъ.

*Надпись къ загородному домику моей
 дочери.*

Да оградяшь его Пенапы
 Ошъ язычковъ *того и той!*
 И пусть онъ будетъ проще *хаты*,
 Лишь толькобъ красился сердечной чистотой!

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

*Письмо Рускаго офицера къ бывшему
 сослуживцу, въ Грузію.*

(*Окончаніе.*)

Такъ кончилъ военный человекъ дружескую бесѣду съ своими земляками, и съ гражданскимъ чиновникомъ, въ кошоромъ чувства боязни и злобы примѣшно боролись между собою: я удивлялся тому, что подчасъ, или мѣнѣе, такъ сильно могло измѣнить сего щещславнаго душища; непомѣрная гордость, видимая въ немъ мною до появленія сего меча Магометова (*), уступила мѣсто уничиженію. —

(*) Зюль - Фикарь поперсидски означаетъ мечъ Магомета, поражающій всякую неправду, искореняющій зло и проч.

Тутъ пришло мнѣ въ голову : не ясное ли доказательство, что пороки всегда бываешь побѣжденъ добродѣтелью ? Закавказскій риторъ взявъ шляпу и спалъ - было прощаться, какъ находившіяся шутъ въ это время многія довольно значительныя особы присупили къ нему съ просьбою : если у него имѣется копія съ вышесказаннаго воззванія къ жителямъ Закавказскаго края, гдѣ Фельдмаршалъ явился въ 1826мъ году Цезаремъ, ш. е. пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ : то чпобы онъ далъ имъ прочесть оное; на что съ весьма торжественнымъ видомъ военный челоуѣкъ отвѣчалъ : »Что это за вопросъ : если имѣется? Вы должны лучше спросить у меня, если какое нибудь дѣйствіе отца моего (*), которое бы я потерялъ изъ памяти ? Я знаю воззваніе наизусть, и сія движимая истиннымъ патриотизмомъ рѣчь достойно прославившагося нашего Эриванскаго Героя не испребишся никогда изъ моей памяти. Я ее передалъ изъ слова въ слово дѣтямъ своимъ, и они какъ бы благоговѣя къ изрекшему ее, со слезами умиленія весьма часто повворяють оную. Но шеперь я вамъ не скажу ее, а если хотите у меня опкушать солдатскихъ щей, то милосши прошу ко мнѣ; шамъ я вамъ дамъ на выборъ любовь изъ сыновей моихъ и онъ вмѣсто десерпу удовлетворитъ вашему любопытству. Ну поидемше !«

Челоуѣка, говорящаго всегда въ глаза неприятную истину, Персіане обыкновенно называютъ Зюль - Фикаромъ. *Сог.*

(*) Такъ онъ всегда называлъ Фельдмаршала, и что слово, по новый огонь благодарности. *Сог.*

Съ симъ словомъ въ сопровожденіи прехъ человекъ, къ которымъ онъ обращался съ приглашеніемъ, отправился во свояси. Позабывши о своемъ дѣлѣ, я ушелъ изъ Частнаго дома за ними вслѣдъ, какъ бы очарованный. Пришедши домой, наскоро пообѣдалъ, въ намѣреніи отдохнувши, извѣстить себя обо всемъ, мною видѣнномъ и слышанномъ.

Въ 6 часовъ сажусь за письмо; вдругъ отворяющіяся двери, и съ поспѣшностью входящій ко мнѣ общій нашъ пріятель N. N., который также обѣдалъ у Закавказца. «Снова здорова!» сказалъ онъ мнѣ. — Вѣрно принесъ копію съ званія! Ну, читай же поскорѣе! — «Погоди, братецъ! вели напередъ подашь чаю.» — Не мучь меня! эшто право скучно! — «Да имѣй терпѣнье! я уснулъ, не могу перевести духу; бѣгомъ бѣжалъ къ тебѣ. Дай хоть промочишь горло! я тебѣ все расскажу и прочитаю, и ты мной останешься чрезвычайно доволенъ.»

Нашъ неговорчивый пріятель таки поспавилъ на своемъ: дождался чаю, выпилъ чепыре чашки, спросилъ трубку и пуская дымъ на разные манеры, наконецъ приступилъ къ разсказу.

«Ну слушай же! да не перебивай меня! уже эшто истинно такая новость, за кошорую мнѣ всѣ мои пріятели будутъ благодарны; и сакъ слушай! не буду тебя упоминать пустымъ разсказомъ, что мы пили и ѣли, а скажу шолько, что чистая радость была написана на лицѣ хозяина. Онъ ведетъ жизнь, совершенно сходную съ нашей, и въ приличіяхъ угощенія ничѣмъ не разнился отъ Рускихъ; изъ чего я и удостовѣрился, что онъ всею душою привязанъ къ Рускимъ; воинспвенный жаръ, его одушевляющій безпреспанно, нимало для меня

»не удивителенъ : онъ сынъ Азіи ; но большая
 »образованность , мастерство говоришь , возвы-
 »шенные мысли , здоровое и совершенно очищен-
 »ное сужденіе о всѣхъ предметахъ доказываютъ
 »большой , пылкой и проникающей умъ , о ко-
 »шоромъ , судя по Рускому его нарѣчію , заключаю ,
 »что онъ не былъ бы послѣднимъ и въ первѣй-
 »шемъ кругу нашего дворянства . — Послѣ обѣда
 »повелъ онъ насъ въ свой кабинетъ и тамъ раз-
 »сказывалъ о походахъ Фельдмаршала , и гдѣ
 »шолько долженъ былъ произнести имя его ,
 »тамъ мгновенно слеза благодарности прыскалась
 »на его ресницахъ . Вообрази мое положеніе ! я
 »какъ ребенокъ гоповъ былъ рыдалъ съ нимъ
 »вмѣстѣ ошъ радости , видѣвши такую непри-
 »зворную признательность къ своему благодѣ-
 »телю : это чувство плѣняетъ — и въ комъ же
 »я его встрѣчилъ ? въ Азіяпцѣ ! . . . о копо-
 »рыхъ мы со всѣмъ инаго мнѣнія . — Немного по-
 »года , вошли къ намъ два мальчика : одному
 »было около 8ми , а другому около 6ти лѣтъ :
 »это дѣши его , прехорошенькія собой , а мень-
 »шой . . . совершенная диковинка ! Что за глаза !
 »я съ роду такихъ не видывалъ : черные , необык-
 »новенно большіе , на выкатѣ , и , кажется ,
 »проникающіе того насквозь , на кого устрем-
 »ляются . Непринужденная , живая , веселая
 »послупь видна во всѣхъ его приемахъ , но ни-
 »чего грубаго . Можешь себѣ представить , что
 »наши взоры осполбенѣли на этомъ миломъ ма-
 »люшкѣ , и всѣ мы вдругъ , какъ бы стговорившись ,
 »избрали его своимъ орапоромъ . Вѣжливо по-
 »клонясь намъ , онъ приблизился , кашлянулъ ,
 »поднялъ лицо съ Азіяпскою важностію и на-
 »чалъ говоришь слѣдующее :

Армяне! доблести предковъ вашихъ въ воинскомъ отношеніи извѣстны! Жестокости Магомедова фанатизма, подъ игомъ копораго вы находились, унизили духъ вашъ. Приспуть къ оружію, по прошествіи многихъ спольшій, отъ копораго отвлекали васъ пришъснители ваши, не будешь пшжель для васъ, если вы помыслише о достоинствахъ предковъ своихъ и о священной воли Монарха Всероссійскаго. Онъ просперъ мощную десницу Свою на опечество ваше не для собственнй пользы; но для защиты и благоденствія вашего. Одна только милость и состраданіе Россійской Державы, по свойственному ей челоувколюбію принявшей васъ подъ свое высокое покровительство, съ большими пожертвованіями успокоиваетъ васъ отъ всякаго злощастія! — Сила Богохранимой Россійской Державы находится въ помъ же состояніи, въ какомъ была всегда и при прежнихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Не поколебимая вѣрность націи вашей, какъ даръ природы, пупеводствуя васъ, обращаетъ на васъ вниманіе Государствъ, что и вы не съ меньшимъ усердіемъ были всегда воспламенены къ исполненію своихъ обязанностей, и за вашу безпримѣрную вѣрность неоднократно заслуживали хвалу и признательность, и удостоились въ особеннсти милостиваго вниманія Россійской Имперіи; почему и названы ея слугами, добрыми и вѣрными. — Вѣрность ваша прославлена передъ вселенной Семилостивѣйше пожалованною вамъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Грамошою.

Поелику же воля Правосуднаго Монарха нашего естъ: опразивъ силу силою, освободить

лучшую часть Арменіи и первопрестольный Патриаршескій Эчміадзинъ вашъ; по и я, какъ Предводитель непобѣдимаго воинства Россіи, долгомъ почиаю пригласить васъ къ общему дѣлу. Я укажу вамъ путь ко славъ; храбрые солдаты ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ нашего подадутъ вамъ примѣръ; а что вы содѣлаешесь послѣдователями ихъ, въ томъ ручающси подвиги предковъ вашихъ и ихъ добродѣтели.

„При чтеніи наизусть сего воззванія“ (продолжалъ N. N.) „всѣ мускулы дышяши были одушевлены воинственнѣмъ жаромъ; глаза выражали въ одно время нѣчто повелительное и приглашающее. Какъ искусно этакъ ребенокъ переселялся воображеніемъ въ чувство Главнокомандующаго и съ какою неизъяснимою силой постигалъ мысль того, кого онъ — такъ сказать — представлялъ собою! и до такой степени энтузіазма умѣлъ подѣйствовать надъ нашими сердцами, что мы опомнились только въ ту минушу, когда онъ пересталъ говорить!... „Поклонясь на обѣ стороны, маленькій Армянскій Демосеенъ сошелъ со сцены. За трудъ его — не изъ вѣжливости, а почто отъ избытка чувствъ — каждый изъ насъ наперерывъ мучилъ его поцѣлуями. — Отецъ, сохранявшій дополу мужество, хотѣлъ было побѣдись нашуру; но видно она могущественнѣе и воина: долго въ неподвижномъ положеніи сидѣлъ онъ на креслахъ, съ поднятыми головой и глазами къверху, чшобы удобнѣе глошашъ слезы свои; но наконецъ былъ побѣжденъ ею: быспро вскочилъ съ своего мѣста; крупныя слезы выливались одна за другою, и разстрогавшись до чрезвычайности, чшобы,

»вѣроятно, предашься въ полной мѣрѣ обилію
 »чувствъ своихъ, вышель изъ комнашы. Минуть
 »съ пять пробыли мы одни и не знали, какъ до-
 »спасочно оцѣнимъ рѣдкія добродѣтели и нѣж-
 »ное сердце сего смуглаго и свирѣпаго по на-
 »ружности Закавказца. Онъ возвратился къ
 »намъ съ лицемъ болѣе веселымъ, нежели прежде.

»Ну вотъ вамъ, любезные госпи, и все уго-
 »щеніе шупъ!« сказалъ онъ: „чего хотѣшь болѣе
 »опъ Рускаго солдата? Рюмка водки, ложка щей,
 »да рассказы — у спариковъ о Суворовъ, а у
 »насъ о Паскевичъ. Но вы хотите идти; я
 »вижу и не удерживаю. И мнѣ надобно захватъ
 »къ одному Секретарю; вѣдь это не наша воен-
 »ная служба. У насъ, какъ дѣло правое, по
 »смѣло подавай рапортъ, да и спи покойно! а по-
 »томъ вскорѣ чинаешь въ приказъ, что конче-
 »но въ твою пользу. Но въ гражданскихъ дѣ-
 »лахъ совсѣмъ иначе. — Прощайте! до свиданія!
 »дверь моя никогда для пріятелей не запи-
 »рается; кто ко мнѣ пожалуетъ, во всякое вре-
 »мя я всей душою радъ!«

„Мы всѣ разбрѣлись въ разныя спороны;
 »кто домой, а я прямо къ тебѣ. Да — вотъ
 »прекрасно! я - было совсѣмъ и позабылъ: мнѣ
 »самому крайняя надобность заглянуть на квар-
 »тиру; анекдотовъ же о Фельдмаршалѣ онъ на-
 »сказалъ столько, что никакъ въ одинъ часъ со-
 »общить тебѣ не успѣю; не лучше ли написать
 »и прислать тебѣ?“ сказалъ, бросилъ шрубку,
 »схватилъ шляпу и ушелъ, прокричавъ дорогою:
 »Прощай!« но потчасъ воропясь, спросилъ у
 »меня, чиналъ ли я въ одномъ журналѣ о весьма
 »не выгодномъ опзывѣ на счетъ смиренной и

усердной Правительству Армянской нации, хотя повѣспововашель ссылаешся на письмо Полковника В., уже умершаго: что легко можешъ подлежать и сомнѣнію. Я опвѣчалъ упвердительно и присовокупилъ, что послѣ всего, рассказаннаго имъ, нашимъ общимъ пріятелемъ, право было бы грѣшно унижать Армянъ.

С М Ъ С Ъ.

Французскій театръ (*).

Avant de donner place dans notre Journal à des critiques sur le Théâtre français, nous avons voulu laisser passer les débuts des cinq nouveaux artistes; afin que l'on ne nous accusât pas de les juger sans les avoir vus; reproche fait au flâneur parisien qui cependant nous a paru les mieux connaître qu'un certain radoteur dont le langage barbare et le style d'antichambre sentent terriblement le spleen.

M. Hervet est un charmant comique qui avoit déjà fait ses preuves en Pologne. Il a soutenu sa brillante renommée. *Vires acquirit eundo*. La Direction l'a, dit-on, engagé pour remplacer M. St.-Albin. Elle entend ses intérêts, cette fois, et les plaisirs des abonnés. Voilà un marché sur lequel, de part et d'autre, on gagnera mille pour zéro.

M. Bercour a une excellente tenue et un excellent ton; c'est dommage que ses gestes multipliées soient souvent de mauvais goût. Ne doit-il pas se défier de sa

(*) Опнынъ — какъ намъ обѣщано — статьи о семъ Театрѣ будутъ на Французскомъ языкѣ въ нашемъ Журналѣ. *Изд.*

manie de croiser les poignets, de se frapper les cuisses et d'élever les bras vers les frises, etc. etc. etc. Cet acteur est infiniment mieux dans le vaudeville que dans la comédie. Les personnes qui, à Paris, ont vu M. Gontier, prétendent qu'il en est la mimologie vivante. Si l'imitation est parfaite, pourquoi le blâmeroit-on de calquer un talent distingué? M. Bercour n'est pas une mauvaise acquisition, tout au contraire.

Mr. Walter, physiquement parlant, est un beau père noble, mais voilà à peu près son unique mérite. Bien dans l'Abbé de l'Épée, il a été foible dans l'École des vieillards, dont il a manqué tous les effets. Qu'il ne s'y trompe point : les *vrais* applaudissemens s'adressaient à l'auteur, et non à lui. Nous ne parlons pas de Tartufe, totalement défiguré par la monotonie du débutant qui a débité ce rôle du même ton que Danville et que l'Abbé de l'Épée, trois personnages dont les caractères n'ont aucune similitude. Mr. Walter n'a pas encore paru dans le vaudeville, et on a cependant remis des pièces dans lesquelles étoit son emploi. Serait-il vrai qu'il ne chantât pas? Alors pourquoi l'a-t-on fait venir? M. Caron, son ancien camarade, pourrait peut-être, à cet égard, donner une explication satisfaisante.

M. Frédéric, que l'on a vu deux ou trois fois, est entièrement étranger à la scène. Est-ce une doublure que l'on a voulu donner à M. Auguste? Ah! M. Caron, quelle pitié!

La galanterie nous ordonnait de nommer M-elle Anna la première; si nous en parlons en dernier, c'est pour suivre le rang que le public lui assigne. A la réforme de M-me Pêruez et de Mr. Auguste, on ferait sagement de joindre celle de Mr. Frédéric et de M-elle Anna, jeune, il est vrai, mais rien moins que comédienne et jolie. Son pied, sa main, sa taille sont aussi pléthoniques que son visage; a quoi l'emploirez-vous? de-

mandait - on à une autorité dramatique. — A rien. — N'est - ce pas à elle à jouer Juliette dans l'Ambassadeur? — Sans doute, mais avec cette tournure commune, comment y penser? — Et Jenny, dans l'hôtel garni de Desaugiers? — Il faut de l'ingénuité, de la tenue, de la décence. — Et Marie, dans Malvina? — Où trouverait-elle de la candeur, de la grâce, de la noblesse? — et . . . — Impossible, impossible! — Que lui fera-t-on donc jouer? — Rien, absolument rien. — Alors pourquoi l'a-t-on engagée? — Demandez à M. Caron. — Il faut qu'on lui ait prescrit de faire cet engagement, puisqu'il a rompu avec M-elle Fouare jeune, jolie et cantatrice. — Mon cher, on a tout uniment prescrit à M. Caron de traiter avec des artistes choisis, mais il a craint de nuire à M-elle Duparc. — à M-elle Constance, voulez-vous dire? — Bon! vous voilà comme tout le monde. Il n'en est pas moins un régisseur capable, convenez-en? — Oh! vraiment et sa mise en scène routinière, son impartialité jésuitique, l'invariabilité de son antique répertoire, et environ trois des engagements qu'il a été faire en France prouvent ses capacités administratives! Pour toute réponse, comparez sa gestion entière à la gestion momentanée de M. Alfred, et consultez les recettes du Théâtre. Enfin exceptez M. Hervet, qu'il a reçu l'ordre formel d'amener, et qui par conséquent n'est point de son choix; M. Berçour qui pouvait être meilleur, quoique d'ailleurs agréable, et M. Walter dont le mérite est encore en question, que vaut le reste? — Il sera plus heureux l'année prochaine, dans un second voyage. — Il faut donc espérer avec le public, que ce sera son voyage. . . . *sans retour*, et le départ des nombreuses inutilités qui, comme lui, surchargent onéreusement la comédie française de Moscou.

Вресла.

П а р и ж с к і я м о д ы .

При гроденаплевыхъ плащяхъ носятъ пелерны въ при оборки, вырѣзанныя вокругъ зубцами, и весьма разширенныя на плечахъ.

— Маленькія шляпки - капоты изъ гродете или бѣлой объяри, подбитыя розовымъ крепомъ, въ большемъ употребленіи. Онѣ убираются одною вѣшкою розъ или другихъ цвѣтовъ, приличныхъ подбою; ленты же газовыя бѣлыя затканныя (brochés). Бантъ съ длинными концами, упاداющими назадъ, приколонъ на мзковкѣ головы.

— Вошли въ употребленіе чрезвычайно легкія шляпки изъ газовыхъ затканныхъ лентъ и прозрачной соломы, пришитыхъ вплошь одно къ другому и сослапвляющихъ поля шляпки; края полей ошдѣланны соломеннымъ прозрачнымъ украшеніемъ; на тульъ же весьма легкіе цвѣты.

— Очень много чепчиковъ съ широкою оборкою, поднятою къ верху; внизу же идетъ другая узенькая оборка, упاداющая на лобъ, какъ бы другой чепчикъ.

— Подъ ворошиикомъ шемизетки надѣваются газовыя вышитыя ленты, вырѣзанныя съ искусствомъ. Сіи банты бывають изъ вышитаго шюля съ маленькимъ кружевцомъ вокругъ.

— Шляпки - капоты изъ пальдери (paille de riz) обшиваются вокругъ полей блондою.

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Платье изъ кисеи - кашемира (mousseline cachemire). Чепчикъ шюлевой. Канзу изъ батистдекосъ (batiste d'Ecosse).

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ тшобы, по оппечатаваніи, были предсшавлены въ Ценсурный Комишенъ три экземпляра. Москва. Іюня 17го дня, 1852 г.

*Ценсоръ, Заслуженный Профессоръ, Статскій Совѣтникъ
и Кавалеръ Иванъ Девеубскій.*

